

TARTU
ÜLIKOOLI

PAUL ARISTE SOOME-UGRI PÕLISRAHVASTE KESKUSE ÜLLITISED

6

**XXVIII International
Finno-Ugrist Students' Conference
Tartu 8. – 11. 05. 2012**

**Teesid
Abstracts
Тезисы**

Kas te räägite eesti keelt?

Pajatattõko vaissi?

Kas ti kõnõlõt võro kiilt?

Või tēg rōkändōt līvō kīeldō?

Tōō lākkäättā ižoraks?

Puhutteko suomea?

Pagizettogo karjalakse?

Pagižet-ik vepsän kelel ~ vepsäks?

Hálatgo / Humatgo sámegeiela?

Тон кортат эрзякс?

Тинь корхтатада мокшекс?

Те марла кутыреда (мо)?

Тä марла шайыштыда?

Ti сёрнитанныд комиõн?

Ti удмурт сямен вераськиськоды-а?

Нән хәнты ясәнән хошлән путэртты?

Нау мәнсьи лätңыл потыртэгын?

Beszélték magyarul?

Ненэця'вадавна лаханада'' ?

PAUL ARISTE SOOME-UGRI PÕLISRAHVASTE KESKUSE ÜLLITISED

6

**XXVIII International
Finno-Ugrist Students' Conference
Tartu 8. – 11. 05. 2012**

**Teesid
Abstracts
Тезисы**

Tartu 2012

Sarja toimetaja Tõnu Seilenthal

Toimetajad Irina Kuldkepp,
Nikolay Kuznetsov ja Madis Tuuder
Sarja kaanekujundus Loit Jõekalda
Kaanekujundus Aivar Täpsi
Kujundus ja küljendus Nikolay Kuznetsov ja
Tõnu Seilenthal

© Tartu Ülikooli Paul Ariste soome-ugri põlisrahvaste
keskus ja autorid

Väljaanne ilmub Kultuurkapitali toetusel

EESTI KULTUURKAPITAL

Trükk Bookmill

ISBN 978-9985-4-0698-4

ISSN 1406-7706

Sisukord

Марина Агеева.....	7
Marina Akeldina.....	8
Svetlana Akeldina	9
Татьяна Аксенова	11
Tatiana Albahtina	12
Ирма Алексеева	13
Tatiana Alybina	14
Михаил Антошкин	16
Геннадий Антропов.....	17
Анна Ануфриева.....	18
Sergey Arteev ¹⁾ , Anna Kuznetsova ²⁾	20
Мария Багина.....	21
Анна Байдуллина.....	22
Ольга Баженова	24
Наталья Баталова.....	25
Татьяна Беляева	26
Natalia Bielak.....	28
Вероника Бойкова	29
Андрей Болтачев	30
Юлия Борисова.....	31
Евгений Бубнель.....	33
Илья Дерендяев	34
Алеся Дмитриева.....	35
Brigitta Endresz.....	36
Александр Филиппов ¹⁾ , Мария Филиппова ²⁾	38
Анастасия Гусева.....	39
András Gyúró	40
Natvani Flóra.....	41
Юлия Харкун	42
Sampsa Holorainen.....	44
Татьяна Хомякова.....	45
Laura Horváth	46
Julia Hübner	47
Алексей Ибатуллин, Ирина Тойгильдина.....	49
Валерия Игнатьева	50
Дмитрий Иванов	51

Елена Иванова.....	53
Ирина Иванова.....	54
Анастасия Ившина.....	55
Ольга Яковлева.....	56
Aleksandr Jefremov.....	57
Tatiana Jefremova.....	59
Сергей Егоров.....	60
Евгения Егорова.....	61
Елена Елькина.....	63
Наталья Ермаков.....	64
Carolina Jochheim.....	65
Santeri Junttila.....	67
Kristina Yuzieva.....	68
Markus Juutinen.....	69
Leo Jäppinen.....	70
Simo Kantele.....	71
Кади Карине.....	72
Светлана Карм.....	74
Алёна Казакова.....	75
Alexandra Kellner.....	76
Вячеслав Килеев.....	78
Екатерина Кирдяшкина, Валентина Гришунина.....	79
Aleksandra Kirsanova.....	80
Елена Князькина.....	81
Татьяна Кондратьева.....	83
Irina Krestyaninova.....	84
Денис Кривошеев.....	85
Evgeniya Kulagina.....	87
Irina Kuldkepp.....	88
Anna Kuznetsova.....	89
Лариса Кузьмина.....	90
Elena Lastochkina.....	91
Elena Lazutkina.....	93
Елена Лебедева.....	94
Jуri Lehtinen.....	95
Евгения Лобанова.....	97
Нелли Лопатина.....	98

Хенна Массинен	99
Joosep Metslang	100
Anna Misyurova	102
Nadezhda Moldanova	103
Елена Морохина	104
Ця Moshnikov	105
Nagy Ildikó	106
Марија Nakhracheva	107
Александр Некрасов	109
Юлия Никитина	110
Надежда Николаева	111
Галина Низовцева	113
Anastasiya Nogtewa	114
Simonas Noreikis	115
Niko Partanen	116
Elena Perevoshikova ¹⁾ , A. Shajslamova	118
Ekaterina Petrova	119
Софья Попова	120
Radó Annabella	121
Nikolay Rakin	122
Reveland Anett	123
Алексей Рисков	125
Jelena Rjabina	126
Елена Рябина П.	127
Светлана Ручкина	129
Эльвира Рыжова	130
Геннадий Салмиянов	132
Alexandr Saltykov	133
Patrick Schachtebeck	134
Tatjana Schyotkina	135
Rimma Sel'kova	137
Елена Семенчина	138
Валентина Семенова	139
Marina Seraskhova	140
Надежда Сидоркина	142
Ирина Смирнова	143
Марина Соколова	144

Анастасия Соломенникова	145
Юлия Спешилова.....	147
Людмила Шабдарова.....	148
Наталья Шайнурова.....	149
Марина Шарыпова	151
Светлана Шелепанова.....	152
Ксения Шкиперова	153
Anastasiia Shumilova	155
Alexander Zamyatin	156
Konstantin Zamyatin	157
Sziráki Zsófia.....	158
Anzhelika Taligina	158
Елена Тимирьянова	159
Olga Troškina	161
Сергей Чудов.....	162
Светлана Чушкина.....	163
Александр Учеваткин.....	165
Дарья Учватова ¹⁾ , Надежда Кабаева ²⁾	166
Oliver Vargе	168
Яна Васильченкова.....	169
Артём Вежеев	171
Йожеф Виг.....	171
Radosław Wójtowicz.....	173

Марина Агеева

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Саранск
mokchawanja@mail.ru

Мокшанская и эрзянская обрядовая пища: что сохранилось до наших дней

Еда в мордовской обрядовой культуре занимает особое место. С давних времен она воспринималась не только как пища, но и как некий важный элемент связи с духами-хранителями, предками и Богом.

Задачей данной работы является исследование ритуальных блюд в мокшанской и эрзянской культуре, а также их значимости сегодня. В ходе исследования была изучена литература на соответствующие темы и проведен опрос в мокшанских (Салазгорь, Новлей) и эрзянских (Тарасово, Челпаново) селах республики Мордовия. Также в опросе принимали участие жители г. Саранск, преимущественно выходцы из сел.

В обрядовой пище мокшан и эрзян есть сходства, но также имеются кардинальные различия. Например, у мокши не встречается *лапшерник*, а *поза* есть у обоих народов. Рецепты приготовления блюд и напитков могут отличаться, в том числе и среди одного этноса, к примеру, мокша Инсарского района *позу* традиционно делают из сахарной свеклы, а в Торбеевском районе – из картофельного крахмала.

В данной работе рассматривается такая пища как *пачат* ‘блины’, *кши* ‘хлеб’, *поза*, *пуре* (напитки), *лапшерник*, *пурьхкянь икра* ‘морковная икра’ и т. д. Среди перечисленных есть блюда, которые употребляются только в конкретные моменты жизненного цикла: на свадьбах, похоронах, поминках. Например, морковная икра у эрзян – это только поминальная пища, а яичница является символом утраченной девственности молодой жены утром после свадьбы.

В деревнях у мокши и эрзи до настоящего времени сохранились блюда и напитки, являющиеся неизменным

условием проведения обрядов практически в таком же виде, как их проводили наши предки. Городские жители о них чаще всего имеют очень смутное представление.

Marina Akeldina
Tartu University
Tartu
akeldinam@mail.ru

**Comparative analysis
of body idioms with components *шүм/süda*
from the point of view of human body of equivalence
(on the basic of Mari and Estonian languages)**

The present article deals with Mari and Estonian idioms that have in their structure words denoting parts of human body (*шүм/süda*). Such types of idioms in modern linguistics are called somatism or somatic constructions (from gr. *σφμα* 'body').

The main objective of this paper is to identify integral and differential characteristics of Mari and Estonian somatic constructions.

In this article, somatic idioms with the component *шүм* (78 idioms) / *süda* (176 idioms) are classified into the following groups:

1. complete equivalents (33 idioms): *шүмеш налаш – südamesse võtma*;
2. partial equivalents (42 idioms):
 - a) partial lexical equivalents of divergent component composition: *шүм нудештиашла кыра – süda tahab <sees> lõhkeda*;
 - b) partial grammatical equivalents with a different word order: *шүм йолпундашыш волен кайыш – süda kukkus saapasäärde*;
3. no equivalents (4 idioms):

a) idioms denoting a concept existing in the culture of the compared languages and not in the other. For example, *шўм шелеш*, *шўмыштõ ий/ий комыля* in Mari;

b) idioms formed on the basis of the reconsideration of value, which was developed in one language from somatism and is absent in another language: in Mari *кок шўман* 'double-dealing, duplicitous, wavering'; in Estonian *südan keelel kandma* 'to speak flatteringly' etc.

Comparative analysis of the phraseology in Mari and Estonian revealed their significant similarity at the semantic level. Quantitative discrepancies do not affect the inner structure nor change the meaning and style of these phrases.

Despite the different language structure and different ways of expressing syntactic relation between the components of somatic construction in the studied languages, it is possible to detect structural subclasses of substantive compliance, verbal and adjectival phraseology.

These idioms have high somatic equivalence that sets them apart from the rest of the phraseological system of Mari and Estonian languages.

Svetlana Akeldina

Tartu Ülikool

Tartu

akeldinas@mail.ru

Marikeelne seenenimetus RIISIKAS

Marimaa rikkalike metsaandide hulgas on tähelepanuväärsel kohal söödavad kübarseened, mille seas kõige tuntuim ja armastatuim on *kureze* 'riisikas' (selts: Pilvikulaadsed *Russulales*; sugukond: Pilvikulised *Russulaceae*; perekond: Riisikas *Lactarius*).

Lekseem *kureze* esineb mari keeles järgmistes foneetilistes variantides: *күрезе* Л, В, *күрузы* Г, *кӀрӀзди*, *кырузи*, *кырызы* СЗ, *круз*, *крузо*, *курэз*, *куруз*, *круза*, *күре-з*, *күре-зе*,

куре·з', kure·z, kuru·z', kurè·zE', kurè·z, kârâ·zâ, kru· zE, kure·z poŋgo, kurèz(e), kûrûzo.

Esineb ka riisikaliste teisi marikeelseid nimetusi: *курь·къръди СЗ, айдеме куреze, лекше куреze, мландывонго, ошпонго, рокпонго, грузи Л, грузыи, груздь В, грузы Г.*

Mükoloogilises sõnavaras on riisikaliste liigid esindatud järgmisi sünonüümide ridu moodustavate nimetustega, näiteks *рокъымал, рокнълтыш, ошкуреze, ошо лийэш, пистыгуреze* 'valge riisikas' (Lactarius resimus); *шемгуреze, шемтун, шемвонго* 'tõmmuriisikas' (Lactarius necator); *аяркуреze* 'pipra-riisikas' (Lactarius piperatus); *шонкегуреze* 'roosa riisikas' (Lactarius controversus) jne. Lekseem *куреze* esineb ka selliste seenenimetuste moodustamisel, mis ei kuulu riisikaliste liiki perekonda: *йана·й куре·з, кукушыкуреze, сѳснагуреze* 'vahelik' (Paxillus).

-*kureze* komponendiga seenenimetustes leidub ka puulii-kide, erinevate värvide, loomaliikide, loodusnähtuste, kehaosade ning toiduainete nimetusi jne.

F. I. Gordejev märgib sõna *kureze* bulgaaria (muinas-tšuvaši) päritolu, „mis omakorda on pärit muinasvene allikatest“. Vaatamata selle sõna paralleelide olemasolule tšuvaši *kârâš* < *kürüš*, tatari *gõrēj*, *gõrõzdä* ja baškiiri *gõrõž* keeles, on tegemist vene laensõnaga (K. Agyagási, V. Veršinin). *g* algustähega variandid (*gruzi...*) on vene laenuid. Riisika nimetuse *груздь* päritolu kohta on mitu erinevat seisukohta, näiteks ühe seletuse järgi võib tegemist olla seentega, mis kasvavad hunnikus so. tihedalt või suurte rühmadena.

Татьяна Аксенова

Н. П. Огарёв лемсэ

Мордовской государственной университетэсэ

Саранск

tata8614@mail.ru

**Кезэрень эрзянь свадьбась
Орданьбуе енксонь Кеченьбуе велесэ
(койтне-кирдатне, конат ванстовсть течинь чис)**

Свадьбась сермадозь Калигина Т. Т. пельде. Те монь бабам. Татьяна Трофимовнанень 75 иеть. Сон те шкас эзинзе стувто ладянь патянь урнематнень, кирди мельсэнзэ свадьбань койтнень. Туи мастор лангсто, ёмить весе неть мазый свадьбань моротне. Кияк а карми ледстнемяк, зярд-бути истямо ульнесь эрзянь свадьбась: одирьвань урнема марто, кудавань моронзо марто. Вана мезе маринь бабань пельде седикелень эрзянь свадьбадо Кеченьбуе велесэ.

Умонь шкатнестэ, кода ёвтни бабам, свадьбась ютыль колмо чить. Васень чись – чинь путома, омбоцесь – свадьбань чи, колмоцесь – урывалянь чи.

Васенце путома чись эрси чокшне ёнов. Цёрась одирьванть симсазо, пурны тейтерть ды кармить чинть путомо. Одирьваськак тейтерть пурны. Свадьбадо икеле сынть туйть пачалксень ярсамо, а валскестэнтъ тейтересь сти ды карми урнеме. Васня ёрты лисьмас суркс. Мейле сон ялганзо марто сови эсензэ кудос ды аванзо-тетянзо кедьстэ карми вешеме баславамо:

«Ох, авакай-диринем, Ох, авакай-ванынем, Баславамак, тетякай, Вачо пекень пештеме, Нуцькань седей витнеме, Родня ланга якамо...»

Теде мельга невестась туйль кодамомяк бабиненень ды уш тосо поладсы урнеманзо.

Tatiana Albahtina

Tartu Ülikool

Tartu

albahtina@mail.ru

Muna mõiste ja mitmesuguste munaroogade nimetused mari keeles

Mari toitumiskultuuris on munadel eriline koht. Kanamune kasutatakse toitude maitsestamiseks, tainale, puljongile ja piimasupile parema maitse andmiseks ning kodulooma- ja ulukiliha, kihiliste pliinide, pirukate ja kohupiimakorpide valmistamiseks.

Muna on mari keeles *муно*. Sõna *муно* koos oma foneetiliste vormidega *мыны*, *мыно* pärineb etümoloogiliselt Uurali päritolu leksikalisest kihist: **muṇa* > soome *muṇa*, eesti *muṇa*, ersa *мона*, handi *топ*, mansi *тӓп*, *топ*. Muna nimetatakse ka sõnaga *чымыне*, mis on mari keele sõnastikes tähistatud märkusega “murdeline”.

Muna koosneb järgmistest osadest: *мунышӱм* ‘munakoog’, *муношо* ‘munavalge’, *муноптем* ‘munakollane’. Kanamune tarvitatakse toiduks kõvakskeedetuna, vedelalt või munaroana. *Шолтыммо муно* ‘kõvakskeedetud muna’ on nii igapäevaku kui ka pidupäevatoit. Vedela muna tähistamiseks kasutatakse mari keeles selliseid väljendeid nagu *пелекӱшӱ муно*, *смятка мыны*, *калаклук мыны*, seejuures ei ole sõna *калаклук* iseseisva sõnana kasutusel, vaid seda kasutatakse ainult nimetatud väljendi koosseisus.

Munaroa tähistamiseks on mari keeles mitu sama tähendusega sõnaühendit: *муноварчык*, *мыны жаркой*, *мыны селма*, *мынывлошка*, *селанге*. Mari keele idamurdes nimetatakse munarooga sõnaga *оварчык* (vahustatud munad sulavõiga, küpsetatud praeahju asetatud pannil), millel on kirjanduslikus keeles teine semantika (kasutatakse tähenduses ‘kakk’, ‘juuretis’).

Maride igapäevaseks ja pidutoiduks olid peale *шолтыммо муно* ka *муно тувыртыш* ‘piimasupp munaga’ (Uurali maridel *лашка муно*) ja *пулашкамуно* ‘omlett’, munadest ja piimast valmistatav rahvustoit. Neid roogasid valmistati piimaga segatud

vahustatud munadest, millele mõnikord lisati sibulapealseid (hiljem ka kartulit) ning mida keedeti praeahju asetatud savinõus. Selliseid roogi nagu *салмамуно* 'omlett', *муноварчык* 'omlett, jahu ja piimaga vahustatud munaröög' ning *мыны жаркой* 'keedetud munadest ja võist valmistatud munaröög' loeti rituaalseteks roogadeks. Munad vahustati võiga ja praeti ahjus pannil.

Keedetud munad ja omlett pidid kevadsuviste kalendripühade ja rituaalide, samuti pulmade ja peiede ajal kindlasti laual olema. Mune pandi lahkunule ka hauda kaasa.

Ирма Алексеева

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск
irma_alekseeva@mail.ru

Лексика грозовых явлений в карельском языке

В карельском языке существует много названий грозовых явлений. Многие из них имеют ряд фонетических форм, которые различаются в зависимости от того, на какой территории они используются. Но это различие не значительно.

Слова, описывающие грозу: **ukko** – **ukkonni** (*ukkoine, ukkon'e*); **Pyhä-II'l'a** (*Pyhäl'l'a, Pyhäl'l'ä, Pyhäl'l'y, Pyhälly, Pyhäily, Pyhä il'l'u*); **ukonilma** – **ukkosenilma** – **ukonilmani** – **pyhäilma** – **ukonšia** (*ukkozenilma, ukonseä, ukonilmu, ukkozenilma*); **jury** – **ukonjury** – **Pyhäl'l'anjury** – **ukonpaukku** – **ukonkaju** – **ukkosenjyrinä** (*d'yry, ukond'yry, ukonjuru, pyhäl'l'anjury, pyhäl'l'änd'yry, pyhällänjury, pyhäl'l'änd'yry, pyhäilänjury, pyhäl'l'änd'yry, pyhäilän d'yry, pyhäl'l'an jury, ukkozenjyrinä*); **ukontalтта** – **jurytalтта** – **ukkosenisku** – **tulenräis'ky** – **ukontalttaine** – **pyhäl'l'antalttu** – **pyhäl'l'antalttaine** (*ukkozenisku, str'ela, ukontauttu, jurytauttu, pyhäiläntauttu*); **ukonkuari** – **ukonvommel** – **bemmel** – **ilmankuari** – **vesikuari** – **ukonkuarevo** (*ukonkoar'a, ukonkuar'a, ukokoari, ukonkoare*).

Многие слова, описывающие грозу, являются уменьшительно-ласкательными. Например, *ukkon* – это производная форма от слова *ukko*, образованная с помощью диминутивного суффикса *-ni-*. Как и многие другие уменьшительно-ласкательные слова, форма *ukkon* уже потеряла свое диминутивное значение.

Слова, обозначающие грозовые явления, чаще всего являются сложными, первой частью которых являются слова *ukko* или *Il'la*. *Ukko* и *Il'la* – это название богов, которых карелы боялись и чтили. Можно сказать, что это – синонимы. Сохранились молитвы, в которых карелы просят этих богов о дожде.

Иногда карелы пытались препятствовать наступлению грозы. Таковую погоду старались предугадать. Сохранилось много народных примет и обычаев, связанных с погодой. Например, карелы верили, что перед концом света три года не будет грозы. Это свидетельствует о том, что карелы верят в бога, и их жизнь тесно связана с природой.

Tatiana Alybina
University of Tartu
Tartu
kaskava@gmail.com

**The creation of the image of the chief God
in Mari pagan beliefs
(According to V. Ragozin's "Volga")**

The "Volga" was written by Ragozin according to the notes and recommendations of Valery Rajevsky. In the chapter about Cheremises the author compares Mari religion with world religions (Islam and Christianity) and supposes that after some time all people became Christians. He notes that Cheremises do not have idols, adore the forest and worship the spirits.

Describing the base mythology we investigate three myths given in the "Volga" with author's comments. The myth about the

daughter of God *Yumyn üdyr* explains Mari people's origin from the couple of Mari (the man) and *Yumyn üdyr*. The myth's conception implies that it was created in time when Mari people did not have strong contact with other nationalities. According to the myth, people have parentage with Yumo. This fact could explain the worldview of the Mari people, their feeling for the environment and their attitude towards the idea of God as to the godfather. In the case of Ragozin's myth of *Yumyn üdyr*, information of Mari people ethnogeny is omitted. So, he concluded that the creation of this god must be recent.

The short second myth's plot is about the quarrel of gods. Chief Yumo gathered all the gods to find out who the initiator of the conflict was. Gods of different peoples cleared themselves. Mari people's God did not go to Yumo because he was innocent and did not want to justify himself. On the score of it Yumo sent him into the forest. At the end of the myth it is said that "even in the forest Russian God oppresses him".

The third myth is about religions. Yumo called the founders of all nations to dispense different believes among peoples. The Mari founder was late to meeting because of talking with Keremet. This myth argues the reasoning that there are different religions as religious institutes.

In conclusion, we make an assumption that the idea of a main Chief God came before Christian influence. That hypothesis can be supported by the fact of the hierarchy of gods in mari mythology: the highest level belongs to the Chief Yumo, which includes in itself everything in the environment. The understanding of the Chief God is close to the notion of Universe in mental comprehension, but with the elements of personification.

Михаил Антошкин

Мордовский республиканский молодежный центр

Саранск

antonov.mischa-mordens@yandex.ru

Волонтерская деятельность как объединяющий фактор финно-угорских народов

В настоящее время Республика Мордовия готовится к проведению празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Данная инициатива поддержана руководством страны. Основные цели мероприятия – создание условий для развития и процветания финно-угорских языков, культуры, изучения культурного наследия финно-угорских этносов, расширения дружеских контактов с родственными народами зарубежных стран.

Проведение такого рода крупных международных мероприятий требует от республики огромной работы по встрече и сопровождению гостей, оказанию помощи при трансферте, расселении, организации культурно-экскурсионных программ. В связи с этим руководство республики сделало акцент на развитие в регионе волонтерского движения.

Координатором формирования массового волонтерства выступает государственное бюджетное учреждение «Мордовский республиканский молодежный центр» (г. Саранск). Наша структура имеет определенный опыт в данной сфере и принимала участие в подготовке волонтеров к нескольким крупным международным мероприятиям.

В феврале 2012 г. нашим центром был проведен Международный лагерь финно-угорской молодежи «Созидание-2012», в ходе которого волонтеры из разных финно-угорских регионов России имели возможность общаться, делиться опытом с единомышленниками из Эстонии, Венгрии, Финляндии.

При подборе волонтеров для участия в проведении Празднования 1000-летия единения мордовского народа с

народами Российского государства нами будет сделан акцент именно на представителей финно-угорского мира.

Мы считаем, что подобные международные обмены позволят нам значительно расширить круг своих друзей, обмениваться опытом и послужат развитию национального самосознания, укреплению институтов гражданского общества.

Геннадий Антропов

Тартуский университет

Тарту

volgenche@gmail.com

Лирическая проза В. Ф. Сапаева

Часть рассказов Василия Федоровича Сапаева, как и многие произведения 50–80-х гг. XX в., пропитаны лиризмом. В этих произведениях автор описывает чувства и переживания героев по поводу какого-либо жизненного события. Герои грустят или радуются, переживают или думают о чем-то. Сам автор живет миром своих героев, сочувствуя им в бедах и радуясь в счастливые моменты их жизни. В результате рассказы Сапаева начинают приобретать характерную для лирической прозы субъективность.

Это такие лирические рассказы, как «*Ўшаныме шуэши*» (Хочется верить), вошедший в сборник «*Красавица Немда*» (1971), «*Танюшем*» (Моя Танюша, 1983) и «*Тополь*», который был опубликован в сборнике «*Йолташет уло гын*» (Если есть друг, 1987).

Тема рассказа «*Ўшаныме шуэши*» – школа, отношения между учениками. Автора интересует вопрос, может ли хороший ученик стать вором, можно ли вора исправить. Он утверждает, что нужно быть честным до конца своей жизни. Событийная основа этого рассказа следующая.

В школе проходят соревнования по лыжным гонкам. Победители должны защитить честь школы в районе. Генна-

дий Воронцов и Майя Пирогова занимают первые места. Но Воронцова обвиняют в воровстве, так как у него нашли в портфеле пустой кошелек. Его исключают из списка участников соревнования. Вместо него должен поехать Вадим Егошин. Ученицы, пришедшие к Вадиму помочь по хозяйству, потому что его мать в больнице, обнаруживают ранее украденные ручки и понимают, что вором был Вадим Егошин. Он же украл деньги у Майи Пироговой. Вадим пошел на воровство, так как очень хотел участвовать в соревновании.

Переживания матери передаются через внешние движения («внутренние жесты») и действия. Когда она услышала о том, что ее сына назвали вором, у нее выпало из рук ведро, она побежала домой, ждала сына, слушала его, переживала.

Лиризм произведениям передается и через пейзажную картину, и через народные песни.

Анна Ануфриева

М. Е. Евсевьевна лемса

Мордовская государственная педагогическая институт
Саранск

Anufrich1988@mail.ru

Фольклорнай мотивне Т. А. Кирдяшкинень «Кели Мокша» романцонза

Тя ломанць – мокшень содаф писатель – Т. Кирдяшкин.

«Кели Мокшетъ» романть сермадоманцты лама максь писательть эсь зряфоц, Маманяста содаф ломатне (ламотне эздост арасть геройзонды прототипокс).

«Кели Мокша» романса лац няеви мокшэрзятнень историясна, кяльснон козяшиц, фольклорснон и национальной койсна-обуцясна.

Авторсь лац няфтьсы прологса шачфтомань обрядть. Мзярда Авдюсь учезе шачеманц омбоце цёранц, сонь седи-сонза ульсь кафта ежет. Васенцесь – оцю кенярдема: шачсь

цёрац! Омбоцесь – пичефкс, ризфкс: кода сонь трымс, касфтомс, стадонга зряфсь аф тёжда. Стака, пяк стака ули!

Ся пингть мокшэрзятнень оцюфтольхть семьясна. Эрь кудса кайгсь лама идень вайгель. Аф кржа мокшэрзянь фольклорса содаф лама валмуворкс иттнень колга: *«Лама идень касфтыхне-ламонь плямань кирдихне»* – «Многодетные родители – держатели рода человеческого».

Национальной ширекс романца эряви лувомс и ся кода писательси максси велеряйхненди лемсон: *Мялька (Емельян), Андя (Андрей)*; аватненди мярьгондихть мирдсьнон лемса: *Иванорясь, Андюрясь, Авдюрясь и лиятне*.

Т. Кирдяшкин «Кели Мокша» романца оцю мяль шарфни мокшэрзянь народть фольклоронцты. Сидеста васьфневихть валмуворкст, морот, налхксемат и стак тов.

Эряви витькстамс, што мокшэрзятне и кельгозь и кельгсазь морамаснон. Мокшэрзянь народть обуцяц, бытоц и традициянь особенностенза азондовихть романца стане жа мокшень моротнень вельде. Аф стак Тихон корхтай синь колгаст: *«Синь морхне, азондыхть эсь эряфонконь, корхтайхть эсь кувалмованк»*.

«Кели Мокша» романца аф кржа васьфтяма пейзажной картинада. Кепотьксонди: *«Тя пингть Мокшесь сембонди няевсь инь цебярь, инь кельгови ляйкс. Кодама пара вастсь, – арьсесть ломаттне, – и кодама кальдяв и стака эряфсь»*.

«Кели Мокша» романда башка, мезевок лия Кирдяшкин, кода содаф, ашезь сермада. Но «Кели Мокша» романть лисемда меле и тячиень шис лядсь литературасонк инь содаф сатфкснень ёткс.

Sergey Arteev¹⁾, Anna Kuznetsova²⁾
Syktyvkar State University
Syktyvkar
artsp7@yandex.ru¹⁾, ann-kuznetsova@mail.ru²⁾

**Participation of Hungary
in the International Youth Association
of Finno-Ugric Peoples (MAFUN)**

The relevance of cooperation at the interregional level increases in the era of globalization. The interaction has the importance for the peoples which are in adverse conditions. Almost all Finno-Ugric peoples are among them. An importance is got by an exchange of experience with the Finno-Ugric peoples who are in better conditions. In this regard it is interesting to examine the activity of Hungary in MAFUN.

MAFUN is an international association of youth organizations of Uralian peoples. Its main purpose is the preservation and development of Uralian languages and cultures, promoting the formation of Finno-Ugric youth unions.

MAFUN was founded in 1990 in Yoshkar-Ola at the meeting of youth Finno-Ugric peoples. Now MAFUN includes about 40 member organizations of various Finno-Ugric peoples. The association is divided into 4 coordination centers (Finnish, Hungarian, Russian and Udmurt).

On the I MAFUN Congress in 1990 there were no representatives of Finland and Hungary. However at the II Congress in 1993 the Hungarians took part in the forum actively. In 1994, there was a conference "Youth and the Finno-Ugric world" which was also attended by the Hungarians.

The peak of the Hungarians' participation in MAFUN was coming in the middle of the 1990s. Then the Hungarian side organized 2 meetings of the MAFUN Council (1996, 1998), international Finno-Ugric Camp (1998), two IFUSCO conferences were held there (1995, 1998). Further there is a tendency to decrease the activity of the Hungary in MAFUN. This is partly connected with the crisis in the association in late 1990–2000's.

Apparently, the main reason is in the organizational and legal problems of MAFUN which are solved slowly. They reduce organization's attractiveness for its potential members, decrease the effectiveness of the activity and lead to crises. At the same time the Hungarians are the most numerous of the Finno-Ugric peoples and without their active participation MAFUN and Finno-Ugric peoples are losing a lot. Regular interaction, the elimination of different obstacles and attractive plans can engage new members including Hungarian.

Мария Багина

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

ale-bagi@yandex.ru

Воддза көрт нэм помся лунвыв Печора бердса из дзуясын вежаин чукөръяслөн планиграфия

Печора бердса из дзуясын тӧдса сизим важся вежаин. На пиысь куимас (Канинса, Уньяса и Адакса I) эм разнӧй кадся – бронза кадсянь (миян кадӧдз II сюрсво) шӧр нэмъясӧдз (миян кадся XII–XIV нэмъяс) – кӧлуй. Памятникъяссӧ 1959–98-ӧд воясӧ туявлісны В. И. Канивец (ставсӧ), В. А. Семёнов да Е. А. Рябцева (Адакса дзу), А. Л. Багин (Уньяса дзу).

Кодйысьяс казялӧмаӧсь материал куйлӧмысь ина арт, стӧчмӧдӧмаӧсь на костысь йитӧдъяссӧ, но нарoшнӧ абу туялӧмаӧсь. Вежаинъяссӧ видлалӧмаӧсь кыздз гежӧда воланінъяс, кӧні материалыс куйлӧма кызвыннас кызсюрӧ. Вежаинас волысьясыс кевмылӧмаӧсь пу енъяслы (сюрӧмаӧсь Ӗшмӧсса из дзуысь). Юрбитаніныс вӧлӧма В. И. Канивецлӧн аддзӧм бипур коляс дорын. Бипур гӧгӧрыс шыблалӧма быдсяма кипельсӧ, гырнич торьяс, лыяс, тшӧтш и юрлыяс, чери сьӧм да с. в. Аддзӧм кӧлуй сертиыс позьӧ шуны, мый медводдза юрбитӧмсянныс медбӧрьяӧдзыс кольӧма вель уна кад.

Сёрӧнджык Н. Н. Чеснокова да В. С. Зеленский торйӧдісны Канин из дзуысь шӧр нэмъясся кӧлуй чукӧр да

вөйисны ассыныс видзодлассө (видзод Чеснокова 2000; Чеснокова, Зеленский 2004). На кодъ жö кывкөртöд вöчис и А. Л. Багин матигөгöрса шöр нэмьясса мукöд вежаиньяс йылысь (Багин 2001, 2008).

Вежаиньяслөн планиграфия боксянь кызвын көлуйсö поэö видлавны мöд ног. Сидз, козыналанторьяс пыдди найö лооны зэв векни хронология юрбитан обектыасөн (паськөмыс, кевмысян кипель да с. в.). Татшöм сюрöсыс лöсялö вежаиньяснас шöр нэмьяс чöж вöдитчöмлы да индö öтувья кросскультурной традициялөн дыр кыссьöм вылö.

Печораса вежаиньясысь воддза көрт нэм помся материал оз вожав шöр нэмьясын ин сюрöсалан öбичакöд. Медбура тайö тыдовтчö Канинса из дзу көлуй серти. Вöччанторьяс, юрбитан кипель да вувтан, дорйысян, вöралан кипель куйлоны чукöрьясөн, торья куйланиньяс лöсялоны торья памятникьяслы. Памятникьяссö му пельöсыяс серти витöмыс, тыдалö, артмöма быд из дзулөн мукöдсыяс торьялöм понда. Сюрöмторьясылөн чукöрьясыс ёнджыкасö куйлоны дзуяслөн джоджас медся шылыдиньясас, йиркыслөн медся джуджыдиньяс весьтас. Гырнич торьяс куйлоны наысь торйөн, зэв геждо.

Анна Байдуллина

Тарту университет

Тарту

udnyl@rambler.ru

Калык культуразеэ возматйсь фразеологи кылтэчетьёслэн аспöртэмлыксы

Фразеология – кыллэн тужгес валтйсь но аспöртэмлыко люкетэз, кытын возиське но утиське калыклэн лулчеберетэз. Висьяны луонтэм кылгерзетьёс пыр туж умой учкыны луэ отын яке татын ульсьёслэсь асвалан (менталитет) пöртэмлыксэс но дуннеез возматон манерзэс. Докладын эс-

керемын луозы Башкортостанын улйсь удмуртьёслэн (мукет сямен вераса камсьёр удмуртьёс) вераськоназы кутйськись фразеологизмьёс, кудьёсаз пыремын калык культураез возматйсь но валэктйсь кылъёс.

Фразеологи кылтэчетъёслэсь национально-культурной аспөртэмлыксэс эскерон кыче ке валатонэз усьтыны кутйськись тйрлыкъёсты учкон бордысен кутске. Соос луыны быгато: удмуртьёслэн улоназы кутйськись арбериос, аямы нимъёс, архаизмъёс, сям-йылолъёсын но осконэн герзаськем кылъёс яке кылтэчетъёс.

Этнокультурной компонент ассэ куинь ёшталанын шарая:

1. **Фразеологи пуштрос оглом возматйське мукет культураосын луисътэм валатонэн.** Кылсярысь, камсьёр удмуртьёслэн вераськоназы ём кутйське висьяны луонтэм кылгерзет *vožojez vošanə*. Озы шуозы, куке кема дыр ёже мае ке лэсьтэм (яке сием), кытчы ке мынэм потэ но сое лэсьтыны (сиыны), мыныны кылдйз ке. Т. Минияхметова фольклористлэн верамезья, «вожо» – со «выжон (переходный) дырлэн лек луыз (злой дух)». Озыен, фразеологизмлэн меёак пуштросэз луоз ‘мае ке потытйсь вожоез вёяса быдтыны’. Тодосчиос таёе шуэтъёсты лакунарной фразеологизмъёс шуо.

2. **Фразеологи кылтэчетлэн кыче ке кылыз гинэ этнографизм луэ:** *tabañez vojteg uškətoz* ‘чеберьяськыса, пыриськыса, зечъяськыса аслыз умой луонлыкъёс кылдытйсь аямы сярысь’. Татын аспөртэмлыко кыл – табань, удмуртьёслэн яратоно калык сиёнзы.

3. **Кыл сочетанилэн меёак значениез берло виль образо пуштросэн узырме.** Бигер кылысь асэстэм фразаз *bałam min balsəg əšan* ‘тодйсько мон, ма со музьем уж’ куке но кин ке вераз, дыр. Дыр ортчемья со пöрмиз фразеологизмлы. Вераськонын кутйське этикет форма интыын. Бакчаын ужась аямы вöзтйз ортчисез ужаны öтиз ке, пумитаз озы вазыны быгатозы.

Ольга Баженова

Сыктывкарский государственный университет

Сыктывкар

bazhenova-olga2011@mail.ru

Образы мифологического времени и пространства в коми народной поэзии

Цель работы – исследовать архетипы пространства и времени в народной лирике коми на материале народных лирических песен и баллад.

В мифопоэтическом мировосприятии время неразрывно связано с пространством. Это проявляется в таких осваивающих пространство архетипах, как сосуд, жертва, мировая река и мировое древо.

Семантика архетипа *сосуд* включает в себя концентрированные элементы мира, из которых разворачивается все существующее. В коми поэзии этот архетип проявляется в образах корабля, лодки, дома (например, в лирической песне «*Вечером, матушка...*») образ корабля связан с воспитанием дочери, где действия матери строго регламентированы в соответствии со временем суток).

К архетипу *сосуд* близок по значению архетип *жертва*, который так же служит осью, из которой разворачивается мир. Этот архетип можно обнаружить в лирической песне «*Алая ленточка*», где с разными цветами ленточек связаны соответствующие географические объекты. Последовательно сменяющие друг друга образы потерянных ленточек образуют числовой ряд, который, по мнению В. Топорова, ассоциируется с актом космогенеза.

Архетип *мировая река*, вариантом которого является *мировое древо*, связывает мифологические миры, служит окончательному упорядочиванию. Данные образы часто встречаются в коми поэзии именно в названной функции (например, в балладе «*Три сестры пошли собирать смородину*»).

В ходе работы мы выяснили, что семантика образов мифологического времени и пространства неразрывно связана с процессом космогенеза, который повторяется вновь и вновь в связи с каждым конкретным исполнением.

Наталья Баталова

Тарту университет

Тарту

bat.natasha@mail.ru

Туала удмурт нылпи прозаын литературной геройлэн образз

Удмурт нылпи литература кылдэм дырысеныз милемыз пöртэм геройёсыныз тодматйз. Кылсярысь, 1960–70-тй арёсы пинальёсты возматйзы дышетсконын, бадзым малпанёсын но ужпумёсын тырмытэм коллективной улонын. Туала нылпи литератураын (1990-тй арёсысен та дырозь) Т. И. Зайцева висья кык типьем геройёсты: шудтэм нылпиез но умой радъяськем пичидырен пиналэз.

Туала литература бадзым саклык висья нылпи вакытлэн драматической палызлы. Нылпилы ёмысь куректон вае анай-атайёслэн юэмзы, сюлэмтэм но лек луэмзы. Со сярись гожьяло Р. Игнатьева, В. Сергеев, Н. Шкляева но мукет гожьясьёс. «Ческыт зыно сяьскаос» бичетысь куд-ог веросьёсаз Р. Игнатьева адымилэсь нылпи вакытсэ тужгес но секыт дырез кадь возматэ. Ёмысь солэн пичи геройёсыз анайтэм яке атайтэм кылемын, соин ик со пичи дырысен курыт көтжожез верьямын ини. Р. Игнатьевалэн веросьёсаз мёйюс уг валало яке валаны но уг тыршо нылпиослэсь чебер но аспöртэмлыко дуннезэс, соин сэрен пинал сюлэмез вöсь каро, ултйяло. Озы ик шудтэм, курадзись нылпи Л. Малыхлэн выжыкылёсаз пумиськылэ. Кылсярысь, «Эктйсь кизиливись» висись ныл, яке «Кечсиньёсысь» Натй, кудйзлэн, Огра веднамен, ветлэмез öз луы.

Озы ик Р. Игнатьева нылпи веросьёсаз туж быгатыса яркытсэ пурьсен, шулдырзэ мӧзмытэн, серекьянозэ бӧрдоноеныз пӧлэстэ. «*Оксилэн сюлмаськонъёсыз*» верос бичетын со пичи ныллэсь огшоры нуналъёссэ пичи но бадӟым сюлмаськонъёсыныз но шумпотонъёсыныз суредат. Автор нылпилэсь пуш дуннезэ шӧдыса-тодыса гождя кадъ. У. Бадретдиновлэн веросьёсаз тужгес но синйылтымон пинальёслэн но инкуазьлэн герӟаськемзы. Солэн геройёсыз – улонэз яратысь ерпечкаос.

Нимысьтыз пусйыны кулэ Л. Малыхлэсь выжыкылъёсаз пӧртэм персонаждёсты кутэмзэ. Моко но Боко, Жагон, Курмача но мукетъёсыз – ваньзы соос дышето лыдзисьёсты котырысь дуннез улзгытыны но сое пӧртэм буэльёсын адзгыны.

Котькудйзлэн нылпиослы гождяськисьлэн нырысетй ужпумез – пинальёслы асьмелэсь лулчеберетмес возматон, соосты визьнодан но дышетон. Пичи лыдзисьёсты книга борды кыскыны тужгес но умой амал – литератураысь геройёсты яркыт суредан.

Татьяна Беляева

Марийский государственный университет
Йошкар-Ола
beljaeva1978@rambler.ru

**Символично-функциональная сущность
предметов окружающего мира
в марийской драматургии
второй половины XX – начала XXI века**

В марийских драматургических произведениях ярко выраженную символическую окрашенность получают предметы окружающего рукотворного мира. К примеру, в пьесе К. Коршунова «*Путник*» образ красных кирпичей – это символ мечты главного героя, Евгения, символ истоков человеческой

жизни, места, где жили самые близкие и родные люди. А в драме *«Долг сердца»* образы предметно-вещного мира, получающие символическое значение, возникают в контексте размышлений о современности, об отношении к традиционным человеческим ценностям и принципам. Так появляются образы телефонного столба (символ одиночества людей в современном мире) и дурной машины (символ равнодушия, отсутствия внимания и заботы к старшему поколению). Вещный мир соревнуется с человеческим, духовным.

Ключевой философский образ-символ в трагикомедии В. Абукаева-Эмгака *«Граница»* – граница – представлен уже в названии произведения. Его дополняют, образуя единый комплекс символических образов, природный образ бурана, одиноко моргающая лампочка фонарного столба, одиноко горящий свет в окне многоэтажки, образ потерянных очков. Автор пытается определить границы нравственности, человечности, душевной чуткости, терпимости и бездушия, черствости, эгоизма. Моральный облик современного человека и общества, в целом, проявляется через отношение к пьяному человеку, лежащему посередине улицы, на территориальной границе двух районов города.

Предметы окружающего мира заставляют читателя размышлять над вечными философскими вопросами (добра и зла, духовности и бездуховности), символизируют духовно-нравственную высоту главных героев, вечные человеческие ценности (уважение, любовь), способствуют раскрытию основной идеи, ключевых сюжетных линий произведения, реализации семантической антитезы в системе характеров.

Natalia Bielak

University of Adam Mickiewicz

Poznań

nbielak@wp.pl

Finnish vocabulary related to drinking alcohol

Ryypätä, dokata and vetää kännit – did you know all of these Finnish words mean heavy drinking? Can you believe that in Finnish language there is at least 50 synonyms for a drunkard? Have you ever considered that *mäyräkoira* ‘dachshund’ is the name for 12 pack of beer?

In Finnish language there is a plenty of words and phrases related to alcohol drinking, which might result from the Finnish drinking culture and its changes throughout history. Though the words and phrases aren’t equal, their meanings can vary and they can be used in different situations. Some of them are very strong expressions and others more neutral. Some are typical for official language and others are used in everyday conversation.

In my presentation I will focus on meanings and use of the Finnish vocabulary related to drinking alcohol. I will show how diverse the vocabulary is and what the Finnish speaker is able to express using different phrases and words. One of the topics will also be how the vocabulary has changed.

The presentation is based on my masters thesis under the same name. The goal of my masters thesis was to collect alcohol related vocabulary and cover its meanings and various shades. I have collected material, which I have then divided into following groups: being drunk, drinking alcohol, being a drunkard or an absolutist, different names for alcoholic drinks and verbal expression related to drinking (like *cheers*). A part of my masters thesis was also to create a small dictionary, which should be helpful for those who learn Finnish as a foreign language.

In conclusion I will show that the Finnish vocabulary related to alcohol is very varied, is able to express different stages of intoxication and can be used in various ways in relation to different social situations. I will also try to point out that there is a

relation between changes in culture and development of the vocabulary.

Вероника Бойкова

Марийский государственный университет

Йошкар-Ола

boikovaveronika@yandex.ru

Пьесы Юрия Байгузы (проблема конфликта)

Пьесам Юрия Байгузы характерны условность ситуаций, философско-символическая образность и фольклорно-мифологическая стратегия. Их общефилософскую конфликтную природу определяет борьба между прекрасным, возвышенным и бездуховным, нравственно-ущербным.

Эта борьба находит отражение во всех видах конфликтов, различающихся субъектами противопоставления. Самый простой из них – это конфликт между отдельными персонажами. При этом герои пьес – это не разносторонне выписанные характеры, а скорее всего абстракции социальных или общечеловеческих явлений. Конфликт развивается благодаря столкновению идей, жизненных позиций. Например, в *«Заре над пропастью»* противопоставлены Эрай (вестник добра) и Иксан (символ зла).

Более сложный вид конфликта – это противостояние героя и уклада жизни, личности и среды. Так, в *«Шелковых качелях»* возвышенно-романтический герой Тудо противопоставлен обществу, в котором господствуют злые силы, и народу, пока еще слепому, невежественному и неспособному противостоять злу.

Третий вид конфликта психологический – герой не в ладу с самим собой, его мысли и переживания сложны и противоречивы, а порой вообще не совместимы. Такой конфликт определяет сюжетную динамику драмы *«Сегодня – день рождения»*: она создается за счет внутреннего драматизма образа главной героини.

В пьесах Байгузы преобладает философски направленный конфликт, определяющий интерес драматурга к субстанциальному конфликту. В «Шелковых качелях» с помощью такого конфликта воссоздается современное состояние духовной жизни, а возможные варианты разрешения «вечного» конфликта между добром и злом становятся предметом размышлений читателя. Некую «управляемость» им придают образы-символы, например, шелковые качели – надежда автора на духовное оздоровление общества, на признание человеческим миром добра как необходимой прерогативы жизненного поведения.

Андрей Болтачев

Ватка кун университет

Киров

andrewboltachev@gmail.com

Удмурт кылысь но удмурт кылэ компьютер берыктон инструментъёс

Туала компьютер системаос сёто луонлыкъясты, кудъёсыз филологлэсь, кылысь кылэ берыктйсьлэсь ужзэ капчиято. Со системаос огшоры кыльёсын тунсыкъяськись яке кыче ке кылын гожъяськись адымылы юртто но. Вань сыче системаос, кудъёсыз юртто кылысь кылэ кыче ке нимаз кылэз яке бадзым текстэз берыктыны, текст корпус люканы, текстлэсь орфографизэ, синтаксиссэ но стилистиказэ эскерыны но мукет. Тросэз со системаос лэсьтэмын «бадзым» кыльёсын ужан понна – англи, зуч, немец но мукет.

Мынам ужпуме – возматыны, кызы компьютер технологиос быгато удмурт кылэз дышетыны но юртто сое утыны. Кылсярысь, удмуртэз валасьтэм яке урод валась адымиос удмуртысь зуче берыктон системаез уже кутыса, удмурт кылэз валаны дышозы. Кыллюкамен чошатыса, берыктон система, нимаз кыльёсты сяна, фразоасты но бадзым текстъёсты берыктыны луонлык сётэ.

Удмурт кылсузъет (словник) но лэсьтыны электрон система юрттоз: трос текстъёсты учкыса, со отысь кыльёсты люкалоз но список лэсьтоз. Удмурт кылын вань «виль кыльёслэн» проблемазы: туэ дыръя пöртэм адямиос кутö «виль» кыльёсты, кудъёсыз, кылсярысь, вуж удмурт кылын öвöл но, трос адямилы валантэм луо. Компьютер система быгатэ кыльёслэсь чөмлыкэс пöртэм текстъёстй эскерыны, статиказэс возматаны.

Сычөөсь системаос лэсьтон понна кулэ трос уж, кылсярысь, удмурт кылысь зуч кылэ берыктон система лэсьтон понна кулэ удмурт кыллэн морфологиез, зуч кыллэн морфологиез, но, самой бадзымез уж – кык кыльем кыллюкам но правилоосын бичет. Но, трос пöртэм системаос кулэ ке (кылсярысь, Россиысь финн-угор кыльёсысь зуч кылэ), ужаны öжытгес кулэ луоз, малы ке шуоно зуч морфология одйг полгинэ лэсьтоно луоз. Берыктон системаос лэсьтон понна вань көня ке платформаос, соос пöлысь одйгез – Апертиум (*Apertium*, сайтэз <http://apertium.org/>). Апертиум берыктон платформа вылын удмурт-зуч пар кылдытон понна зуч морфология Апертиумлэн авторьёслэсь басьтэмын вал. Удмурт-зуч пар кылдытон уж кутскемын вал 2012 арын 23-тй толшоре, «Россиысь кыльёслы компьютер берыктон системаосты лэсьтон» Чебоксарыын ортчем семинарын, та проектлэн кутсконэз удмурт кыллы компьютер удысэ бадзым сюрес усьтйз.

Юлия Борисова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Саранск
julija0292@yandex.ru

Природа конфликта и характера в пьесах А. Пудина «Четвертая Сибелиуса» и «Дон Стефано»

Две пьесы А. Пудина, носящие историко-биографический характер, «*Четвертая Сибелиуса*» и «*Дон Стефано*» по сво-

ему художественному построению отличаются от других произведений автора. В этих двух драмах главным является не история, а человек, гений, его мятущаяся душа, которая по-иному воспринимает, казалось бы, обычные вещи и явления. И Дон Стефано, и Ян Сибелиус, главные герои пьес, люди высокого искусства и, соответственно, склад мыслей и рассуждений у них отличается от других. Драматург присущими драматическому искусству средствами стремится обрисовать особенности мышления, склад ума, отношения к реальной действительности этих во многом неординарных личностей.

В «Четвертая Сибелиуса» драматург с точной философской и психологической трактовкой рисует неоднозначный, эмоционально колеблющийся образ Яна Сибелиуса. Углубление автора в духовную сущность характера заставляет его искать такие средства художественной выразительности, которые сохраняют дух творчества Сибелиуса, воссоздают его индивидуальную неповторимость. Опора главным образом на творческую сторону характера героя, составляющую идейно-содержательную основу пьесы, заставила Пудина найти не только то общее, что связывало Сибелиуса с другими деятелями искусства, но полноценно художественно раскрыть своеобразие, особенность в жизненной и творческой судьбе композитора.

В драме «Дон Стефано», объединенной с предыдущей биографическим характером, Пудин воссоздает образ всемирно известного скульптора Степана Эрзи (Нефедова). Оказавшись вдали от родины, Нефедов испытывает двойные чувства. Его терзает ностальгия по родине, и в то же время он не уверен, что его творчество, так любимое и почитаемое здесь, будет столь же тепло принято в России.

А. Пудин в пьесах «Четвертая Сибелиуса» и «Дон Стефано», используя различные сценические приемы, стремится обрисовать внутреннюю коллизию характера, являющегося носителем высоких нравственных ценностей, глубокой философской мысли, творческого начала в видении жизни, подлинного гуманизма и патриотизма.

Евгений Бубнель

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы

Уфа

Udjin.great@rambler.ru

Религиозные верования древних венгров

Относительно религии древних венгров (угров-мадьяр) имеются только косвенные сведения. Письменные источники периода первых королей Венгрии (Хроника Венгерского Анонима, Хроника Шимона Кезаи) дают фрагментарные представления о ней. В них содержатся упоминания о хорошо засекреченных жертвенных долинах (расщелинах), родниках и других языческих святынях. Религиозные представления древних венгров схожи с шаманизмом народов Сибири, который состоял из множества различных верований и мифов. Его основой было удивительно схожее «мировосприятие», согласно которому, мир делится на три основных уровня: верхний, где живут боги и духи различных уровней, средний, совпадающий с нашим миром, и нижний, мир и обитель умерших и злых духов. Эти три уровня соединены Мировым Древом.

Семь легендарных вождей угорских племен, покрывших Паннонию, отождествляются с семью ветвями Мирового древа – семью мирами и семью сыновьями Нуми-Торума в близкой венграм мифологии обских угров. Древние венгры, как и обские угры, верили в двойственность души. В соответствии с этой верой, живые существа имеют две души: тело или дух-душа (на венгерском языке слово «душа» *lélek* связано с глаголом «дышать»), и так называемые свободные или Тень души.

У древних венгров практиковалось несколько форм шаманизма, иногда именуемых «Тенгриханством», что подтверждается письменными источниками. Арабский историк Аль-Бакри, живший в Испании, писал, что у венгров «не бы-

ло другого божества, кроме верховного бога. Они почитают и поклоняются Господину Неба, который является их единственным богом».

В 9-10 веках венгерская религия представляла собой развитый вариант шаманизма, практикуемый в восточных кочевых и полукочевых империях, остатки которого можно проследить у азиатов – гуннов и монголов.

Илья Дерендяев

Телерадиокомпания «Удмуртия»

Ижевск

mr.flopik_man@mail.ru

Использование новых удмуртских слов в средствах массовой информации (на примере программы «Иворъёс»)

В процессе глобализации меняется и язык. Точнее, появляются новые слова, словосочетания. Это явление мы наблюдаем и в удмуртском языке.

Новые удмуртские слова в своей работе активно используют журналисты телерадиокомпании «Моя Удмуртия». Все новостные программы о политике, социальной сфере, экономике, инновационных технологиях как на радио, так и на телевидении не обходятся без употребления новых слов.

Информационная программа «Иворъёс» знакомит телезрителей с главными республиканскими событиями дня: экономическими, политическими, социальными и культурными. Для того чтобы полностью передать смысл новости, не упуская деталей, необходимы слова, такие как *кат*, *каттирлык*, *югдур*, *кунпуш*, *онерчи*.

*Туннэ элькунамы быръёнъёс дыръя югдурез чаклало
Кунпуш ужъёсъя министерствоысь өнерчиос, дружинникъёс,
охранной предприятиосын ужасьёс – 4 сюрслэсь уно адями.
Тросаз быръён участокъёсын кат тйян учыръёсты пусйыны
юрттозы веб камераос.*

Многие телезрители довольны употреблением новых слов на телевидении, многие их просто не понимают. Это – одна из проблем. На сегодняшний день ее решением активно занимаются как журналисты, так и ученые, писатели.

Алеся Дмитриева

Марий кугыжаныш университет

Йошкар-Ола

alesya.dmitrieva.91@mail.ru

Марий йылмысе предикатын шукулыкшо

Марий йылмысе шуко глагол дейвийым чот могырым рашемда: тудо ик але шуко гана лийше дейвийым ончыкта, садлан кбра кызытсе йылмышанчыште предикат(ный) але глагол(ьный) шукулыкым ойырат. Традиционный марий грамматикыште тыгай глагол-влакым видовой класслан шеледен шымлат (Б. А. Серебренников 1960, З. В. Учаев 1985).

Тиде пашан тун цельже: С. Г. Чавайнын «Элнет» романыштыже (1981) кучылталтше глагол-влакым чотым ончыктымо негызеш шымлаш да тиде значенийым ончыктышо йонным шотыш налын тужкалаш.

Ончымо романыште глаголын шукулыкшо тыгай йон полшымо дене каласалтеш:

1) суффикс дене, мутлан, **-ышт, -кед, -ед, -ылт** да моло пале-влак шукулыкым ончыкташ глагол деке ешаралтыт: *Тер воктен удыр тыш-туш тошкыштемш: имным покта, сапым шупшкеда, терым шўкеда, но уке, имне ок тарване; Почешыже каен ончышаш, тудо, каварен кертдыме, тушто мом лўйылтемш, а ваштарешла значений дене, мутлан, -алт* аффикс кучылталтеш: *Изи тайыл почеш мунчалтен вошышыжла, Сакар ече вуйжо дене нолго воштырым шуралтыш;*

2) полшышо глагол дене, мутлан: *Мият, ончат: Опкын пондашыжым возж гычак кўрлын коден да вўрым йоктарен-йоктарен каен;*

3) пачаш-пачаш каласалтше глагол дене, мутлан: *Ну кучедалыт, ну кучедалыт.*

Суффиксан видовой класс-влак значенийышт дене кок кугу тўшкалан шелалтыт: а) действиин ик гана але пеш писын лиймыжым да кўчык жап шуйналтмыжым ончыктышо: *Меран юргылдик тўришталмыш да тушакак йымен возо*; б) действиин шуко гана лиймыжым ончыктышо: *Ончо, ончо, кузе кудалыштыт!*

Нине йён-влак деч посна действиин чотшо глаголын семантикыштыжак да икмыняр йён комбинаций дене каласалт кертеш, мутлан: *Кырыме кылтажым пакчашак каваныш оптам.*

Brigitta Endresz

University of Debrecen

Debrecen

endresz.brigi@gmail.com

The Grammaticalization of Nominal Suffixes in the Vogul Language

The Vogul language contains three lexemes that are susceptible of grammaticalization: *sup* 'piece, part, half', *ut* 'something, thing, thingy', and *wārmal* 'case, matter'. The aim of my research is to examine what stage of the transformation process these words are at.

Since Vogul – similarly to the majority of minor Finno-Ugric languages – has got written records dating back only to a short period of time, the exact date when an element was transformed into a suffix is difficult to specify. Because of the insufficiency of other written records, it will be the Bible translations that help us in this inquiry.

The examination of corresponding passages in the texts makes it possible to find out whether the lexemes *wārmal*, *ut* and *sup* were grammaticalized in the past hundred years or not (Mordvinic as one of the related languages obviously shows a tendency

of grammaticalization – the long process of transformation into a suffix began in about a dozen of lexemes in the past century).

Rendering the text of the Bible into its own mother tongue is a crucial part of a people's written literature. This is not a simple task to do, but fortunately, the latest translations do not use Russian loans as convenient means anymore, but rather try to form new Vogul words for the expression of missing notions. There are languages in which neologist tendencies are already at a higher stage of development (for example Zyrian, Votyak, Mordvinic, Cheremis), while there are others where this process has barely begun, and Vogul is such a language. While earlier translations of the Bible often used paraphrases, non-finite verbs or structures with non-finite verbs to refer to new notions, recent translations show a preference for the usage of new suffixes in word-formation.

The lexemes *wārmal'*, *sup* and *ut* belong to the above mentioned new suffixes. Although, they are consequently written separately from the preceding word in these texts, it is obvious from the meaning modifications that these items have already lost their independent status and merged into other items. Examples: *wārmal'* 'case, matter': *aytnewārmal'* 'faith', i. e. 'faithful thing', *ut* 'something, thing, thingy': *ajné* 'drinking' > *ajnut* 'drink', *tēné* 'eating' > *tēnut*, *sup* 'piece, part, half': *ēriy* 'song' > *ēriysup* 'short song'.

Александр Филиппов¹⁾, Мария Филиппова²⁾

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург

ooopsu@rambler.ru¹⁾, mariya_filippova_93@list.ru²⁾

Некоторые особенности фольклорной традиции д. Винла Сосногорского района Республики Коми

Цель данной работы – на основе экспедиционных записей последних лет показать особенности фольклорной традиции одной деревни, представляющей ижемскую локальную традицию.

ВИНЛА – деревня на левом берегу р. Ижмы на территории Усть-Ухтинского сельсовета Сосногорского района, основана на рубеже 30–40-х гг. XIX в. выходцем из д. Гам Ижемского района. Деревню Винлинскую упоминает в своем «Дневнике путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» В. Н. Латкин. Название деревни, по топонимическим преданиям, произошло от имени ненца-оленевода Винла, искавшего в этих местах потерявшихся оленей и замерзшего в лисьей норе.

Фольклорно-этнографические традиции Винлы представлены праздничными комплексами и жанрами. Оригинальными являются предания о местных героях *Коль Вань*, который мог нести 12 больших глухарей на большие расстояния, и *Фроле*, врукопашную легко победившем медведя. Оба они обладали большой физической силой, что высоко ценилось в народной среде. Данные персонажи воспринимаются как первопредки, основатели рода.

Святочный комплекс *Вежа пöра* включает *Рöждество* (Рождество), *Василей* (Васильев день) и *Ва вежсöдöм* (Крещение).

Наиболее ярким и зрелищным было ритуальное ряжение *машкуритчем*, в котором принимали участие люди разных половозрастных групп. В традиции д. Винла выделяется два вида ряженья: 1) ряжение в красивые, преимущественно

женские наряды с непременно закрытием лица и 2) переодевание в зооантропоморфные персонажи – оленя, петуха (в рукава малицы просовываются ноги, сзади сооружается хвост).

Жанры детского фольклора, былички, устные рассказы о промыслах также хорошо представлены в данной локальной традиции.

Анастасия Гусева

Удмурт кун университет

Ижкар

chachabej@mail.ru

Культураен герзаськем кусып возён манерьёс

Глобализация вакытэ вуыса, туалала калыкжэс, ог-огзэс валан понна, коммуникация ласянь пöртэм шуг-секрытжэсын пумиськоно луо. Соин валче одйг ласянь кулэ эскерыны калыкжэслэсь огазеяськемзэс но лулчеберет ласянь ог-огзылы тупатскемзэс, нош мукет ласянь культураез, калык тодметэз утён ужпумжэс султо. Коммуникация ласянь шуг-секрытжэс жемысь лулчебереткуспо (межкультурноесь) луо, соин ик отчы пырыськись муртжэслы та нырысетйез ужпум луэ.

Вераськон манерьёсы пыро жечкылан но, киез кырмон но, жечбурьяськон но мукет вераськон но астэ возён манерьёс. Удмурт калыклэн кусып воземаз но вераськон манераз бускель жуч кыллэн но культуралэн влияниез шöдйське, нош жуч кылын шöдскымон луэ англи кыллэн влияниез. Нимысьтыз саклык висьяломы:

1. ялонжэслы (таиз удмурт кылын уг сюр): *Не курить. Thank you for not smoking;*

2. телефон пыр вераськонжэслы: *Возьмалэ öжытак. Не вешайте трубку. Please hold;*

3. жечбурьяськонжэслы: *Жечбур! Кыче улйськод? Привет! Как дела? Hi, how are you;*

4. извинениослы: *Вождэс эн ваелэ. Извините. I'm so sorry.*

Ваньмыз та герзаськемын на кыче югдурын кутйськемлэсь но кинлы верамлэсь, тужгес но телефон пыр вераськонын. Кылжэслэн кутйськемзы, ог-огзы бёрсы радьяськемзы, соосты кыче ке югдурен герзаськыса быръён – ваньмыз та культурно-обусловленной луэ. Ситуационной диалектэз валасьтэм адями мукетжэсь пöлысь висьяське, вераськоно адямизэ умойтэм учыре вуттэ, нош куддыръя сое валатэк но кыле. Соин ик та вераськон но астэ возён манерьёсты тодыны кулэ, тужгес но мукет калык пöлы шедьку, соосын вераськыку, эшъяськыку.

András Gyúró
University of Göttingen
Göttingen
andras.gyuro@gmx.de

Word Formation and Grammaticalisation in Udmurt Compound Verbs

Winkler (2011) in his grammar grouped combinations of nominal and verbal elements whose meaning is more than the sum of their elements and noted that this area is not yet analysed. His four categories are my starting point to analyse this type of compound verbs.

Winkler's four categories are *object incorporating verbs*, *Empfindungsverbgefüge* ("sensation verb structure"), *Funktionsverbgefüge* (he defines this structure differently than traditionally in German philology, thus it can't be appropriately translated as "light-verb construction") and *particle verbs*.

As corpus serves the Udmurt-Finnish dictionary of Maksimov, Dańilov and Saarinen, from which I excerpted all potential verbs and clarified their syntactic behaviour with native speakers of Udmurt.

Formally the most interesting are the cases in which the elements are written and spoken together in the most cases but when the verb is negated, in the optative mood (with the particle *med*) or with several particles the verb is split. This can only happen, however, if the nominal element has only one syllable. The dictionary does mark these verbs.

In analysing the object incorporating verbs the biggest problem is that in Udmurt, the direct object doesn't obligatory have to be marked with the accusative suffix, so there were many cases of doubt.

Still not fully solved is the case of those verbs where the nominal element does not occur on its own.

As for the historical dimension: for the constructions with *potyny* 'to go out, to exit' there are parallels in the Komi language. Many of the constructions are calques especially from the Tatar, but also from the Chuvash languages, and these means are also often used to incorporate newer Russian loanwords.

Hatvani Flóra

Szegedi Tudományegyetem

Szeged

florapupu@gmail.com

“*Ke'et' koškeze!* – Száradjon le a nyelved!” betegség – átkozódás – varázslás

A magyar nyelvben számos példa akad arra a jelenségre, hogy egy betegségnevé szitokszóvá válik. Ezzel a témával Galgóczi László (1981) foglalkozott tüzetesebben, és rámutatott arra, hogy a betegségnevek szitokszóvá alakulásakor milyen folyamatok mennek végbe. A fekélyes bőrbetegségeknel például így néz ki a jelentésváltozás útja: 'fekélyes betegség' > 'átok' > 'szitokszó' > egyéb jelentés. E bőrbetegségek nagy része már elhomályosult jelentéssel bír (pl.: *fene*), de vannak olyanok is, amelyek nem veszítették el eredeti jelentésüket (pl.: *hólyagos himlő*).

Előadásomban először tisztázom az átkok és szitokszók fogalmát és elkülömtésük kérdését. Mivel a vizsgált anyagban a legtöbb átok már elhomályosult jelentéssel bír, ezeket is szitokszóként fogom kezelni.

Munkám során nemcsak a szűk értelemben vett bőrbetegségeket vizsgálom, hanem bőrelváltozásokat és a betegséggel járó tüneteket is.

Egyrészt azokat az erza-mordvin bőrbetegségeket mutatom be, amelyek hasonló folyamatokban vettek részt (pl.: *apkaž, čirej* 'furunkulus'? *Apkaž kel'et' langs!* – szó szerint: 'Legyen furunkulus a nyelveden!'), másrészt olyan kifejezéseket ismertetek, amelyek szinonímái az előzőeknek, de nem szerepel bennük betegségnév (*Kel'et' koškeze!* – 'Száradjon le a nyelved!') Bemutatom ezeknek a szerkezeteknek a felépítését (optativus és conjunctivus használata), valamint kitérek olyan kifejezésekre is, amelyekben bőrbetegséget/bőrelváltozást okozó erza állatnevek találhatók (*Ton séžal!* – 'Te (bél)féreg!').

Röviden kitérek Paasonen Heikki *Mordwinische Volksdichtung* IV (1947) kötetében található varázslásokra, amelyek a bőrbetegségekre vonatkoznak. Összefoglalom, hogy a különböző betegségek ellen irányuló varázsigék között milyen hasonlóságok és milyen különbségek vannak.

Előadásomban – Paasonen gyűjtésén kívül – csak a 2012-ben gyűjtött erza-mordvin anyagaimat használom fel. Ebből kifolyólag kitérek azok összegyűjtésének nehézségeire.

Юлия Харкун

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

xarkun@mail.ru

**Галина Бутыревалён лирикаын
керка концептлөн вичко юкөн**

Коми поэт Галина Бутырева заводитис йöзöдчыны 1980-öд воясö. Талунья лыддысысьлы гижысьлөн «еджид» кыв-

бурьясыс восьтöны литературалы уна лöсялана тема: челядь-дыр, бать-мам да вөр-ва радейтöм, чужан му да чужан горт.

Ыджыд мирын да еньюгыд тэчöмын керкалөн тöдчанлуныс востьö «*Виль керка*», «*Джуджыд да югыд пожöма ягын...*», «*Вөр керка дорын*» кывбурьясын. Галина Бутыревалөн лирикаын керкаыс абу сöмын архетипичнöй образ, но и концепт. *Керка* концепт кутö ас пытшкас еньюгыд, пыж, чум, вөр керка, вичко юкөн. Ыджыд тöдчанлун бостьö *керка* концептлөн *вичко* юкөн.

Вичко коми мортлы пыр вöли вежа инөн. Тані выльöн на чужöм кагалы сетлісны ним, том ныв-зон көлысясьлісны, кулöм мортöс колльöдлісны медбөрья туйö...

Вичколысь вежалунсö кылö и лирика героиня – ичöтик нывка. «*Сьöлöмыс висьмытöдз...*» кывбурын петкöдчö вичколөн да лирика героинялөн öти тшупöдын сулалöмыс, налөн магическöй вынъясыс: вичколөн – артмöдны еньюгыдсö, öтлаöдны Енсö да мортсö му вылын, кагалөн – адзыны олöмсö мöд боксянь, абу верстьö ног. Лэбалöм мотив петкöдчö *косьмöм тьöс да вывлань воськов* кывтэчасьяс отсöгөн, *бать лэчöдö – мутыис катöма* антитеза пыр, литота приём пыр. Тайö приёмсы тыдовтчö *ки ныдöс вылын моз* веськыд орччöдöм отсöгөн.

Вичко олöм панысь да кутысь туйын мöд художествоа кадын петкöдчö выль боксянь, верстяммöм лирика героинякöд тшöтш. «*Арся мыльк вылын*» кывбурын *арся мыльк* мичкыв индö кад-кытылөн нöшта öти цикл помасьöм вылö, висьталö олöмыслөн кусны заводитöм йылысь, *чегöм бордя дзодзöг* паськыд орччöдöм востьö вичко сöстöмыслысь, олöм подулыслысь пузувтчöмсö.

Галина Бутыревалөн кывбурьясын *вичко* кыз *керка* концептлөн юкөн лöб еньюгыдлөн сьöмöснас, Ен да морт костын йитанторнас. Но сэк жö вичко кутö ас пытшкас кадлысь пассö да олöм подулыслысь жугалöмсö.

Sampsa Holopainen

University of Helsinki

Helsinki

sampsa.holopainen@helsinki.fi

Etymological problems of the word ‘seven’ in Ugric languages

The word ‘seven’ in all three Ugric languages has traditionally been reconstructed to the Proto-Ugric form **θäpte* (< **säpte*) which is considered to be a loan word from Proto-Iranian. Khanty is the only one among the Ugric languages to feature a phonetically regular cognate (eg *läwät*) of the reconstructed Proto-Ugric word; the Hungarian (*hét*) and Mansi (eg *sāt*) “cognates” feature striking phonetic irregularities: namely the representation of the Ugric **θ* is irregular in Hungarian and Mansi. Etymological dictionaries usually tend to represent these words as proper cognates and explain the Hungarian irregular *h-* as analogism. Nevertheless, it has been pointed out that also the vocalism of the Hungarian word is irregular and that the word could be borrowed separately after the so called Proto-Ugric period.

The other assumed Iranian loanwords in the Proto-Ugric language have both regular and irregular cognates in modern Ugric languages. For example the Hungarian word *szekér* ‘wagon’ is probably of the same Iranian origin as the Khanty word *likər*, but because of phonetical irregularities it has been pretty well accepted that these two words are separate borrowings from different Iranian language forms.

As all the Ugric languages have received a number of Iranian loanwords after the Proto-Ugric period, it could be reasonable to consider the words for ‘seven’ separate loans. In all the attested Iranian languages there is a word initial *h-* in the word ‘seven’, eg avestan *hapta*, so it might be more accurate to consider the Hungarian *h-* not an analogical representative of an early Proto-Iranian **s* but a substitution of a later Iranian *h-*.

It is not an unusual situation for already split up related languages to continue to be influenced by the same contact

language(s). For example the Finnic languages feature a number of common Slavic loan words which due to phonetic reasons have to be considered separated loans after the break up of Proto-Finnic: a good example is Finnish *atrain*, Karelian *azrain* and Estonian *ahring* from Russian *ostrogá*. It might be fruitful to research the common but irregular loanwords of the Ugric languages from a similar point of view.

Татьяна Хомякова

Филиал Удмуртского государственного университета

Кудымкар

KhomyacovaTanya@mail.ru

Музыкальный инструмент *пэлян* в традиционной культуре коми-пермяков

Коми-пермяцкий *пэлян* (многоствольная флейта) – это уникальный музыкальный инструмент традиционной культуры коми-пермяков. Наряду с другими социокультурными факторами, *пэляны* демонстрировали статус человека, его принадлежность к определенной половозрастной группе, маркировали основные стадии жизненного пути женщины, участвовали в быту и досуге коми-пермяцкого народа.

Цель нашей работы – показать особенности традиционного музыкального инструмента *пэлян* и его роль в культуре коми-пермяков.

Пэляны для коми-пермяков – это исключительно женский музыкальный инструмент. Девочки начинали играть на многоствольных флейтах с 6-8 лет. Девочки учились играть на *пэлянах* самостоятельно, прислушиваясь к игре «старших девок». Девушки постарше, в отличие от девочек, получали право играть на *пэлянах* не только среди своих сверстниц, но и на людях. После замужества продолжали играть на *пэлянах* не все, а только искусные мастера игры. Особую роль в игре на *пэлянах* выполняли пожилые женщины. К ним часто об-

ращались молодые за советом в изготовлении пэляна или с просьбой смастерить его.

Изготовление пэлянов – очень сложная и кропотливая работа, требующая огромной выдержки и терпения. По словам мастера по изготовлению и игре на пэлянах Анны Григорьевны Петровой из села Юкseeво Коми-Пермяцкого округа, данный музыкальный инструмент изготавливают в период с 10 августа по 15 сентября из зрелых стеблей *пикана* (снйти).

Начало игры на пэлянах определялось временем созревания травы и началом сенокоса. Сезон игры длился до начала осени. В середине зимы с 7 по 19 января игра на пэлянах ненадолго возрождалась. Это период рождественских игрищ и Святков.

В настоящее время музыкальное искусство игры на пэлянах исчезает, забывается технология изготовления этого музыкального инструмента. Все реже слышны напевы под чудесную мелодию пэляна. Очень хотелось бы, чтоб волшебные звуки коми-пермяцкой флейты, не умолкая, радовали еще не одно поколение.

Laura Horváth
Eötvös Loránd University
Budapest
larcsi@gmail.com

Grammaticalization processes of converb constructions in the languages of the Volga–Kama area

Converbs expressing adverbial meanings are relatively common cross-linguistically. Constructions with converbs are also widely used in the Volga–Kama area, in Turkic and in Finno-Ugric languages. They express just adverbial meaning several times, but in many cases the construction composed of a gerund and a conjugated verb is grammaticalized: the adverbial participle gives the lexical meaning and the finite verb has more or less lost its origi-

nal meaning and is only a modifier (auxiliary) expressing aspect (it is usually expressed via Aktionsart meaning). The Mari has about 36 modifiers, the Udmurt 20-30 modifiers and Chuvash about 20.

The development of constructions containing movement verbs (e. g. Udm. *мыныны* 'to go') into aspectual markers is a typical case of grammaticalization, while to reach the highest degree of grammaticalization in case of the modifiers without 'movement' meaning seems more difficult, because their original meanings can hardly become obscure, e.g. Udm. *гожтыса кельтыны* 'to write down' ('to leave writing', 'to write down and leave it there'). We have to make it clear that the degree of abstractiveness of a modifier is not an inherent feature of the modifier in question: a modifier can lose its own original lexical meaning to different extent in different structures (with different adverbial participles), according to those theories which define grammaticalization as a context expansion and as a process of constructions with particular items in it, instead of as a process of single elements.

I will examine these grammaticalization processes in the languages mentioned above, particularly in Udmurt (where samples are taken from an Udmurt novel and from several dialectal texts), so Udmurt will often serve as a starting point.

Julia Hübner

University of Göttingen

Göttingen

julia_huebner@gmx.net

Observations on the coverage of the Estonian Song Festivals 1869, 1923, 1969 and 1990 in the newspaper 'Postimees'

In my paper I would like to present the results of my Bachelor's thesis.

For almost 150 years hundreds of Estonian choirs have gathered about every five years to celebrate the Song Festival.

This tradition has been a very important event for Estonians to demonstrate their national identity. In my thesis I analysed how this identity is shown in the reporting articles about the Song Festivals in the given years. The objective was to analyse, if there is a connection between the presentation of national identity in the newspaper articles and the political system in power.

The specific years were chosen as they mark politically charged situations: the very first Estonian Song Festival during the time of National Awakening 1869, the first Song Festival in the independent Republic of Estonia in 1923, the 100th anniversary Song Festival celebrated in the Estonian Soviet Socialist Republic in 1969 and finally the Song Festival in 1990, when Estonia was close to regaining its independence.

The results were partially rather unexpected: The articles from 1869, written by the teacher and journalist Johann Voldemar Jannsen, who played an important role in the National Awakening, are less patriotic than expected. Instead, he seems to be loyal to the tsarist family and the Baltic Germans. In 1923 the main topic is the new national state with its own bordered territory and political leadership. The 100th anniversary Song Festival in 1969 was a huge celebration of "Friendship among the peoples". But the Soviet authorities also used typical Estonian national traditions, as the Soviet system was lacking traditions of their own. Surprisingly, in those articles music is a central topic, but it is exploited politically in different ways. The articles from 1990 are all about the homecoming exile Estonians and, again, less patriotic than expected.

In conclusion, in all of the analysed articles the presentation of the Estonian identity is affected by the political system in power. Nevertheless, the Song Festivals have played an important role for the Estonian identity throughout the course of Estonian history.

Алексей Ибатуллин, Ирина Тойгильдина

Благовещенский педагогический колледж

Благовещенск

toiirina@mail.ru

**Филиал Марийского историко-культурного центра
«Мишкино»
в условиях педагогического колледжа**

С давних времен люди объединялись в какие-либо содружества для достижения определенных целей. И были совершенно правы в выборе такой стратегии. Ведь, как говорили еще древнегреческие философы, в единстве заключается сила. В наше время таких содружеств множество. Их называют общественными организациями.

Общественные организации бывают мирового уровня и менее глобальными, но не менее важными. Национальные общественные организации в нашем обществе помогают сохранить неповторимую культуру, национальный колорит своего народа.

Марийский культурный центр при педагогическом колледже работает более 50 лет. Официальный статус он получил в 2000 г., как филиал Марийского историко-культурного центра «Мишкино» муниципального района Благовещенский район Республики Башкортостан с июня 2004 г.

Филиал Марийского историко-культурного центра работает согласно Уставу и Положению Государственного учреждения культуры «Марийский историко-культурный центр «Мишкино» (сокращенно МИКЦ «Мишкино»), образованного в соответствии с Указом Президента Республики Башкортостан НО УП-574 от 29 сентября 2003 г. и в соответствии с намеченным планом работы центра. Как филиал Марийского историко-культурного центра «Мишкино» в селе Мишкино Мишкинского района с 13 апреля 2006 г.

Центр осуществляет свою деятельность во взаимодействии с органами исполнительной власти города и района,

Управления муниципальным образованием, учреждениями культуры (библиотеки, музей, ГДК).

Валерия Игнатьева

Удмурт кун университет

Ижкар

valeriya.ignateva.92@mail.ru

Удмурт кылысь этикет кусыпъёсын герзаськем кылкабъёс

Котькуд культуралэн сӧзнэтак нимысьтыз инты басьто этикет кусыпъёсын герзаськем кылтэчетъёс но веранъёс. Пуштроссыя соосты пӧртэм туркымъёслы висъяны луоно, кылсярысь, жечьяськонъёс, люкиськон кыльёс, сйзёнъёс, индылонъёс, таукарон кыльёс но мукет.

Нимысьтыз саклык висъяломы удмурт кылысь сйзён кыльёслы, кудъёссэ кутйськон мугъёссэс лыдэ басьтыса, таӵе группаослы висъяны луоно:

а) тазалык сйзён: *таза лу'э, эн ви'с'э, эн ви'с'ы н'и, вэ'с'ка н'и* но о.а.;

б) умой сюрес сйзён: *зэч с'урэс, зэч бэрт(э'), зэч ветлы/ветлэ, с'урэсэд вӧй кад' мед луоз;*

в) выль пумиськонъёс сйзён: *тазъы пукуны мед кыл-доз на, кабат но таз'ы ик д'амлы мэт пукомы* (диал.) но о. а.;

г) байлык сйзён: *скалды йӧло-вӧйо мед луоз, берекетлы мед луоз* но о. а.;

д) чебер уйвӧт сйзён: *айбат кк'л, айбат кк'лэ ни, айбат вк'тйос мэ'д а'зод* но о. а.

Ӧтем дыръя этикет кусыпъёсын герзаськем кылкабъёс но сйзён кыльёс бырйисько быдэстйськись учырез лыдэ басьтыса: кылсярысь, ужасьёслы верало: *картошкаед мед удалтоз! турынэд уно медло* но о.а.; корка пырон дыръя азьланезлы шуд-дӧлет сйзъыны луоз: *коркады таз'ы ик д'амлы мэд луоз* (диал.), *шумпотса улэ, бай улэ!* кема улыны мед кыл-

доз виль коркады! но о. а.; куспазы вераськись адямиосын пумиськыку, пайдаё но тунсыко вераськон сйзё: *кылды мед тупалоз!* но о. а. Нимаз кылкабъёс пумисько кулэм муртэм люкиськыку: *зеч ул сопал дуннейад! айбат ул индэ сопалан!* (диал.), *пэпийэдлы салам вэра!* (диал.), *бэртлыса э`н вэ`лы!* (диал.) но о. а.

Вераськонын, зеч сйзёнъёс сяна, лек сйзёнъёс но пумиськыло, кудъёссэ таёе туркымъёслы люкыны луэ:

а) адямилэн тазалыкезлы, улонэзлы пумит верам лек сйзёнъёс (кылсярысь, керетыку: *чатран л`укэт! коркайэт мэт пытсас`коз!* но о. а.; яке лушкаськись муртэз кутыку: *мэд гун`дозы! кийыт мэт кўас`моз!* (диал.) но о. а.)

б) юртъер узырлык пумит верам лек сйзёнъёс: *бакчайат ккс луоз, алмайэд уз луы!* (диал.), *аслад бакчайад мэдаз зоры* но о. а.

Озыен, этикет кусыпъёсын герзаськем кылтэчетъёслэн но веранъёслэн кутйськемзы юн герзаськемын верась но кылзйсь муртъёслэн кусыпъёсынызы, соослэн вераськон манеренызы, вераськон мугъёсынызы, озыы ик вераськон дырен но интыен.

Дмитрий Иванов

Удмуртский государственный университет

Ижевск

udmurtdima@gmail.com

Тартуский университет и удмуртское языкознание

Тартуский университет сыграл огромную роль в развитии удмуртского языкознания. С 50-х гг. XX в. под руководством Пауля Аристе́ кафе́дра финно-угорских языков Тартуского университета, наряду с сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР, долгое время являлась одним из центров по подготовке научных кадров высшей квалификации по финно-угорским языкам, в том числе по удмуртскому.

Работа велась в трех основных формах (направлениях):

1) начиная с 1955 г. научную подготовку по языку в аспирантуре Тартуского университета прошли И. В. Тараканов (в 1955–1958 гг.), ныне доктор филологических наук, Г. А. Архипов (в 1958–1961 гг.), М. Г. Атаманов (в 1975–1978 гг.), ныне доктор филол. наук, Б. Ш. Загуляева (в 1975–1978 гг.), кандидат филологических наук, в области фольклористики – Т. Г. Владыкина (в 1975–1978 гг.), ныне доктор филологических наук;

2) в Тартуском университете защитили кандидатские диссертации языковеды Р. Ш. Насибуллин (в 1973 г.), С. К. Бушмакин (в 1971 г.), Р. И. Яшина (в 1965 г.), С. В. Соколов (в 1973 г.), В. Г. Калашникова (в 1974 г.); в области фольклористики – Д. А. Яшин (в 1967 г.);

3) в докторантуре Тартуского университета обучались Л. Л. Карпова (в 1990–1997 гг.), С. Едыгарова (в 2005–2010 гг.), в настоящее время учится А. Байдуллина и др.

Под руководством выдающихся финно-угроведов, одним из которых был Пауль Аристэ, они защитили свои диссертации, подтвердив тем самым уровень своих знаний и профессионализма.

По окончании Тартуского университета все они продолжили научную деятельность на родине или в иных научных центрах и учебных заведениях. Ими опубликовано огромное количество исследований (монографий, статей, учебников, словарей и др.). Тем самым они оказали огромное влияние на развитие удмуртского языкознания.

Елена Иванова

Марий кугыжаныш университет
Йошкар-Ола

**С. Г. Чавайнын «Элнет» романыштыже
движенийым ончыктышо глагол-влак**

Тарванылмаш дене кылдалтше глагол-влак С. Г. Чавайнын «Элнет» романже негызеш лончылалтыт. Тыште субъектын шуктымо движенийже-влак эскералтыт.

Эскерыме произведенийыште движенийым ончыктышо глагол-влакым тыгай принцип дене ойырымо: 1) движенийым ончыктышо глагол-влакын туравеллык ойыртемашт; 2) субъектын пространствыште тарванылмыже; 3) субъектын түрлө йөн полшымо дене движенийым ыштымыже; 4) субъектын движенийым ыштымаште писылык ойыремже.

Тарванылмаш дене кылдалтше глагол-влакын туравеллык койышыштым шотыш налын, нуным тыгай семантике тўшкалан шеледыме:

1. Субъектын туравеллык деч посна тарванылмыже.
2. Субъектын түрлө могырышкыла тарванылмыже.
3. Субъектын ик могырышкыла веле вктаралтмыже.

Ты тарванылме ойырым тыгеракын тыгыдемден нергелыме (субъектын объект деке лишеммыже, субъектын объект дечын коранын тарванымыже, субъектын иктаж-мо көргышкө вктаралтмыже, субъектын иктаж-мо көргө гыч лекмыже да т. м.).

Субъектын түрлө состояниан пространствыште движенийым ыштымыжым шымлен, тарванылмаш дене кылдалтше глагол-влакым эшеат изи тўшкалан шелме:

1. Субъектын мланде ўмбалне коштмыжо.
2. Субъектын южышто чонештылмыже.
3. Субъектын вўдыштө ийын коштмыжо.

Субъектын түрлө йөн полшымо дене движенийым ыштымыже. Ты семантике палан глагол-влакын тылечат тыгыде лончыжо-влакым ончыктымо:

1. Субъектын йол дене шуктымo движенийже.
2. Субъектын транспорт полшымo дене движенийым шуктымoже.

Субъектын движенийым ыштымаште писылык ойыр-темже.

Пытартыш ойыртемем тылечат шырпешлен ончымo:

1. Субъектын эркынле движенийым ыштымoже.
2. Субъектын движенийым писын шуктымoже.

Ирина Иванова

Удмуртский государственный университет

Ижевск

Irina.iwanowa@inbox.ru

Удмуртское жилище XIX – начала XX веков

В своем докладе я расскажу об особенностях устройства удмуртского жилища XIX – начала XX вв. В центре внимания окажутся следующие составляющие:

1. Особенности поселений удмуртов с географической точки зрения. Как показывают археологические исследования и как подчеркивают ученые, удмурты селились вдоль рек. Места поселений выбирались жрецами, но важную роль в выборе места играло чутье животных (например, выпускали жеребенка и куда он приляжет, то место и является подходящим для жилища).

2. Усадьба удмуртов, значение его составляющих. Центральное место занимали следующие части:

– Ворота и дверь нового пути, защита от нечисти. Родовые знаки на двери и сама дверь также связаны со многими обрядами (прохождение невесты через порог во время свадьбы; молодой человек, отправляясь в армию, касается верхнего косяка двери и др.).

– Матица – потолочная балка. Ее сооружение и значение имеют связь со многими обрядами («*оберегай меня, матица*») произносит молодой человек, уходя в армию или на

войну, и прибывает к ней серебряную монету с шелковой ленточкой; если возвращается, то снимает вместе с друзьями, благодаря Инмара и матицу).

3. В архитектуре удмуртов важное место занимают святилища. Они обустроивались и хранились очень свято, ведь они имели значение храмов. В докладе будет обращено внимание на обустройство и значение их составляющих.

Анастасия Ившина

Удмурт кун университет

Ижкар

ivshina1993@mail.ru

Туала удмурт кылысь косон сям

Удмурт кылын висьяське 3 сям: изьявительной (ивортон), условной (луонлык), повелительной (косон). Куд-ог тодосчиос висьяло на 4-тй сям: желательной (мылкыдык), кудйз возматйське «мед» но «медаз» препозитивъёсын.

Косон сям каронкыльёс пörмыны быгато синтетической (кузо) но аналитической (кузтэм) амальёсын. Аналитической амалэн пörмо öвöлтйсь сямын кутйськись 2-тй но 3-тй муртэз возматйсь каронкыльёс (*эн вера, эн гыр, медаз ветлы, медам мын*) но о. а. Синтетической амалэн пörмо 2-тй лицысь одйг но трос лыдын, положительной формаен каронкыльёс (*вера, ужа, пукселэ, вералэ*) но о. а.

Косон кабен кутйськись каронкыльёс возматйны быгато:

а) косонэз: *Саризэ басьты. Ваньмыз чияса мед улоз. Султы чаяк, тэтчы выж улэ!*;

б) куронэз: *Эн ик вераськы, Митрей, кайта араны кужым нош сёт;*

в) öтөнэз: *Ойдолэ бертоме ни, ойдо со турын зурод дорозь коть мыном;*

г) дэмламеэ: *Тани, ме!!!... Нылкышноослэсь ужзэ ужай... Тани тае, ужам шуыса вераны яра. Ме, тани учкы. Тани кызьы гожтйллям.*

д) индылэмеэ: *Пересь, тон тйни отчы огнад мын. Мон уг мын ни. Зеч лу. Ымдэ усьтыса эн ветлы.*

Ольга Яковлева

М. Е. Евсевьевонь лемса

Мордовский государственной педагогической институт

Саранск

Jakolisch1989@mail.ru

Мокшень кяльса фразеологическаяй единицатнень седи, пря компонент мархта семантико-грамматическаяй характеристикасна

Фразеологизмась, а лиякс мярьгомс кевонзаф валзюлмось – та устойчивай валзюлма, конац ащи аф полафневи лексическаяй пяльксста, структурань коряс конац ащи кафта или сяда лама валста, конатнень кевонзаф смузьсна, экспрессивностьсна. Сембе ванф фразеологическаяй единицатне соматизматнень мархта явовихть:

– глагольнайхть. Кепотьксонди: *ванфтомс* пря ‘беречь (оберегать) себя’, *няемс* пря (видеть себя); ‘заняться, гордиться’

– именнойхть. Кепотьксонди: *шава* пря ‘недалекий человек’;

– наречнайхть. Кепотьксонди: *пильгонек-прянек* ‘весь’, ‘целиком’; *нолда прят* ‘с опущенной головой’ кевонзаф валзюлмотне.

Тяфтама валхне, кода: *мяль* ‘мысль’, *ень* ‘ум’, *седи* ‘сердце’, *вайме* ‘душа’, *кяж* ‘зло’ ульсть и эряйхть образнай мышлениянь основакс, сяс мес чувствань и эмоциянь няфтема сидеста эряй фразеологияса: *ваномс* мяль ‘почитать кого-либо’, *кирдемс* мяльса ‘держат в мыслях’.

Кевонзаф валзюлмотне эвондамань коряс явовихть колма группава:

1) мокшень: *варяв курга* ‘болтливый человек (букв. дырявый рот)’, *кяжне састь* ‘я рассердился (букв. зло мое пришло)’ и лиятне.

2) родственнай кяль мархта фкат: *мяльса кирдемс* ‘держать в голове (мыслях)’, эст. *meeles pidama*, венг. *észben tartani*. Синь фкат компонентнай составса, семантикаса, образнай основаса.

3) фкат структурань составонь образнай шинь коряс рузоннетнень мархта: *шорямс ведь* – мутить воду ‘умышленно запутывать какое-либо дело’, *пряста пилькс* – с головы до ног ‘целиком’, ‘полностью’.

Тяфтама жа, структурань, составонь образнай основа мархта улихть фразеологизмат, конатнень смузьсна эвондась сонць. Кепотьксонди: *каямс сельме (сельмот)* – бросать (кидать) взгляд, ‘завидовать’.

Мокшень кяльса кевонзаф валзюлмотне мотивированнайхть, и ламоксть можна няемс синь тиеви источниксна.

Aleksandr Jefremov

M. V. Lomonosovi nim. Moskva Riiklik Ülikool

Moskva

efremov1985@rambler.ru

Mari nooruse tulevik globaliseeruväs maailmas

Globaliseerumine on inimkonna poolt teostatav halduse kontsentreerumise protsess. Globaliseerumist asuti uurima alles suhteliselt hiljuti, seetõttu ei ole tema mõju noortekeskonnale praktiliselt veel käsitletud, kuigi uurijad märgivad, et noored lülituvad globaliseerumisse teistest aktiivsemalt. Tuleb rõhutada, et mari noorsoo arengut ei tohi käsitleda lahus teiste Venemaa rahvuste analoogsest arengust.

Globaliseerumisprotsessi aktiivse käivitumise tõttu on paljurahvuselise Marimaa vabariigi noorsoo ette tõusnud rida probleeme:

– Maailmavaatelised küsimused, sest globaliseeruv teadvus otsekui “pühib” rahvusliku maailmavaate ära ja kujundab ühtset standardmaailmavaadet. See puudutab eriti külanoori, kellest enamus vabariigis on mari rahvusest. Sattudes linna, olles ise veel väljakujunemata maailmavaatega, langeb neile peale kolossaalne infovoog, mis nende senise maailmakäsitluse kas deformeerib või siis täiesti teistsuguseks muudab. Kuid just maailmavaadet kujundav info ja metodoloogia ongi need, mille alusel inimesed oma arusaamise maailmas toimuvatest erinevatest protsessidest üles ehitavad. Maailmavaade on mõtlemise kultuuri ja haldusliku tegevuse täisväärtuslikkuse aluseks. Kaotades rahvusliku maailmatunnetuse, kaob seos rahvuse, keele ja kultuuriga. Riigil on maailmavaate kujundamisele tohtu mõju.

– Ülevaade ajaloost ja ajaloosündmustest võimaldab tajuda protsesside suunda ja arengut ning seostada omavahel kultuuri ja üldse teadmiste erinevaid harusid. Kahjuks pole noorsool tihtilugu oma rahva ajaloost mingit aimu. Kuna mari rahva kohta ja rolli ajaloos ei tunta, ei leia noored elus oma kohta ja loobuvad oma rahvusest, arvates, et marid pole ajaloos “midagi korda saatnud”.

– Majanduslikud küsimused. Regiooni raske finantsolukorra tõttu ei jätku raha rahvuslikele huviklubidele, ringidele ja seltsidele, mis aitaksid rahvusküsimusi ja -asju arutada ning rahvusliku kultuuri ja kommetega sidet säilitada.

Tatiana Jefremova

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Budapest

chachavij@gmail.com

Nyelvcseré:

az egyetlen forgatókönyv a városi marik számára?

Közhely a szociolingvisztikában, hogy az urbanizáció a kisebbségi beszélőközösségekben elinduló nyelvcseré folyamatának egyik kiváltó oka (pl. Fishman 1991: 58). Szemtanúi lehetünk ennek az oroszországi finnugor nyelvek esetében is.

Előadásomban Joshkar-Olában lakó marik példáján mutatom be, hogyan zajlik a nyelvcseré egyéni szinten, az extralingvisztikai tényezők változása milyen módon tükröződik a beszélők nyelvi viselkedésének változásában. A folyamatot 2010–2011-ben 60 városi marival készített interjú alapján vázoló fel. A nyelvcserét az akkulturációs elmélet (Bourhis et al. 1997) felől közelítem meg, különös tekintettel a nyelvválasztásra, nyelvi attitűdökre és ezeknek az etnikai, illetve tágabban véve társadalmi identitással való összefüggésére.

Az interjúk elemzése alapján megállapítható, hogy a nyelvcseré egyrészt tudatos asszimilációs stratégiaként funkcionál, másrészt viszont a városba újonnan beköltöző marik számára olyan, már automatikusan működő forgatókönyvként szolgál, amelyet a beszélők különösebb gondolkodás nélkül használnak fel. A kutatás fényt derít a városi marik tapasztalataira, félelmeire, téves elképzeléseire, amelyekből a nyelvcseréhez vezető döntések születnek.

Az utóbbiak figyelembevétele elengedhetetlen a hatékony nyelvi tervezés során. Ilyenképpen az előadás gyakorlatban alkalmazható nyelvi attitűdvizsgálat eredményeit kívánja bemutatni, amelyek felhasználhatók az integrációs nyelvi stratégiá, azaz a stabil kétnyelvűség kialakításában.

Hivatkozások:

Fishman, J. 1991. *Reversing language Shift: Theory and Practice of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters.

Bourhis, R. Y., L. C. Moise, S. Perreault, S. Senecal 1997. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. – *International Journal of Psychology* 32(6). 369–386.

Сергей Егоров

Тарту университет

Тарту

EgorovSergeyVladimirovich@mail.ru

**Тыште шарнымаш ила
(2012 ий Российыште историйын идалыкше.
Пошкырт кундем Мишкан районысо
тоштерлан 20 ий темеш)**

Тоштерлан туналтышым историйым тунуктышо А. А. Аликаев пыштен, 2000 ий гыч вуйлатышын пашажым С. И. Салиева шукта. Историй да культур дене кылдалтше материалым кужу жап пырчын-пырчын погымо. Тоштер историй да этнографий пӧлка гыч шога. Тоштерыш толшо-влаклан поснак этнографий пӧлкаште верланыше «Эрвел марий-влакын илышыже да йӱлаже» экспозиций келша. Тыште историй дене кылдалтше ятыр документ аралалтеш. Тиде пӧлка эрвел марий-влак нерген материаллан поян, молан манаш гын Мишкан район марий районлан шотлалтеш. Садлан районын историйже шагал огыл марий ешын пӱрымашыж дене кылдалтын.

Тиде кундемыште илыше ен-влак кундемыште лийше событийлам шарнен кодаш манын коча-коваштын фотографийыштым, документ-влакым тоштерышке пуэныт. Нунын кокла гыч Айбылат гыч Яшпай Ямаев, Татьяна Ишмаева, Анята Аликаева, Елена Иксанова.

Молан ятыр ен кокла гыч ме лач ниным веле палем-дышна? Нунын дене мыйым шочмо вўр уша, тыгак тоштерлан тўналтышым пыштыше дене да тудын пашажым умбакыже шуйышо денат. Тиде тоштерыште, мутлан, кочамын паша книжкаже кия...

Мишкан селан эрвел могыржым энер авыра, аламынар километран чонга шуйна. Кужу жап тиде чонга чара шоген. Кодшо курымын 50-ше ийлаштыже тиде чонгаш пушенгым шындаш пунчалыныт. Ту жапыште мыйын кочам лесничествыште пашам ыштен да шке шинчымашыжым, вийжым тиде чонгам ужартымашлан пуэн. Тыршымышт арам лийын огыл. Кызыт тыште мотор пўнчер кушкын шогалын, селасе калыклан ятыр куаным конда.

Тыгай историйым вес родо-тукым нергенат шарналташ лиеш. Нуно чылан тыглай пашаен лийыныт, но нунын кече еда ыштыме пашашт деч посна кундемна, мыйынат шочмо верем, ок моторешт, ок пойо ыле.

Историйын идалыкше да тоштерын лўмгечыж дене пайдаланен, пошкырт калыкын йўлаштан энертен, эрвел марий-влак коклаштат родо-тукым пушенгым ышташ да Тукым пайремым эртараш темлем. Мемнан тоштерыштына икмынар ешын тукум пушенгышжым ончыкташ да тидын дене самырык тукумым кугезына-влакын, эрвел марий-влакын сай пашашт дене палдараш гын, моткоч сай лиеш ыле.

Евгения Егорова

Россий кугыжаныш торгаймаш да экономике университет

Уфа

jenamir@yandex.ru

Этнотуризм – социальный туризмын шўрынжў

Туризм XXI курымыш экономикакын ик эн виянше ужашыже семын пурен. 38 % кугыжанышлан туризм эллан поянлыкым кондышо тўн источник лийын шога, а 83 % кугыжанышлан вич тўн источник гыч иктыжлан шотлалтеш.

Тачысе кечылан Россий туризмым вияндыше эл се-
мын тўнямбалсе туризм рынокышто кугу верым ок нал, чыла
турист-влак кокла гыч лач 1 % веле Российыш толаш кумы-
лан улыт. Российын историй да пўртўс поянлыкшым шотыш
налаш гын, тиде показатель пеш ўлыш.

Тиде экшыкым мыняр-гынат тўрлаш манын, «Разви-
тие внутреннего и въездного туризма в Российской Федера-
ции (2011–2018 гг.)» программ пуртымо. Тиде програм-
мын кўлешан ужашыжлан социальный туризмым вияндымаш
шотлалтеш.

Тиде программ илышыш шындараш пенсионер ден
инвалид-влаклан путевкын акше гыч 70 % наре субсидийым
ойырат. Путевко шке республикысе эмлалтме верлашкат,
тыгак йот элышкат лийын кертеш. Тиде сомыллан республи-
ка бюджет гыч 36,9 млн. тенгем ойырымо, пенсионер ден
инвалидлан 3 тўжем наре путевкым налаш палемдыме.

Мемнан кундемыште республика деч ўрдыштат кум-
дан палыме, тазалыкым пенгыдемдаш йўрышў поян ресурс
уло. Садлан мемнан дека тазалыкым тўрлаш пенсионер ден
инвалид-влак толын кертят, кокла класслан келшыше обслу-
живаний. Тыгак самырык тукумлан келшыше икмыняр эконо-
туризм, спорт туризм маршрут-влак шындаралтыт.

Социальный туризмым эше ик шўрынжў уло – тиде
этнотуризм.

Илыш ончыко кайыме дене тўрлў элыште илыше ка-
лык-влакын илышышт, культурышт икгайрак сыным налеш.
Тыгай тенденцийым сенаш шонышо вес шонымаш шочеш:
шке калыкын культурыжым, йылмыжым, йўлажым арален
кодаш.

Мемнан республикын ойыртемалтше тўсшў – тиде ик
кундемыште тўрлў калык ила: славян, тюрк да ик эн кугезе
финн-угор культуран калык-влак. Финн-угор йылме ешыш
пурышо эрвел марий-влак тачысе кече марте кугезе чимарий
вераштым, калык вургемым ямдылыме йўлаштым арален
коденыт да тачат марий вургемым чият, марий пайрем-
влакым эртарат, Юмын йўлам шуктат да шочмо йылмышт
дене мутланат.

Садлан этнотуризм аспектыште социальный туризмym вияндымаш, илышыш шындарымаш йот элласе финн-угор калык-влаклан онай лийшаш.

Елена Елькина

Удмурт кун университет

Ижкар

lenaudm.elkina@yandex.ru

Инву гур.

Вулэн интыез лымшор удмуртъёслэн сям-йылольесазы

Вашкала удмурт мадёсья, Инмар но Шайтан кылдытйллям Музьемез, ву пыдсысь суй поттыса. Улон быриз ке, шуо, дуннеез нош ик басьтоз ву. Ву – со улон. Солэн кузёяськемез сярысь верало пöртэм калыкъяслэн мадёсьёссы. Мон чаклано кариськи, кыче инты басьтэ ву Удмурт элькунлэн тужгес но лымшор палаз, Алнаш ёросын улйсь удмуртъёслэн улоназы.

Удмуртия – ошмесо шаер. Ву туж бадзым инты басьтйз язычник-удмуртлэн котькуд улон вакытаз, вордйськем нуналысеныз культотяз: 1) вордйськем нуныез миськон, вуэн пазгыса син усемлэсь утён; 2) быдэ вуон: сюан дырря выль кенэз вуэ куян; шур дурын сялтыман; 3) кулэм муртэ гылтон. Удмуртъёс оскизы луло (ошмес ву) но лултэм (кулэм муртэ гылтэм) вуослы. Вулэн вань аслаз Инмарез но: Вукузё, Вумурт. Удмуртъёс оскизы шурлы, вулы, соин котькуд явениез валэктыны тыршизы. Соос оскиллям, зорез öтыны луоно шуыса: вань зорез öтён сям-йылол.

Удмуртъёс христианское пыремзы бере тросэз та языческой улонысь осконъяс пересъяслэн тодэваёнъясазы кылё. Озы ке но, туннэ чакласько на зорез öтён, Вукузёлы вöсяськон, кулэм муртэ гылтон сямъяс. Выль осконын но – христианствоын – вань вуэн герзаськем трос сямъяс. Нырысь ик, со тужгес но бадзым сэбедъяс: 1) Йöвылэсултон

(Крещение) – вуын пыласькон но 2) Быдзымнунал (Пасха) – ошмес ву нуллон.

Сояз но, таяз но осконэ удмуртьёслэн пычамын шурлэсь кудпала быземзэ чаклан: восьнерге (Быдзымнунал дыръя), Акашка уллян, кисьтон но Вожо дыр ортчтыкузы, одно чаклаллязы, гуртэти уллапала яке выллапала орточоно.

Статистика: Йöвылэсултон дыръя ву нуллон сям сярысь 3 % Алнаш ёросын ульсь удмуртьёс тодо, 13 % тодо ке но, уг ветло, нош 84 % котькуд ар одно ву ваё. Озыен, тросэз азьло сямен оско вулэн кужымезлы.

Наталья Ермаков

Таллинэнь университетэсь

Таллин

Неень шкань эрзянь лайшемат ды урнемат

Авардема, лайшема, урнема – те фольклоронь пек мазый тюс, нусманячинь ды седейризксэнь алкуксонь поэзия.

Лайшематнень ды урнематнень койтне эсь юрост ушодызь васолонь пингетнестэ ды совавтызь эйзэст ламо пингень перть таштавозь эрямонь ёнкстнэнь, эрямосонтъ покш полавтовкстнэнь.

Коень-кирдань лайшематне ды урнематне ёвтавить импровизациянь приёмсо, конатне сьолмавить калмамо, куломо, свадьбань эли армияв ильтемань обрядтнэнь марто. Кезэрень пингестэ сынь сайсть пек покш тарка эрзянь ломантнень эрямосо, мезе а ёвтат неень шкадо.

Эряви тешкстамс, лайшить ды урнить неень шкане ансяк сыре ломантне (ават, пек чуросто цераломанть). Генерациянь кевкстемась тесэ пек покш. Од ломантне а маштыть эли седеяк видестэ меремс, а содыть те традициядонть, бути содыть, сесте пек аламо.

Лайшемстэ эрва аванть ули эсензэ тематиказо, лайшевиця ломанезэ ды эсензэ ламодояк ламо вариантонзо. Сынст васень темась- ёвтамс малавикс ломанентъ кувалма эсь

седеймарямонть ды майсеманть, чамдомс ризныця ойменть. Эряви тешкстамс теньгак, што лайшематне поминамсто эли калмамсто, а аштить васенце таркасо. Васенце таркасо аштить православной моротне, конатавтнеме а ютавтови вейке-як церемония.

Покштятнень-бабатнень пельде марсилинек сеть умонь койтнеде конат тонавтсть вейке-вейкень вечкеме, вейсэнъ эрямосо ильведьксэнь а нолдтнеме. Те мазыйчинть ды тонавтоманть неятано урнематнестэ. Содатано, кода сюпавсто ютнестъ кезэрень свадьбатне, эдь неенсетнес совасть рузонь ды лия раськенъ ламо ёнкст, конатне куловтыть эсенек паро-мазый койтнень.

Монь койсэ, урнематнень неень шкане марясынек ансяк театрасто эли ловносынек книгасто. Неень шкане ломантнеде, конат маштыть урнеме аламо ды сынъ сыреть. 10-30 иень ютазь неть ломантне, конатне од порасто урнестъ эли марсестъ эйкакш пингестэ кода урнекшныльть а лиядыть.

Армиянь эли некрутонъ лайшематне невтить, што неень глобализированной шкасто, ломантне велявтыть коест ды юрост туртов. Тень невти шкась, зярдо ульнестъ войнатне Чечнясо ды Авганистансо, косо чавовсть ламо од цёрат, секскак службамо аватне эсь эйдест ильтсть лайшезь.

Лайшематне ды урнематне ванстыть эрзянь культуранть питнейчинть, мазылгавтыть ды валдомгавтыть эрямонть, сюпалгавтыть, гайгевтыть эрзянь фольклоронть ды келенть.

Carolina Jochheim

Göttingenin Georg-August-yliopisto

Göttingen

carolinaj@freenet.de

Vähemmistöjen tilanne Venäjällä ja Unkarissa

Ei kaikkien, mutta tiettyjen vähemmistöjen tilannetta molemmissa maissa voi sanoa kriittiseksi. Sekä Unkarin että Venäjän federaa-

tion perustuslaissa on kohta, joka suojelee syrjinnältä kansallisuuden tai kielen takia. Mutta kummassakin maassa toimitaan vastoin sitä lakia. Vähemmistöt kärsivät vainosta, väkivallasta ja valtion suvaitsemattomuudesta. Romanit ovat – niin kuin monissa muissakin maissa – usein uhrina.

Venäjällä ennen kaikkea Putinin valtakaudella on vähemmistöjen tilanne huonontunut. Hänen poliittinen ohjelmansa, joka asettaa kaikki Venäjän kansat samaan asemaan, oli hyvä mutta ongelmallinen ajatus. Hänen alkuperäinen ajatuksensa oli hallintoyksikköjen väheneminen ja siitä seuraava Moskovan vallan vahvistaminen. Tästä olisi seurannut, että etnisten ryhmien olisi keinotekoisien yhdistämisen vuoksi ollut vaikeaa toteuttaa kulttuuriansa. Hitaasti mutta varmasti kielet olisivat unohtuneet ja kansanperinne olisi joutunut hukkaan, joten kulttuurit ja kansat olisivat pikku hiljaa hävinneet. Onneksi tätä ohjelmaa ei ole vielä toteutettu.

Unkarissa valitsee toinen tilanne. Siellä voimassa olevaa vähemmistölakia noudatetaan suurimmaksi osaksi – paitsi romanien suhteen.

Unkari loi ulkoiset edellykset parantaa romanien asemaa Euroopan neuvoston puheenjohtajana vuoden 2011 ensimmäisellä puoliskolla. Tavoitteena oli ennen kaikkea valmistella EU:lle strategia, jolla edistetään romanien integroitumista yhteiskuntaan. Mutta tosiasiaassa Unkarissa romaneilla on suuria ongelmia. Nähtäväksi jää, noudattaako Unkarin hallitus omia ohjeitaan. Ainakin tällä hetkellä romanien ihmisoikeuksien ongelmallinen tilanne jää huomiotta.

Santeri Junttila

Helsingin yliopisto

Helsinki

santeri.junttila@helsinki.fi

Ifusco-perinteitten tallentamisen mahdollisuuksia

Kansainvälinen fennougriistiikan opiskelijakonferenssi Ifusco (International Finno-Ugrist Students' Conference) on jo sukupolven ikäinen: tämänvuotinen Ifusco Tartossa on kahdeskymmeneskahdeksas.

Ifuscon tekee erityiseksi sen luonne opiskelijoitten itse liikkeelle panemana ja liikkeellä pitämänä sosiaalisena jatkumona, joka ilman mitään virallista instituutiota yhdistää keskenään hyvin erilaisia akateemisia ympäristöjä hyvin erilaisissa maissa. Ensimmäinen Ifusco järjestettiin Göttingenissä vuonna 1984 ja tapaaminen on siitä lähtien pidetty yhtä taukoa (vuonna 2001) lukuun ottamatta joka vuosi. Tämä on hämmästyttävää ottaen huomioon maailman suuret muutokset kuluneena aikana: vuonna 1984 ei "suomalais-ugrialaista maailmaa" nykymittapuulla ollut edes olemassa.

Ifuscon kantavaksi ajatukseksi on vuosien varrella muodostunut idealistinen, suorastaan utopistinen periaate, että tiedettä on saatava ja voitava tehdä ja esitellä kaikilla suomalais-ugrialaisilla kielillä. Vastaavasti itse fennougriistiikka konferenssin nimessä on alusta lähtien ymmärretty väljästi: "Kansainvälisen taustan takia fennougriistiikalla tarkoitetaan IFUSCON yhteydessä mitä tahansa suomalais-ugrialaista kieltä tai suomalais-ugrialaisen kulttuurin tuntemusta opiskelevaa tai pelkkää harrastajaakin", kuten Riho Grünthal muotoili jo vuonna 1988.

Ifusco on enemmän kuin yksi perinne, se on kimppu erilaisia keskenään haarovia ja risteäviä virallisia ja epävirallisia mikroperinteitä: esittäytymisriittejä, esitelmälehtisiä, lauluja, retkiä, julisteita, diskoja, tuliaisia ja maskotteja. Ifuscon perinteet alkavat jo yhdistää fennougriesteja sukupolvesta toiseen, joten on aika ryhtyä keräämään ja tallentamaan niitä.

Esittelen perinteenkeruun välineeksi suunnittelemani Ifuscowiki-hankkeen, jonka kautta jokainen Ifuscon-kävijä voi osallistua yhteisen Ifusco-tiedon tallentamiseen.

Viite:

Grünthal, Riho 1988: Kansainvälinen fennougristiopiskelijoiden tapaaminen – *Virittäjä*, 529–32.

Kristina Yuzieva

Tartu Ülikool

Tartu

yuzieva@ut.ee

Rahvapäraste linnunimede teke mari keeles

Töös antakse ülevaade sellest, kuidas linnunimed on mari keeles tekkinud. Linnunimede uurimine võimaldab välja tuua nii keelelisi kui ka kultuurilisi omapärasid.

Nimetamine võib teostuda paljude märkide põhjal, aga peamistena, mis enim on mõjutanud linnunimetuste süsteemi, on linnu häämitsus, välimus, eluviisid.

Linnu häämitsus. Linnu laul ehk häälitsemine on tema tähtsamatest eraldamistunnustest. Selle järgi saadakse linnu olemasolust teada isegi siis, kui teda ei nähta. *Выле-выле* 'põõsalind', *куку* 'kukulind' on onomatopoeetilised sõnad. Linnu häämitsust võrreldakse looma häämitsusega: *вүдүшкыж* (vesi + härg) 'hüüp'. *Апшаткайык* (sepp + lind) 'väike-lehelind' linnu hääl on sarnane vasara kõlksatustega.

Linnu välimus. Nimetuses märgitakse sulestiku värvust: *оштумна* (valge + kakk) 'lumekakk', *ужаргорак* (roheline + vares) 'siniraag'. Nimetus fikseerib iseloomulikke kehaosa: *йошкарвуй* (punane + pea) 'tulisilm'. Nimetuses märgitakse ära linnu suurus: *изитумна* (väike + kakk) 'värbkakk', *кугу лого* (suur + rästas) 'hoburästas'. Lindu võrreldakse teise linnuga: *саршуйшык* (kollane + ööbik) 'peoleo'.

Linnu eluviisid. Iseloomulik käitumine ja toidus. Toidus: *эгыжгайык* (vaarikas + lind) 'punarind', *кармыгайык* (kärbes +

lind) ‘kärbsepüüdja’. Tegutsemiskoht, elupaik: *сергайык* (kallas + lind) ‘kaldapääsuke’. Tegutsemise aeg või saabumise ja lahkumise aeg: *йүдвараи* (öö + kull) ‘öösorr’, *үдымгайык* (külv + lind) ‘lepalind’.

Lindudega seotud uskumised, ilmaennustused: *йүштыгайык* (külm + lind) ‘metsvint’, *агагайык* (põld + lind) ‘väänkael’.

Markus Juutinen

Helsingin yliopisto

Helsinki

markus.juutinen@helsinki.fi

Suomen saamelaisjärjestöt

Suomessa asuu noin 8000 saamelaista, joista yli puolet asuu kotiseutunsa Pohjois-Suomessa sijaitsevan kotiseutualue Sápmin ulkopuolella. Esimerkiksi Helsingissä heitä on noin 1000. Vaikka saamelaisia on Suomessa vähän, ja he asuvat ympäri maata, ovat he silti hyvin organisoituneita ja pystyvät vaikuttamaan omaan tilanteeseensa ja asioihinsa järjestöjensä kautta.

Saamelaiskäräjät on vuonna 1996 perustettu saamelaisten itsehallintoelin. Sen tärkeimpänä tehtävänä on suunnitella ja toteuttaa Suomen perustuslakiin kirjattua saamelaisten kulttuuri-itsehallintoa. Se voi ottaa kantaa saamelaisia koskeviin asioihin, kuten koulutuspolitiikkaan ja kielilakeihin. Saamelaiskäräjille kuuluu myös saamenkielisten oppimateriaalien julkaisutoiminta ja saamelaisten kulttuuritoiminnan tukeminen. Myös Ruotsin ja Norjan saamelaisilla on omat saamelaiskäräjänsä.

Helsingin suuri kaupunkisaamelaisten yhteisö on järjestäytynyt City-Samit ry alle, joka perustettiin vuonna 1988. Sen tavoitteena kehittää ja tukea saamelaista identiteettiä ja kulttuuria kaupunkiympäristössä. City-Samit järjestävät Helsingin seudulla erilaisia tapahtumia ja toimintaa, joka auttaa säilyttämään omaa kulttuuria ja luo mahdollisuuksia oman kielen puhumiselle.

Myös koltan- ja inarinsaamen vain parinsadan puhujan kieliyhteisöt ovat järjestäytyneet ja perustaneet oman järjestönsä ajamaan oman kielen ja kulttuurin asiaa. Inarinsaamelaisten Anâraškielâ servi ry ja koltansaamelaisten Saa'mi Nue'tt ry ovat olleet perustamassa omankielisiä kielipesiä, jotka ovat tehokkaita keinoja erittäin uhanalaisen kielen siirtämisessä lapsille. Molemmat järjestöt julkaisevat myös omakielisiä lehtiään.

Leo Jäppinen

University of Helsinki

Helsinki

leo.jappinen@helsinki.fi

The semantic development of Finnish *pää* and *oiva* and their cognates in Finno-Ugric languages

I present my master's thesis, wherein I study the grammatical and abstract semantic extensions of Finnish *pää* and *oiva* and their cognates in several Finno-Ugric languages. Both words can be reconstructed to Proto-Uralic in forms **päne* and **ojwa*. In Proto-Uralic both words have evidently had the meaning 'head'. However, in many languages the cognates of *pää* mean 'end', so that meaning is usually reconstructed to Proto-Uralic as well. As body part names often do, both words have been sources for different kinds of grammaticalization in various Finno-Ugric languages. Different forms and derivations of the words have been lexicalized to carry many kinds of abstract meanings. In my thesis I attempt to describe the similarities as well as the differences between the development of these words.

Along with the methods of traditional historical linguistics I use grammaticalization theory and cognitive metaphor theory. Central concepts are reanalysis, analogy, metonymy and metaphor. As an example of the grammaticalized meanings can be mentioned the *pää*-postpositions in Balto-Finnic languages or the spatial and temporal use of Mari *wuj* 'head', cognate of Finnish *oiva*. Throughout the language family the words have developed

several different spatial meanings, such as 'top', 'end', 'surface', 'direction against something'. The spatial meanings are thus motivated by the position of the head in the human body, but both as the top and as the end point. The abstract meanings are often linked to cognitive processes, such as thinking, remembering and intoxication. A different, common abstract meaning is 'main, central', obviously in connection with the head's importance as a body part.

Simo Kantele

Helsingin yliopisto

Helsinki

simo.kantele@helsinki.fi

Suomen tataarit – vähemmistönä assimiloitumatta

Tataarit ovat yksi Suomen kansallisista vähemmistöistä, saamelaisten, ruotsinkielisten, venäjänkielisten, romanien ja juutalaisten lisäksi. Ensimmäiset vakituisesti Suomessa asuneet tataarit saapuivat maahan Venäjän armeijan mukana 1800-luvulla, kun Suomi oli liitetty autonomisena suuriruhtinaskuntana Venäjän imperiumiin. Heitä palveli useissa varuskunnissa ympäri maata; lähes kaikki kuitenkin palasivat kotiseudulleen 25 vuoden palveluksen jälkeen.

Ensimmäiset tataarikauppiat tulivat Suomeen viimeistään 1870-luvulla. Aluksi tultiin vain talvisaikaan kun maatöitä ei ollut, mutta myöhemmin asetettiin vakituisesti perheiden kanssa uuteen maahan asumaan ja siirryttiin laukkukaupasta torikauppaan, sittemmin hallikauppaan ja omien kauppaliikkeiden pitämiseen. Tiiviit yhteydet säilyivät ja väestön liikeet edestakaisin Suomen ja kotikylien välillä jatkuivat aina vallankumoukseen asti, kunnes valtioiden raja meni kiinni. 1960-luvulla alkoi kulttuuriyhteistyö Suomen ja Neuvostoliiton tataarien välillä, ja 1990-luvulta lähtien suhteet ovat olleet tiiviit. Koko itsenäisyyden ajan Suomen tataarien määrä on pysytellyt vajaassa 1000 hengessä.

Suomen tataarit ovat mišääritataareja. Mišäärit ovat Venäjän läntisin turkkilaiskansa, Kazanin tataarien länsipuolella asuva omaa murrettaan puhuva tataariheimo. Suomeen tulleet tataarit ovat lähes kaikki Nižni-Novgorodin läänin Sergatšin kihlakunnan kylistä, joten he ovat alusta alkaen muodostaneet tiiviin etnisen yhteisön.

Islam ja sunnilaisuus ovat olleet etenkin ensimmäisen, Suomeen muuttaneen sukupolven identiteetin kannalta ensisijaista. Seuraava sukupolvi samastui enemmän turkkilaisuuteen ja kolmas tataarilaisuuteen. Tataariyhteisöä ovat erottaneet valtaväestöstä sekä uskonto, kieli että alkuperä. Säilymisstrategiana on ollut integroituminen suomalaiseen yhteiskuntaan. Kielen säilyminen ja siirtyminen seuraavalle sukupolvelle on ongelma. Hyvä taloudellinen tilanne ja järjestäytyminen ovat auttaneet säilyttämään kansallisia piirteitä, kieltä, uskontoa ja identiteettiä. Tataarien Suomen Islam-seurakunta perustettiin jo vuonna 1925, ensimmäisenä länsimaissa.

Кади Карине

Эстонская академия художеств /

Эстонский музей под открытым небом

Таллин

kadi@evm.ee

Если первая щепка ляжет плашмя...

О старинной деревянной архитектуре Карелии

Летняя 34-я финно-угорская экспедиция 2011 г. Эстонской академии художеств проходила в южной и центральной частях Республики Карелия, в регионе, расположенном между Онежским и Ладожским озерами. Настоящий доклад предлагает заглянуть в прошлое и настоящее старинной хуторской архитектуры, характерной для этой местности.

Уже при мимолетном знакомстве с хуторской архитектурой Карелии видны ее самобытность и архаичность.

Здесь архитектурно-строительное наследие хотя и схоже с архитектурным наследием народов северной части России, однако между ними все же существуют явные различия. Наряду с храмами, для любителей старинной архитектуры жемчужиной являются также дома карельского типа, строительство которых было широко распространено еще в первые десятилетия XX в.

Характер безошибочно узнаваемого в деревенском ландшафте карельского дома метко подмечен в фильме «*Veelinnurahvas*» (Народ водоплавающей птицы): «*Карельский хуторской дом – это вызов северной природе, более того – он часть этой природы. Все зимние работы выполняются под одной крышей, объединяющей жилую часть, горницу, амбар, конюшню, хлев, тележный сарай...*».

Карельский хуторской дом можно было бы охарактеризовать, прежде всего, словом рациональный, но в то же время и амбициозный. Комнаты в нем высокие, просторные и светлые. Эстетическое чувство карелов находит скромное или несколько более пышное выражение в элементах декора, расположенных на фасадах, и в убранстве комнат, например, в пестрых тряпичных половиках, покрывающих почти весь пол.

Изменения в обществе, наступившие после установления советской власти, повлияли на этот регион больше, чем на северные регионы Карелии. Новые образ жизни и способы производства привели к материальному преобразованию среды. Большинство карелов, которые исторически являлись сельскими жителями, переехали в город. Функции строений изменились, содержать и обслуживать их стало труднее. Несмотря на это, до настоящего времени сохранились непревзойденные образцы старинной вернакулярной архитектуры. Особенно много традиционных зданий можно найти в отдаленных деревнях, где и сегодня люди живут в построенных их предками впечатляющих домах.

Светлана Карм

Тарту университет

Тарту

svetlana.karm@gmail.com

«СОФИН» уж но эстон «шпионьёс»

Россиысь финн-угор калыкъёсын герзаськем «СОФИН» уж (Дело «СОФИН» – Союз освобождения финских народов) СССР-лэн кивалтйсьёсыныз одйгез ичи лыдъем калыкъёсты зйбон вылысь пöрам политической ужрадэз луэ. 1932-тй арын Удмуртиын кутскем процессъя арестовать каремын вал егит тодосчиос, чеберлыко литература удысын но йöскалык юаньёсын вырисьёс. Нижний Новгородысь ОГПУ-ын дасям бумагаосъя, соосты шпион контрреволюционной огазеяськон дасямен, Россиысь люкиськыса, нимаз Уйпал финн-угор федерация кылдытыны малпамен, фашизмо Финн шаерен Чош ужамен но мукет со выллем уродлык лэсьтонэн янгыше уськытэмын вал («СОФИН» сярись трос гинэ гождямын ни, соин солэсь пуштроссэ татын нимаз уг усьтйськы). Озы, 1920-тй арёсы йöскалык кунлыкёсты кылдытонын но калык культура тодосын азинскыны кутскем ужрад 1930-тй арёсы репрессииос улэ шедиз.

«СОФИН» тодмо луэ «Гердлэн ужез» нимын но. Удмурт тодосчи но поэт Кузёбай Герд яке Чайников Кузьма Петрович (1898–1937) янгыше уськытэмын вал, 1922 арын финн но эстон ожгарчиослэн косэмзья «Финн калыкъёсты мöзмытонъя огазеяськон» кылдытэмез но солэн төроез луэмез шуыса. Та Совето Союзлэн огъялыкезлы кышкытлыко луйсь огазеяськонлэн ёзчиосыныз нимамын вал тросэз финн-угор тодос ужен но чыжы-выжыё калыкъёслэн культураенызы вырисьёс, соос пöлын ик эстоньёс Юлиус Марк (1890–1959), Александр Пырк (1873–1933), Эстон калык музейлэн 1922–1928-тй арёсы кивалтйсьез финн Ильмари Маннинен (1894–1935) но мукет тодмо адымиос. Кылкутонам чакласько, кычё кусыпёсыз вал Кузёбай Гердлэн Эстониысь калык культура но тодос удысысь адымиосын но кызы но малы Сталин ва-

кытысь политика ёзэсьёс соослэсь «шпионъёс» пörмытйзы – та сярись нимаз гождьямын öвöл на, озыи ик туж öжыт тодмо ХХ-тй даурлэн кутсконысьтыз эстон но удмурт тодослык кысупъёс сярись но.

Алёна Казакова

Удмурт кун университет

Ижкар

onegin19881@rambler.ru

Финн мадиськонъёсын образъёслэн радъяськемзы (удмурт но пор мадиськонъёсын ёошатыса)

Мадиськон, фольклорной жанр луэменыз, арбери дуннелэсь образъёссэ радъяны юрттэ, озыи ик пöртэм луись, ёемгес вачепумит сылйсь объективной дуннелэсь явлениоссэ герзаны дышетэ, соослэсь огкадь луэмзэс яке пöртэмлыкъёссэс ёошатыса, со сяна дуннеез шöдон вылын метафорической образъёс кылдытэ.

Дунне шöдонэз лыдэ басьтыса, пörмемзыя образъёсты люкыны луэ: кылйськемзыя / куара поттэмзыя; адзйськемзыя; шöдскымонзыя. Котькудйз соос пöлысь, финн мадиськонъёсын сяна, озыи ик удмурт но пор мадиськонъёсын паськыт кутйське.

Мадиськонъёсын образъёслэн пörмемзы луэ объективной (зэмос) но метафорической. Объективной (зэмос): фин. *Hurisee, murisee, missaa, massaa, eikä koskaan kulu. Suu.* – *Хурисее, мурисее, миссаа, массаа, ноку но уг кылы. Ым* (СКАК 1991: 6); удм. *Жик-жик ныросалоз но кемтоз. Качы* (УФ 1982: 63); мар. *Шылдым-шылт, шылдым-шылт, тые-вий, тые-вий. Кенэмез туйё* (МНЗ 1967: 87).

Мадиськонъёсын образъёсты кылдытон бордын бадзым инты басьтэ солэн художественной кабез. Отчы пöртэм амальёс пыро. Ваньмыз соос мадиськонлы аспöртэм поэтичность сёто, пöртэм образъёс но суредъёс кылдыто. Валтйсь приёмез метафора луэ. Метафорической мадись-

конъёсын образъёслэн пөрмемзы пөртэм пумо луэ: а) воштйсь образ кутйське; б) куд-ог учырйёсы воштйсь образ интые нимвоштос кутйське; в) пумисько учырйёс, ку огьясь кылъёс кутйсько; г) адыми нимъёс кутйсько.

Семантиказэс чакласа, финн-угор мадиськонъёсын тужгес но трос зоологической метафораос кутйсько.

Озыен, мадиськонъёслэн бай пуштроссы одно ик яркыт, поэтической кабен возматэмын луэ. Мадиськонъёс висьясько выль художественной луэменызы, кудйз кылдэ метафора вылэ пыкиськыса но образной радьяськемзэс лыдэ басьтыса.

Литература:

СКА – *Suomen kansan arvoituksia*. Toimit. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran. Kirjaksi koonnut Elias Lönnrot. Espoo, 1982, 246.

СКАК – Наавио, М., J. Hautala (toimit.) 1991. *Suomen kansan arvoituskirja*. Juva, 466.

МНЗ – Китиков А. Е. 1967. *Марийские народные загадки*. Йошкар-Ола, 182.

УФ – Перевозчикова Т. Г. 1982. *Удмуртский фольклор. Загадки*. Ижевск: Удмуртия, 256.

Alexandra Kellner

University of Helsinki

Helsinki

alexandra.kellner@helsinki.fi

The Use of Existential Constructions by English-Speaking Learners of Finnish

The present study focuses on the use of Finnish existential and possessive constructions (ExC and PxC) in texts written by native English-speaking adult learners of Finnish as a foreign language. The data consists of 88 texts written over a two-year period by 60 students of Finnish at five universities in the United States and

Canada. The texts range from short paragraphs written by first-year students to essays by students in advanced courses. The informants have studied Finnish in a formal setting outside of a Finnish-speaking environment.

The framework used in the analysis is based on construction grammar (CxG). The ExC and PxC in the data (332 in total) have been identified and grouped based on grammatical features such as agreement, plurality, negativeness and the use of certain adverbials. I have then attempted to formalise the groupings into attribute-value matrices according to CxG practice.

I have chosen to focus on ExC because they demonstrate exceptional features in both English and Finnish and are at the same time an area in which the languages differ greatly from one another. PxC have been included in the analysis because they are a subcategory of ExC in Finnish, whereas this function is coded through a transitive construction in English. The function of presenting objects and people in one's environment is also extremely salient for adult language learners in their attempts to describe the familiar world around them using material available in the new language.

The study thus far demonstrates interesting findings about the conceptualisation of Finnish ExC among English-speaking learners. In particular the differing role of subject and agreement in these two languages is apparent. The study also functions as an experiment testing the suitability of CxG for the analysis of adult foreign language learning.

Вячеслав Килеев

Марийский государственный технический университет

Йошкар-Ола

vasli.slavik@gmail.com

**Лингвистические технологии «МарлаМутер»:
проверка орфографии и грамматики,
электронные и онлайн-словари**

Под лингвистическими технологиями понимается набор инструментов и методов для работы с языком, которые позволяют повысить производительность труда специалистов-лингвистов. В набор лингвистических технологий «МарлаМутер» входят: онлайн-проверка орфографии и грамматики текстов, электронные и онлайн-словари. На данный момент технологии доступны для марийского языка, которыми может воспользоваться любой желающий на веб-сайте по адресу <http://marlamuter.org>. Особенно интересны они будут лингвистам и филологам. Каждая из предлагаемых технологий имеет ряд преимуществ перед существующими системами.

Система проверки орфографии и грамматики кроме вывода предлагаемых вариантов исправления ошибки выдает пользователю подсказки, по которым он может сделать правильный выбор. Система имеет три состояния индикации:

1. «написано правильно»;
2. «написано неправильно»;
3. индикация о том, что система не может однозначно ответить о правильности написания, если не имеет такого слова в базе.

Частицы рассматриваются вместе с основным словом. Уникальная система представления лингвистических правил позволяет легко создавать правила для проверки орфографии и грамматики.

Для хранения электронных словарей используется специально разработанный формат – унифицированная разметка, благодаря которой словарь можно конвертировать во многие форматы (на данный момент это *StarDict*, *ABBY*

Lingvo и *XDXF*). Алгоритм поиска «МарлаМутер» позволяет осуществлять качественный обратный поиск по словарям. Средняя позиция нужной статьи при обратном поиске составляет 2.

Лингвистические технологии «МарлаМутер» не привязаны к какому-то конкретному языку и могут быть использованы для других языков мира, в том числе финно-угорской группы.

Екатерина Кирдяшкина, Валентина Гришунина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Саранск

kika103@mail.ru

Аналоги венгерских приставочных глаголов с приставкой *oda-* в мокшанском языке

Венгерский и мокшанский языки относятся к родственным финно-угорским языкам. В грамматической системе данных языков прослеживается много общего, однако, есть и значительное отличие, к примеру, в венгерском языке имеются приставочные глаголы, а в мокшанском языке они отсутствуют.

Доклад посвящен рассмотрению способов передачи венгерских приставочных глаголов с приставкой *oda-* в мокшанском языке на материале венгерско-эрзянского, эрзянско-русского, мокшанско-русского словарей.

По К. Е. Майтинской (1959: 192), все приставки венгерского языка подразделяются на три группы. Приставка *oda-* относится к третьей группе. Она происходит от местоименного наречия *oda*, восходящего к указательному местоимению *az* + древнее окончание латива *á/é*. По А. Е. Саркисян (1975: 75), префикс *oda-* – это застывшее суффиксальное образование, восходящее к указательному местоимению *az* (более древняя форма *oz*). Префикс *oda-* означает направленность к месту, отдаленному от говорящего, а также содержит указание на место, где происходит действие.

Нашей задачей является рассмотрение тех приставочных глаголов с префиксом *oda-*, в которых префикс имеет пространственное значение – направление движения к месту, отдаленному от говорящего. В венгерско-эрзянском словаре *Magyar-erza-mordvin szótár* (2008) имеется сорок глаголов, имеющих вышеуказанное значение. В словаре дается перевод по модели глагол + неопределенное местоименное наречие *kovgak* (эрз.), *koza-bdi* (мокш.), например венг. *odaad* – мокш. *maksoms koza-bdi* в случае неопределенного места. В случае, если речь идет об определенном месте, но обязательно отдаленном от говорящего, венгерский глагол с приставкой *oda-* выражается следующим образом: глагол + местоименное наречие *tov, toza*, например венг. *odaad* – мокш. *maksoms tov (toza)*.

Aleksandra Kirsanova

The Saint Petersburg State University

Saint Petersburg

sanny341@yandex.ru

Cultural markers in formation of ethnic personal identity of children

The ethnic personal identity derives from awareness of distinction of one's "own" cultural group from "another" one. The designation of adherence to a group is carried out by means of cultural markers, drawing a line between the groups.

One of the most spectacular events, destined to highlight this phenomenon, was the children's festival "Youth honours the memory of its ancestors" (August 2009, Kozmodemyansk) held in the outdoor museum premises and took a form of competition. 13 teams of The Mari El Republic summer camps took part in it. The majority was represented by the Meadow Mari, followed by Mountain Mari and Russian team.

Each team was tasked to demonstrate the performance, disclosing the meaning of one of the traditional Mari El village facilities.

The boundaries of the ethnic groups were mostly marked by the components of material culture. What was essential is that all the teams demonstrated both common features (elements of traditional cuisine, music and dance) and distinctive ones (uniqueness of language and traditional costume). The restoration of the old traditions was mostly achieved by usage of both antiquities (elements of an old textile fabrics, costumes and housewares etc.) and a combination of traditional criterion (specific combination of colours in modern cloth, bare-footed performing, traditional haircuts etc). Half of the shows staged at the festival were based on of Mari El folktales.

Having created favourable conditions for the ethnic community display the festival underlined the priority of linguistic and cultural characteristics for teenage ethnic personal identity.

Being arranged in a form of game, it promoted the development of self-consciousness, intercultural integration and tolerant attitude to the representatives of another cultural group.

Елена Князькина

Мордовиянь государствань М. Е. Евсевьевень лемсэ
педагогикань институт
Саранск
knyazkinaelena@yandex.ru

Мокшэрзянь паремикань искусствань жанрань ды тематикань сюпавчизэ

Эрзятне, мокшотне – финно-угрань семиясонть сехте покш раськетнеде вейкесь. Сынст кувака эрямонь пингест перть таштавсь сюпавдоjak сюпав фольклор, конань вельде парсте неявить валдо эрямодонть мелест-превест, арсемаст-бажамост.

Паремикань произведениятне – валмеревкстнэ ды со-
дамоевкстнэ – мокшотнень, эрзятнень оймеялтонь культурань
сехте сеedyстэ вастневиця жанратнестэ вейкесь. Те пельксэнь
произведениятне фольклоронь лия жанратнень марто вейсэ
аштить се таркасонть, косо раськесь невтизе эсензэ келень,
арсемань, исторической эрямонь лувонзо.

Паремической произведениятне, кода келень явлени-
ят, аштить башка саезь текстэкс, конат невтить лия мезеяк
ёнов а молиця смуть. Кельсэ-кортавкссо эриця нуьрка жан-
ратне шождасто топавтыть эсест прагматической (культур-
ной, социальной ды лия) функцияст.

Паремикась свал полавтневи, одкстоми. Сон а ашти
вейке таркасо. Полавтови сонзэ тематиказо обществанть мар-
то вейсэ, сьупалгады ды лиякстоми социальной строенть по-
лаавтомо, культурань, наукань ды лия енкстнэнь икелев мо-
лемаст марто. Тень марто зярыя валмеревкст, конат ташто-
мить, емить; тень лангс апак вано, появить одт евтавкст.

Паремикань составонть сьупалгавомась невти рась-
кенть материальной ды оймень эрямонь одкстомтоманть.

Весе, мезе ульнесь зярдобути минек народонть исто-
риясо: сонзэ коензэ-кирданзо, пертьпельксэнтэ лангс ванов-
тонзо народось кирдсь эсь прясо, эсь мельсэ. Истя, вейке-
вейкенень евтнезь, неть евтавкстнэ пачкодсть минек шкась.
Паремикасонть минь мутано ломанень сехте паро енкст: ви-
евчи, кемечи, видечи, парочи. Паремикась келейстэ невти
тиринь раськень эрямонть, сонзэ весе ёнкстнэнь.

Мокшэрзянь паремической искусствась пек сеedyстэ
вастневи неень шкань эрямосонть.

Сехте пек вечксызь сынст эйкакштнэ, тонавтнициятне,
сынть лездыть чартычист кастомантень, пертьпельксэнтэ ма-
зычинзэ неемантень, поэтической кельсэ-валсо кортамонтень.

Татьяна Кондратьева
Удмурт кун университет
Ижкар
tanya.ramb@mail.ru

Туала финн тодосчиос удмурт кыл сярысь

Удмурт кылтодон кылдэм дырысен ик сое азинтонэ мылысь-кыдысь пырыськызы но пырыско кунгожсьӧр тодосчиос. Финн тодосчиос пӧлысь та удыслэн азьмынйсьёсыз пӧлы пыртыны луоно Т. Г. Аминоффез, А. Генецез, Ю. Вихманнэз но мукетьёссэ, кудъёсыз Х. Г. Портанлэсь, А. И. Шёгрэнлэсь но М. А. Кастрэнлэсь финн-угор калыкъёсты но кыльёсты эскерон ласянь мытэм ужзэс трослы азинтйызы удмурт кыл вылын. Озы ик XIX дауре удмурт этнографиез асьсэ ужъёсынызы узырмытйызы У. Т. Сирелиус, А. Хямяляйнен, У. Хольмберг но мукетьёсыз.

Туала вакытэ но финн тодосчиос удмурт кылзэ эскеронъя но удмурт лулчеберетэз вӧлмытонъя ужзэс азыланто. Та удысын 3 туркым висьяны луоно:

а) перм кыльёс сярысь тодослыко ужъёс нуон. Кылсярысь, тодмо профессор Райя Бартенс трос ужъёс гожтйз финн-угор кыльёсты эскеронлы сйзьыса, соос пӧлын нимысьтыз висьяське перм кыльёслэн кылсӧзнэтсылэсь азинсконзэ эскеронлы сйзем монографиез. Удмурт кылэн герзаськем эскеронъёс озы ик нуэ Турку университетесь профессор Сиркка Сааринен, кудйз В. К. Кельмаков профессорен ёш «*Удмурт диалектъёс*» (1995) книга поттйз, со сяна, финн тодосчи трос ужа удмурт-финн но финн-удмурт кыллюкамъёс лэсьтон бордын. Егит тодосчи Э.-Ю. Салминен удмурт кылзэ мукет кыльёсын ёшатон бордын ужа, озы ик со, Р. Бартенс сямен ик, удмурт лулчеберетэз дунне вылэ вӧлмытон бордын тырше (кылсярысь, Э.-Ю. Салминен В. Ванюшевлясь «*Дорвыжы*» эпоссэ но куд-ог мукет удмурт произведениосты финн кылэ берыктйз но печатлаз);

б) удмурт кыля но кылтодонъя финн студентъёс понна дышетскон книгаос но пособиос поттон. Та удысысь

нимысьтыз висъяны луэ Сара Хяниккяйненлэсь В. К. Кельмаков профессорен ёш гожтэм «*Udmurtin kielioppia ja harjoituksia*» (1999) книгаез, кудйз бадным юрттэт сётоз удмурт кылэз дышетыны мылкыд карисьёслы;

в) удмурт лулчеберетэн геръаськем текстъёсты финн лыднись доры вуттон. Та ласянь пусйимы ни вал Р. Бартенсэз, кудйз радъяз «*Joutsenet Jumalan Kasvoilla*» (1994) но «*Suuren Yuslin kaiku*» (1995) нимо удмурт антологичес.

Озыен, гуала финн тодосчиос бадным уж нуо удмурт лулчеберетэз но кылэз азинтон бордын. Одыг ласянь, соос удмурт кылсöзнэтэз эскеронэ выль малпанъёс ваё, мукет ласянь – финн-угор дуннеен тунсыкъяськисьёс пöлы удмурт лулчеберет сярись иворто.

Irina Krestyaninova
Udmurt State University
Izhevsk
kylchin@gmail.com

The prosody of stage speech in Udmurt and English

The problem of stage speech is rather actual and interesting so as it is connected with oral speech in general and with emotional speech in particular. Drama appears to be one of the genres where speech is concentrated both on process and in system. And we suppose studying dramas in the frame of linguistics is an actual task.

We consider that investing of stage speech with the dialogue in its bases will help the English learners to overcome the difficulties connected with the incorrect use of intonation and to master the art of performing a dialogue.

The undertaken analysis is based on auditing method. And the material for the analysis was borrowed from Arthur Conan Doyle's "Speckled Band" and from Piotr Blinov's play "Ulem pote" ("Улэм потэ", Wish for life).

While listening to the plays we were to denote rhythmical groups, mark their borders and kinetic (nuclear tune) of the phrases we put here. Every rhythmic group was analyzed according to the following prosodic parameters:

- speech melody
- pausation
- voice pitch
- intensity (loudness)
- voice timbre

Comparative analysis of the obtained results of the auditing experiment made us possible to come to certain conclusion concerning the prosody features of emotive stage speech in Udmurt and English languages. The results revealed that both paralinguistic and prosody elements are used in Udmurt and English drama pieces to express different emotions. English speech is characterized with brighter and variable emotions than in Udmurt speech. English emotions include crying, sobbing, whispering, aspiration, laughter, hoarse and trembling voice, stuttering. Udmurt emotions are limited with laughter, crying, sobbing and whispering.

Prosodic timbre is also of a great role in expressing different emotions, especially in English language. In Udmurt language voice timbre does not play such important role.

Денис Кривошеев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Саранск

kdv1@bk.ru

Институциональное развитие банковского сектора Республики Мордовия

Развитие банковского сектора Республики Мордовия (РМ) до настоящего времени происходило в соответствии с темпами изменений производственной, социальной и бюджетной сфер экономики республики. В настоящий момент банковский

сектор РМ находится в состоянии стабилизации после финансово-экономического кризиса 2008 г.

По состоянию на 1 января 2012 г. в РМ насчитывалось 13 кредитных организаций, из них 4 региональные кредитные организации, 10 филиалов общероссийских банков. Кроме того, в республике функционировало 21 представительство филиалов общероссийских банков, расположенных в других регионах. Количество кредитных организаций, расположенных на территории РМ, составило 0,34 % от общего числа действующих в России кредитных организаций. С учетом дополнительных офисов и операционных касс на территории РМ действовало 306 пунктов продаж банковских продуктов.

По итогам 2011 г., совокупный индекс обеспеченности республики банковскими услугами составил 0,88, тогда как в целом по стране этот показатель равен 1,0, а по Приволжскому федеральному округу – 0,78. По институциональной насыщенности банковскими услугами РМ занимает вторую позицию в Приволжском федеральном округе, по индексу развития сберегательного дела – 8-ю позицию, по финансовой насыщенности банковскими услугами: по активам – вторую, а по объему кредитов – первую позицию.

Следует отметить, что рынок банковских услуг РМ отличается высоким уровнем концентрации на значимых сегментах: индекс концентрации (CR3) > 70 %, индекс Герфиндаля-Гиршмана (HH1) > 2000. При этом значительную долю на рынке занимает Мордовское отделение Сбербанка России – более 50 % вкладов населения, более 55 % от общей суммы средств на расчетных и текущих счетах, более 45 % кредитных вложений банков региона.

Институциональные характеристики банковского сектора РМ свидетельствуют о достаточно высоком уровне его развития по сравнению с остальными регионами Приволжского федерального округа и способности удовлетворения потребности населения, предприятий и организаций нефинансового сектора в банковских услугах.

Evgeniya Kulagina
Mari State University
Yoshkar-Ola
Zhene4ka.07@mail.ru

Medieval art of Finno-Ugric people living in the Volga region

Ideas about the world, which were established over the centuries, were reflected ethnically in the medieval art. Azelinskiye tribes lived in Vetluga and Vyatka river regions in early Middle Ages of the IV–VI centuries. Their burial grounds (Urzhumkinskiy, Mari-Lugovskoi, Lushmorskiy, Yasachny, Shor-Unzhinskiy) contain rich complexes which indicate a high level of processing non-ferrous metals and the development of jewelry art. X–XIII century funeral stocks found in burial grounds also indicate high level of cultural development of Mari people.

Archeological evidence confirms that most products were manufactured there. Burial complexes of IX–XIII centuries testify about the import of things in the Volga region from nomads of Hazarskiy khaganate (the wealthy belts, harnesses), from towns of Volga Bulgaria (tableware, jewelry, bronze locks). Numerous silver coins of the Eastern and Western European states, tokens, silk fabrics, braid were sold by Bulgar merchants. It should be noted that there had been a decrease of metal things in Mari costumes since XVII century, especially in women's costumes and headdresses. In comparison with X–XIII centuries, significant changes in the design of household utensils and objects were not observed.

Investigating the jewelry for girls and women, trying to understand their symbolism, one can see that in every ceremonial (wedding, funeral, cult) action; they had a special meaning and were designed to perform specific functions. One can not agree with the authors of the book "*K Istokam Mariyskogo Iskusstva*" (To the Origins of Mari Art) V. V. Nikitin and T. B. Nikitina who denoted a great significance of the old art saying *'the wealth of creative ideas of different nationalities, ancient art masterpieces, kept until the present day by many generations, are an*

inexhaustible source of inspiration for contemporary creators of beauty'.

Irina Kuldkepp

Tartu Ülikool

Tartu

irina.kuldkepp@gmail.com

Keelekeskkonna mõju udmurdi keele oskusele

Igal rahval on oma ettekujutus ideaalsest olukorrast lähtuvalt kultuurist, elutingimustest, keskkonnast ning vajadusest keelt ja kultuuri hoida.

Uurimuse eesmärk on välja selgitada, mis olukorras on udmurdi keele oskus praegu ning vaadata, kui kaugel on ideaalsest tänapäevane olukord.

Ühe rahva keel ja kultuur on lahutamatud mõisted, nende säilitamine ja areng toimuvad põlvkonniti ehk pere tingimustes. Pere on sotsiaalne üksus ning majanduslikud ja moraalsed valikud sõltuvad pere elukohast ning elukohariigi poliitilisest olukorrast.

Uurimuse valimiks on ajaloolised põlvkonnad: perekonnad, kus on ka eri rahvustest segaperekonnad udmurdi juurtega. Uuritud on 134 ajaloolist põlvkonda, igas põlvkonnas neli põlve. Suuruselt teise suurema rühma moodustavad need, kus udmurdi keele oskus on jõudnud 3. põlveni, kuid edasi 4. põlvele keelt ei anta. Selliseid on 44 perekonda, viieteistkümnes neist on mõlemad vanemad udmurdi päritolu. 57 põlvkonda on säilitanud udmurdi keele oskuse 4. põlveni, ehk tänapäeval räägitakse lastega udmurdi keeles, neist 41-s perekonnas on mõlemad vanemad udmurdi päritoluga.

Tulemus näitas, et udmurdi keele ja kultuuri säilitamine ei sõltu nii palju sellest, kui kaugele ulatuvad põlvkonna udmurdi juured. Tulemused näitavad, et keele säilitamine ei sõltu ka otseselt peretüübist. Küll aga pere rahvuslikust koosseisust ning elukohast.

Udmurdi keelest loobumise põhjusteks toodi tihti lapse huve, sest kardeti, et kaks keelt teeb lapsele liiga ning udmurdi keele oskus võib tuua vigu venekeelsesesse kõnesse. Kardeti ka udmurdi aktsenti, mis võib eristada lapse teistest kaaslastest ning kutsuda esile kiusamist, mis omakorda tekitab lapses komplekse. Arvati, et udmurdi keele oskust ei lähe lapsel kunagi vaja. Kuid valdav osa vastanutest kasutas vastustes sõna “kahjuks”, mis tähendab, et nad ei õigusta ise oma otsust.

Sellised pered on tänapäeval kõige rohkem tähelepanu vajav rühm. Perekonnad, kus vähemalt üks vanematest veel oskab udmurdi keelt ning keda on vaja vaid veenda andmaks seda oskust edasi oma lastele ja/või lastelastele.

Anna Kuznetsova

Syktyvkar State University

Syktyvkar

ann-kuznetsova@mail.ru

**Natural territory of Komi
under the protection of the United Nations:
Problems and Prospects**

The UNDP/GEF project “Strengthening Protected Areas System of the Komi Republic to Conserve Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region” has worked in the Komi Republic since 2008.

The project carries out measures to increase the representativeness of forest ecosystems in the protected areas of the Urals. The initiative focuses on the Komi Republic which is the main repository of biodiversity of these ecosystems. These virgin forests in Europe are no longer extant. In Komi there is the last large array of primary forests included in the list of the World Wildlife Fund, “200 globally important ecoregions” and so called “The Virgin Komi Forests” is in the UNESCO World Heritage list.

The project has vast international contacts (for example with the partnership “Preservation of virgin forests of Komi”,

Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety, Berlin). Project staff participates in international seminars. Besides, the project has wide scientific ties: international experts are invited for the work.

But there are some problems in the project activity. Its work is directed only at people interested in it while the public is poorly informed about the project. Another shortcoming is the lack of interaction between the project and the local authorities. Of course, there are meetings with officials. But results are insufficient; it is difficult to change protected area legislation. Moreover, there is the lack of qualified personnel in our republic, so foreign experts are invited.

However, the project has the great importance for the republic. Workshops are held for the development of public-private partnerships and business plans making for the protected areas. Thus, business plans for the Pechora-Ilych nature reserve and national park "Yugyd Va" were prepared. The festival of documentary environmental films took place to inform the public.

The UNDP/GEF project is the only international project for the protection of nature in the Komi Republic which has such scale. The situation of protected areas has improved due to financing, drawing attention to the problems of the protected areas.

Лариса Кузьмина

Марийский государственный университет

Йошкар-Ола

cu.lara-valentinovna@yandex.ru

Морфонология красноуфимского говора марийского языка

Красноуфимский говор является одним из восточномарийских диалектов, носители которого проживают в Артинском, Красноуфимском, Нижнесергинском районах Свердловской области и в Октябрьском районе Пермской области.

Тесное общение носителей говора с соседствующими тюркскими (татарами, башкирами) и русским народами преопределила возникновение неострых языковых особенностей, значительно отличающих рассматриваемый говор от диалектов лугового наречия марийского языка. Наиболее четко они проявляются в его лексической системе, фонетике и грамматической структуре.

Морфонология красноуфимского говора до настоящего времени не подвергалась системному языковому анализу и лингвистической оценке. Морфонологические видоизменения хорошо прослеживаются на морфемных швах композит и в структуре лексем под влиянием сингармонизма гласных и ассимиляции согласных.

Консонанты в словосочетаниях, на стыке ауслота и анлаута слов, подвергаются определенным трансформациям под влиянием сандхи. Кроме того, в красноуфимском говоре встречаются явления аугментации, субституции звуков в начальной и конечной позициях морфем и другие морфонологические процессы, представляющие значительный интерес как для финно-угроведения, так и уралистики в целом.

Elena Lastochkina

University of Tartu

Tartu

antrolea@mail.ru

The theme of Mari riddles

A riddle is a statement or question or phrase having a double or veiled meaning, put forth as a puzzle to be solved.

Historical conditions for each nation are formed uniquely and each nation has its own ways. This is vividly reflected in the folklore.

A riddle like other genres of folklore is the artistic form of reflection of objective reality, the original means of poetical expression of social being and consciousness of this or that nation.

The riddles of Mari nation were closely connected with everyday life, household and environment that is they largely involve the reality. Consequently, the subject area of Mari national riddles is very large. It is possible to mark out the following thematic groups:

- 1) the universe and natural phenomena;
- 2) the vegetable kingdom;
- 3) the world of animals, birds, fish and insects;
- 4) the human being and parts of his body;
- 5) housing and other utility structure;
- 6) instruments of labour and subjects of national everyday life;
- 7) the riddles of different ideological and historic-ethnographic character.

The universe in the riddles of Mari nation appear in the form sky, sun, moon, stars.

The riddles show richly the vegetable kingdom where trees take a particular place.

The world of animals, fish and insects represented in the riddles is quite diverse by its species composition. It is represented in the form of a bear, wolf, fox, hare, hedgehog, squirrel.

In considerable number of riddles there are wild birds inhabiting forests, rivers and lakes, meadows and fields of the local land. Insects play an important role in the life of forests, meadows and the life of man himself. Insects are represented in terms of utility (bees, ants) and hazard (bedbugs, fleas).

Clothes, shoes and jewelry, musical instruments were reflected vividly in this genre of aphoristic creation. The diversity and cultural identity are noted in the mysteries.

In the historical development Mari people created rich and diverse national musical art. The favourite musical instruments are harp, bagpipe, drum.

In this way, people's mystery is always in the dialectical process. For the past decodes the process of rethinking of ancient mysteries is. The theme of riddles is combined with subjects and phenomenon in life of Mari people.

Elena Lazutkina

Mordvan valtionyliopisto

Saransk

lenkal333@mail.ru

**Suomen ablatiivin kääntämisen keinot ersän kielelle
(M. Lassilan Tultitukkuja lainaamassa kertomuksen mukaan)**

Kääntämisen tutkimus ja kaunokirjallisuuden käänös ovat merkittävässä asemassa kielen tutkimuksessa. Tutkimuksessa on luonnollisesti suoritettu paljon yksityiskohtaista kielitieteellistä vertailua alkutekstin ja käänöksen välillä. Käänöstiede mahdollistaa kääntämisen monenlaisia teoreettisia ja käytännöllisiä ongelmia tutkimisessa. Näiden ongelmien tutkiminen on erittäin kiinnostava.

Kaunokirjallisuuden kääntäminen on monimutkainen työ. Jotta voidaan luoda täydellinen käänös, joka paljastaa mahdollisimman paljon alkuteoksen merkityksellistä ja mielikuvituksellista sisältöä, ja löytää tyylistä vastinetta sille, kääntäjän on ratkaistava monia erilaisia ongelmia. Minä valitsin ablatiivin tutkimuksen kohtaan kääntämisen tapoja. Suomen ablatiivin ersän kielelle kääntämisen vaikeudet ovat yhteydessä siihen, että ersän kielellä ei ole suomen ablatiivin tarkkaa vastinetta, joka voisi tarjota merkittävää apua kääntäjälle.

Tässä selostuksessa tarkastellaan erilaisia tapoja suomen ablatiivi kääntämisen ersän kielelle M. Lassilan Tultitukkuja lainaamassa kertomuksessa. Analyysia varten on käytössä ablatiivi, joka löytyy teoksen päähenkilöiden Anna Liisan ja Antin suorassa ja epäsuorassa puheessa. Heidän puhekielessänsä on runsaasti ablatiivin muotoja.

Suomen ablatiivin ersäksi käänöksen havainnoiden avulla voimme perustaa kääntämisen kahdenpääasiallista tapaa: 1) ersän sijan vastineiden kautta (vastaavia ja analogit); 2) ersän kielen postpositio-rakenteita käyttäen.

Елена Лебедева
Тарту университет
Тарту
lebedok30@mail.ru

Марий йылмыште *голавль* кол лўм

Марий йылмыште утларакшым 'голавль' кол лўмым ончыктышо *туршо*, *турышко* шомак-влак кучылталтыт. Марий да вес йылмыласе языкознанийыште тиде мутын этимологийжым шымлыме огыл. Но финно-угроведенийыште мутын кушеч лекмыжым да фонетика могырым шымлымаште балт-финн йылмыласе данный-влаклан энгыртат да финн йылмым консервативный йылмылан шотлат. Тиде принципым ушыш налын, фин. *turp*, эст. *turwas*, ижор. *turbakka*, вод. *turpakka*, лив. *dūrba*, да мар. *туршо*, *турышко* 'голавль' мут-влакым этимологически кылдалтмышт нерген ойлен кертына, очыни. Финн йылмын этимологий мутерже почеш ихтионим *turpa*, *turppa*, *turvas* герман але балт йылмыла гыч кўсынлымылан шотлалтеш. Танастарыза, лат. *durba*, *t-*, *dūre* 'язь, синец', герм. *Turba*, *Turbe* 'карп'. Тыштак палемден кодат: руш мут 'голавль' шке чоңалтмыж дене – фин. *turpakala* гыч куснышо тичмаш огыл калькыже. *Turba* мут финн йылме гыч кусарымаште енын але янлыкын чурийжым ончыкта. А ончыч руш йылмыште 'морда (животного или человека)' мутым *турба*, *тюрба* маныныт, финн йылме гыч вончымылан шотлалтеш. Тыгай лўмым колан кугу, лапка вуйжо верчын пуэныт. *Turba* мутым финн-угор кугезе йылме годсо лексикылан шотлат: морд. Е *turva*, мар. *tūrβə*, -ö, удм. *+mdur* 'губы'. Мутын значенийже анысырем толын. Кызыт тиде мут дене *тўрвым* 'губы' гына умылена.

Ала марий йылмыште *турышко*, *туршо* мут тиде значений дене аралалт кодын? Чын вашмутым келге этимологический анализым ыштымеке веле налаш лиш.

Тылеч посна, марий диалектлаште 'голавль' манме коллан вес мут-влакат улыт: 1. *айзагол*, *азау*. Значенийже дене башкир йылме гыч толмыжым ончыкта: *азау*, айз'ау

‘голавль’ < башк. *ажсау*. Тиде мут-влак эрвел марий наречийыште гына кучылталтыт. 2. курык марий наречийыште *мукты* шомак шынен. Финн-кугезе йылме гыч котшылан шотлалтеш. 3. *удыргол*: *удыр* ‘девушка’ + *кол* ‘рыба’. Тыгай лумым кол моторлыкшо кӧра налын. 4. тумыгол: *тумо* ‘дуб’ + *кол* ‘рыба’. *Тумо* мут колын тӱсшым ончыкта: тупшо пычкемыш ужарге. 5. Васильев В. М. (Ӹпымарий) словарьыштыже *турышко ньюго, кодама* шомак-влак вашлиялтыт. 6. Китиковын А. Е. мари-руш терминологический словарьыште *чуньжо* кучылталтеш. 7. Линдберг Г. У. «Словарь названий пресноводных рыб СССР» книгаштыже барда, грушка, коломи-пярдаш пуалтеш.

Jyri Lehtinen

University of Helsinki

Helsinki

jyri.lehtinen@helsinki.fi

Valency-changing constructions in Uralic languages

Structures that change the valency of a verb (cf. Dixon & Aikhenvald 2000) can be studied both as syntactic operations that modify the verb's argument structure, as well as on the basis of the morphological forms used in these constructions.

Valency-changing operations can be divided into four subtypes based on the verbal arguments affected and their marking:

a) passive: patient of transitive sentence becomes subject of intransitive sentence.

b) causative: agent of intransitive sentence → object of transitive sentence.

c) antipassive: agent of transitive sentence → subject of intransitive sentence.

d) applicative: agent of intransitive sentence → subject of transitive sentence.

While constructions based on agent demotion (i. e. passives and causatives) are widespread in the Uralic languages, antipassives and applicatives are not typically found. However, the Nenets intransitive derivation could be mentioned as an example of an antipassive: *tola-* 'to read' (tr.) vs. *tolaŋko-* 'to do reading' (intr.; Salminen 2012). Below, a typical causative construction formed by verb derivation is illustrated with examples from Finnish, (1) with normal intransitive verb, and (2) with a two-place causativized verb form.

- (1) Koira kävel-i puisto-ssa.
 Dog walk-PST.3SG park-INE
 'A dog walked in a park'
- (2) Mies kävely-tt-i koira-a-nsa
 man walk-CAUS-PST.3SG dog-PART-3POSS
 puisto-ssa
 park-INE
 'The man walked the dog in a park.'

Also, there are operations with no change in verbal arguments other than by demotion of one; cf. the Finnish so-called impersonal passive: *Mies löysi hänet* 'The man found him/her (acc.)' vs. impersonal *Hänet löydettiin* 'S/he (acc.) was found'. This is an example of the kind of complication that a language family can display with valency-changing constructions.

References:

- Dixon, R. M. W., A. Y. Aikhenvald 2000. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge University Press.
 Salminen, T. 2012. *Tundra Nenets*.
<http://www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html> (Accessed 9 Mar 2012).

Евгения Лобанова

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

25jonika@mail.ru

«В Контакте» сайтын коми кывйён вöдитчöм

Комиён гижöны художества литература, публицистика, лöсьöдöны туялан уджъяс, канму кабалаяс. Кывйыс кутис овны и öтувзейын. Торъя сайтъясын позьö лыддыны да гижны став сёрни стильнас.

Туялöмыс сиöма сёрнитан стильлы, көні тыдовтчö торъя мортлөн да йöзкотыр чукөръяслөн культура. Сёрнитан стильсö колö туявны, медым аддзыны кывлысь вежсьöмсö (сöвмöмсö либö гöльмöмсö) да йöзкотырлысь кылöмъяс, вомьёртыяскостса онтошениеяс да сёрнитан сям. Тайö темасö колö видлавны нöшта и сы вöсна, мый öтуввезса кыв дорö коми лингвистикаын некод на эз шыöдчывлы.

«В Контакте» пырö медыджыд социальной везъяс лыдö. Медводз тайö ресурснас вöдитчисны студентъяс да россияса вузъяс помалысяс. Сэсся сийö лои öнйа кадся ыджыд öда йитöд кутанторйён. «В Контакте»-нас вöдитчöны уна кывъя йöз, тшöтш и коми войтыр. Сайтас 6300 гогөр коми кыв тöдысь.

Öта-мöдкöд гижасьöм пырö гижöда сёрнитан стильö. 108 информантлөн 562 дю (юөр) туялöм подув вылын позьö шуны, мый кывйыс вежсьö. Бур, мый сийö олö öтуввейын, но коми кывйён вöдитчысяс тшöкыда торкалöны нормаяс.

Сёрнитысь-гижысяс пырöдчöны уна сикас темаö. Налён монологъясын, диалогъясын да полилогъясын тыдовтчö аслыспöлöс лексика, фонетика (*усян, мэскэ:)))*) да лексика диалектизмъяс (*А люэсьездö ко кыя???*). Коми сёрний пырöны неологизмъяс, кывйыс озырмö (*электропоштаыс кутшом налон?*). Эмöсь весиг окказионализмъяс (*Ассьым медводдза гижöдöс сиа сыроедкалы! ☺*).

Синтаксис тшупöдын ми вермим видлавны пунктуация пасъясөн вöдитчöм. Вьльторйён миянлы лои сідз шусяна

смайлик – эмоцияс петкӧдлысь пас (ме тайо. он эм тод-мав))).

Компьютер раскладкаын *ö* да *i* шыпас абутом вӧсна «В Контакте» сайтын найӧс пасйӧны аслыспӧлӧса: *ö* пыдди пырджык *О, о*: либӧ *о*, а *i* пыдди – *I* лыдпас. Сайтса материалсӧ отсалсны гӧгӧрвоӧдны билингвьяслӧн вочвидзӧмьяс анкета юалӧмьяс вылӧ.

Нелли Лопатина

Балашши институт

Будапешт

lopnel.89@mail.ru

Удмурт йӧслыклулчеберетья пусьӧс

Туала улон глобализация даурын ортче: котьмае одйг кадь карыны тыршо, пӧртэмлык ыше. Нош кызы вера англи мертодосчи З. Бауман, соин чӧш ик мынэ локализация процесс но: калыкӧс, асвалатонзэс медам ыштэ шуыса, асьсэ лулчеберетсэс, кылзэс лутонын трогес ужаны кутско, чӧжы-выжыоссылэсь кылем синпелетьӧссэс чакланы, утыны туртто. Нош туалала улон калыкӧс азе туалала куронӧс пунктэ. Соин ик соос та синпелетьӧссэс утӧн но котькинлы тодмо карон понна выль амальӧс утчало.

Одйгез сыӧе амальӧс пӧлысь – йӧслыклулчеберетья пусьӧсын ужан, яке этнокультурной брендинг. Этнокультурной брендинг – со калыклэсь йӧслык но лулчеберет аспӧртэмлыкӧссэ кылдытон, утӧн но дуннее вӧлмытон бордын ужан.

Туала улоннын бадӟымгес саклык висьяно егитӧсын ужанлы, соослы угось лэсьтоно калыклэсь вуонозэ. Соин ик, удмурт йӧслыклулчеберетья пусьӧсты тодон понна, удмурт но мукет финн-угор шаерӧсысь 80 егит муртлэсь информация люкамын вал: кыӧе этнобрендӧсты тодо, кыӧе выль этнобрендӧсы кылдытыны луэ на, кызы вӧлске соос сярись ивор но кызы та уже пырисько асьсэос егитӧс.

Эскеронлэн азьмалпанэз: егитьёслы тунсыко та удыс, нош соос туж ик мыло-кыдо уг пырысько та уже, малы ке шуоно этнобрендъёс сярись ивор паськыт уг вълмы.

Йылпумъяньёс возматйзы, егитьёс тунсыкъясько та темаен, нош ичи ивор сётэмен соос удмурт калыклэн аспӧртэмлыкъёсыз сярись трос ик вераны уг быгато шуыса. Соин егитьёслы этнобрендъёсты кылдытон но вълмытон уже но пырыськыны секыт. Нош кин та удысын тырше ини, туал амаляёсты ужаз кутэ: интернетэз, газет-журнальёсты, телевидениез но радиоез, проектёсын ужез. Оглом вераса, юалляськон юрттйз удмурт шаерысь йӧслыклулчеберетъя пусьёсын герзаськем югдурез пыр-почгес тодыны но та удысын умойгес ужан понна дэсланъёс лэсьтыны.

Хенна Массинен

Университет Восточной Финляндии

Йоэнсуу

massinen@student.uef.fi

Финские диалектные геминаты в идиолектах переселенцев из Приграничной Карелии

В докладе на материале идиолектов карелоязычных переселенцев рассматривается распространение типов геминации согласных, свойственных восточным саволакским диалектам финского языка. Местом рождения информантов являются восточные деревни Иломантси в Приграничной Карелии, которые после Второй мировой войны отошли к Советскому Союзу, а до войны относились к территориям с наибольшей плотностью карелоязычного населения.

В качестве исследовательского материала используются интервью семи информантов пенсионного возраста, записанные в 1960–70 гг. Объектом исследования является общая геминация (*En ossaa sannoo*) и особая восточнофинская геминация (*Lähettään kaupunkkiin*).

Общая и особая геминация распространяется в диалекте путем постепенных фонетических изменений, т. е. в диалекте на начальном этапе представлены одновременно с одиночным согласным аллофоны разной долготы (*kalaa*, *kal'aa*, *kal'laa*). В некоторых диалектах финского языка общая геминация фонологизируется (*kallaa*), особая же геминация ни в одном из диалектов не приводит к появлению самостоятельной фонемы. Оба типа геминации не свойственны диалектам карельского языка Приграничной Карелии.

Общая геминация представлена шире по сравнению с особой, при этом на уровне идиолектов наблюдаются значительные отличия. Общая геминация проявляется сильнее в речи отдельных носителей, особенно в наиболее употребительных словах (*mittää*, *sannoo*). Общая геминация, как показывает материал частотной лексики, сильнее в заударной позиции. Особая геминация во всех идиолектах проявляется слабее. Вероятность особой геминации согласных повышается, если позиционные условия складываются в максимальном удалении от начала слова.

Тип геминации коррелирует с местом рождения информанта: в речи информантов из западной части Иломантси оба типа геминации представлены сильнее, чем у информантов из восточной части. Можно предположить, что диалекты финского языка оказывали влияние на язык жителей западных деревень уже до войны.

Joosep Metslang

Tartu Ülikooli Viljandi Kultuuriakadeemia

Viljandi

joosep@kultuur.edu.ee

Ižmakomi puitarhitektuurist

Eesti Kunstiakadeemia 2009. a. soome-ugri õpperetke põhjal

Ettekanne on koostatud eesmärgiga uurida Vene Föderatsiooni Komi Vabariigi Ižma rajooni külade arhitektuuri ja

külamaastikku, sealse ehituspärandi ja ehitustavade arengulugu. Eestist kaugel teema valimise lähtemotiiviks sai Eesti Kunstiakadeemia XXXII soome-ugri ekspeditsioonil osalemine, see võimaldas teha 2009. aasta juulikuus Ižma piirkonna külades välitöid.

Ižmakomide kultuur on mitmeti elujõuline, sealsete külade maa-maastik ja arhitektuur on unikaalsed. Komide külad paigutusid sajandite eest jõgede äärde, karmis kliimas ja raskelt läbitaval peamiselt metsasel ja soisel maastikul on veeteed elukesked. Komide vanem hoonestus on suuresti mõjutatud Põhja-Venemaa arhitektuurist, lisaks sellele esineb mitmeid kohalikke ajaloo jooksul kujunenud ainulaadseid nüansse. Pea ainus ehitusmaterjal oli ja on puit.

Kõige levinumad ižmakomide vanemad säilinud elumajad on ehitatud 19. sajandil. Komi mõistes on ainulaadsed kahekordsed elumajad Ižma, Sizjabski ja Mohtša külades, paar Možjugas ja üks Ust-Ižmas. Teisele korrusele ehitati täiendavad eluruumid. Vanem hoonestus vajab säilimiseks riikliku tuge ja kaitset, külade autentne miljöö on hävinemisohus. Seni põhineb ehituspärandi säilimine kohalike elanike entusiasmil, vaja on maa-arhitektuuri säilitamise ja taastamise alast teavitustööd.

20. sajandi jooksul on mitmed vanad tavad muutunud ja hävinenud, ehkki ižmakomi kultuur on mõndagi oma ilmes säilitanud. Kaasaegne ehitustegevus peaks enam arvestama ajalooliselt välja kujunenud miljöö, vanade ehitiste, plaanilahenduste, materjalikasutuse ja mahtudega. Ehk põletavam uusehituse sobitamise küsimus puudutab Ižma, Mohtša ja Sizjabski aktiivse elutegevusega külasid, Mohtšas ja Ust-Ižmas on mureks elanikkonna ja hoonestuse säilimine.

Anna Misurova
Syktyvkar State University
Syktyvkar
syaxova88@mail.ru

Language Policy in the village

Nowadays the preservation of the Finno-Ugric languages is a sharp problem on agenda. The sphere of the usage of these languages including the Komi language is reducing. Young people are spicing their mother tongue more seldom. You can hardly hear Komi speech in tongue. There's no exact information about the language situation in the village a social linguistic research has been carried on.

In the administration of the village of Ust-Kulom of the Republic of Komi a questionnaire has been carried on. 103 responders took part in it, mainly the Ust -Kulom district administration employees, their relatives and friends. The responders were from 16 to 81 years old. 96 people were from Ust-Kulom district or from different districts of the Republic of Komi; 1 person was Russian native; 1 person – from the Ukraine.

85 people in the questionnaire answers noted that they were Komi people by origin, 16 people were Russians, 1 person was Ukrainian, 1 person was a Hungarian. Among them 79 people relate themselves to Komi, their mother tongue was the Russian language. Rather positive is the fact that all 103 people answered that it's necessary to know the Komi language. It's gratifying that those who were not Komi by nationality thought so too. More than half of the responders said that they spoke Komi regularly not only at home but at their work too. As the questionnaire indicated the most of the responders knew Komi writers, poets, cultural and art workers (I. Kuratov, V. Chistalev, G. Butyreva, V. Savin, L. Loginova and others). Many responders noted that they subscribed to the Ust-Kulom district newspaper «*Parma Gor*» in the Komi language.

On the whole the attitude to the Komi language is positive, the parents teach their children to speak Komi. Till there are

Komi speaking people, the Komi language will exist. Nowadays the Komi language is used in the sphere of education, in schools and higher educational institutions. The fiction is being published in Komi language, the press is being developed in it.

Nadezhda Moldanova

Yugra State University

Khanty-Mansiysk

Nmoldanova@yandex.ru

**The derivation of the name of adjectives
in the Khanty language
(on the material of the Kazym dialect)**

The names of adjectives in the Khanty language are divided into non-derivative and derivative. Non-derivative names of adjectives denoting colour, taste, size, amount, volume etc., for example: *nõwi* 'white', *wan* 'short', *lepət* 'soft', *tõη* 'direct', *kātra* 'old', *jām* 'good'. The derivatives of the names of adjectives formed from nouns with the help of suffixes. Adjectives with the value of the possession of the object or attribute of the object are formed from nouns with the suffix possession of *-i*, *-i*, for example: *jijik* 'water' – *jijiki* 'wet', *χũl* 'fish' – *χũli* 'with fish, filled with fish'.

The names of adjectives formed with the help of the suffix *-āη*, *-jaη*, *-əη*, *-η* indicate the sign of that is contained in a nouns, from which they are formed by, for example: *tõχəl* 'wing' – *tõχlāη* 'winged', *χārηa* 'rust' – *χārηajaη* 'rusty', *tij* 'tip' – *tijəη* 'sharp', *sij* 'sound' – *sijη* 'ringing'.

The names of adjectives formed from nouns with the help of the suffix *-li*, indicate the sign which the subject does not possess or which he is deprived of, for example: *sem* 'eye' – *semli* 'blind', *tijn* 'price' – *tijnli* 'free', *śom* 'power' – *śomli* 'powerless'.

Suffix *-šək*, *-šāk* connected to the names of the adjective; sense – relatively-diminutive: *nõwi* 'white' – *nõwišək* 'whitish', *aj* 'small' – *ajšāk* 'little'.

A large group of adjectives are transferred into the category of adjectives communion of elapsed time with a suffix of *-am, -om*, for example: *lijam* 'rotten', *kawrom* 'hot'. Adjectives have a value – possessing the property, arisen as a result of an action or process.

Елена Морохина

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

melana_89@rambler.ru

Д.Р. Фокош-Фукслон «Фольклор коми (зырян)» небӱгын Т. А. Кочановсянь гижӱм текстъяс: жанръяс, сюжетъяс, пертасъяс

Этшаӱн тӱдӱны, мый Д. Р. Фокош-Фукслон «*Фольклор коми (зырян)*» небӱгын Прупт ю дорын олысь йӱз сӱрни гижӱма Кулӱмдин районса Фроловск грездын чужлӱм Тимон Арсеньевич Кочановсянь Мӱд мирӱвӱй война кадӱ, кор сийӱ веськавлӱма пленӱ.

Текстъяссӱ небӱгас юклӱма жанръяс серти. Медводз мунӱны мойдкывъяс, сӱсся мифъяс, легендаяс, преданиеяс, та бӱрын кӱлдумникъяс, тӱдысьяс, лешейяс да ин ловъяс йылысь быличкаяс да эскӱмъяс. Медбӱрын вайӱдӱма нӱдкывъяс, кӱлысь дырся бӱрдӱдчанкыв, нимкывъяс, гуасян обряд йылысь висътъяс, кывйӱзъяс.

Унджык мойдыс крестьянин йылысь, но паныдасълӱны тшӱтш сар, Лешей, 3 вок (Петра, Василей, Ванька), Иван саревич, Елена царовна, кӱлдумник, кӱлдумник-пи, Настасся саровна, полисейскӱйяс, купеч, 3 Ёма баба, Йӱга баба, пемӱсьяс (ош, кӱбин, руч, кӱч), Илля Муремеч, Михайлӱ угодник, Печин-цар, Салдат, Петр Первой – Ольӱшка, Ванька нима Лакчана ванияс, Шудбала Киров, Сьмерт, Князь-пи, Дыш да Лень, аркирей. Тшӱкыда некымын мойд сюжет йитчӱма, артӱма контаминация.

Мифъясн муыс артмө демиургъяслөн тышын. Унджыкысысö вильторсö артмөдö Лешей, а Ен сетö вöчöмторйыслы торйöдана сер. Корсюрö овлö мöдарö – вильсö вöчö Ен, сэсса Лешей ловзьöдö, артмөдö эмторйыслысь керöм-вöчöмсö. Ен вöчö буртор, а сэсса Лешей вöчö лёктор. Мифъясас петкөдчöны христианстволы лöсялана серъяс (мирыс куйлö лёк йöз сьöлöмъяс вылын). Эмöсь и этиология текстъяс (мыйла сьöла ичöт).

Зэв тöдчанаöсь топонимическöй преданиеяс, торйөн нин Прупт, Ньюмыд, Пивью топонимъяс артмөм йылысь. Öнйя экспедициясысь татшöм юöртöмъяс оз нин сюрны.

Быличкаяс пиын медунаыс – вöралöмкөд йитчöм текст. Пырджык лешей либö чöрт туй вылö веськалöм да лёк вынъясöс (Ыджыд мужик) кöсийтöг сёйны корöм йылысь. Эмöсь сюжетъяс, кöнй чöртъяс нубны крестьянин рöдысь мортöс либö мам-бать сетöны кагасö лешейлы. Паныдасьлö тшöтш катшаö пöртчöм, кукань-бубыля, сера пон, кань, смилитöм (мутитöм), а сйдзжö тотара, кодлөн молитваыс оз мөрччы лешейлы, а инмö сöмын роч кевмöм.

Ilya Moshnikov

Itä-Suomen yliopisto

Joensuu

ilja.moshnikov@gmail.com

Karjalaisen Uutjärven kylän paikannimistö: kansanetymologinen tutkimus

Esitelmässä käsitellään Venäjän Karjalassa sijaitsevan Uutjärvi-kylän paikannimistön kansanetymologioita. Kansanetymologialla tarkoitetaan ei-kielitieteilijöiden pyrkimyksiä selittää nimien syntyä nimeen liittyvällä tarinalla tai assosiaatiolla. Aikaisemmassa tutkimuksessa on tarkasteltu kylän nimien määräteosia ja jaettu aineisto eri semanttisiin ryhmiin.

Kansanetymologista tutkimusta varten on valittu aineiston kuudesta semanttisesta ryhmästä 20 paikannimeä ja toteutettu uusi

kysely, jonka tavoitteena oli selvittää, miten uutjärveläiset selittävät nimen alkuperän. Kansanetymologian yhteydessä on selvitetty informantin tietoisuutta paikan sijainnista ja nimen käytöstä.

Tutkimusaineisto on kerätty haastattelemalla kymmentä Uutjärvellä asuvaa tai joskus asunutta henkilöä. Jokainen heistä puhuu sekä karjalaa että venäjää. Haastateltavat voidaan jakaa kahteen ikäryhmään: vanhempaan (syntyneet 1931–1941) ja nuorempaan polveen (syntyneet 1955–1960).

Alustavien tulosten mukaan paikannimen etymologiaa selitetään eri tavalla: tavallinen kielenkäyttäjä voi ottaa huomioon sekä nimeen kuuluvan määrite- ja perusosan merkitykset että paikkaan liittyvät assosiaatiot. Myös paikan sijainnilla on merkitystä. Etymologia voi pohjautua tarinaan tai uskomukseen. Jos nimeä ja paikkaa ei tunneta hyvin ja nimeen kuuluvien sanojen merkitys on hämärtynt, silloin nojataan äänteellisesti läheisiin sanoihin ja keksitään omaan mielikuvitukseen perustuvia selityksiä.

Ihminen oppii nimet kuten muunkin sanaston, ja muun sanaston tavoin nimet ovat säilyneet kielellisessä perinteessä. Jos siirrytään käyttämään toista kieltä, omaperäisiä nimiä käytetään silloin vähemmän ja ne unohtuvat. Tämä tekee tutkimuksesta ainutlaatuisen: haastateltavat ihmiset voivat olla viimeisiä Uutjärven karjalaisten paikannimien käyttäjiä, jotka tietävät miten paikka on yksilöity muista paikoista.

Nagy Ildikó

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Budapest

ildikoo.nagy@gmail.com

A dunaszerdahelyi kétnyelvű reklámtáblák nyelvész szemmel

Négy évvel ezelőtt a Szlovákia államnyelvről szóló törvény (*Zákon národnej rady Slovenskej republiky o štátnom jazyku Slovenskej republiky*) kapcsán előtérbe került a szlovákiai magyarok helyzete, nyelvhasználata. A sajtó elsősorban politikai

helyzetként kezelte, s szociolingvisztikai szempontból alig vizsgálta bárki. Ha születtek is a témáról tanulmányok, nem kaptak megfelelő teret és hangot. Ezért választottam témámul a szlovákiai kétnyelvű (magyar-szlovák) reklámtáblákat, hiszen azok is mutatják a beszélőközösség nyelvhasználatát, annak igényét, a lehetőségekkel való élést. Dolgozatom – naprakész szakirodalom híján – nagyrészt a saját kutatásomra, gyűjtésemre illetve interneten elérhető statisztikai adatokra épül. Igyekeztem a legfrissebb információkat felhasználni. Tanulmányom célja tulajdonképpen az aktuális reklámnyelvi helyzetfelmérés.

Dunaszerdahelyet választottam kutatásom helyszínéül, mivel ez a város rendelkezik a legnagyobb számú magyar lakossággal. Ilyen körülmények között nagyon széles a nyelvhasználati színtér: az informális helyzeteken kívül formális alkalmakon is használható a magyar nyelv (hivatalokban, postán, különböző rendezvényeken). Ahol ilyen étellel teli és gyümölcsöző egy nyelv használata és annak lehetőségei, ott bizonyára a reklámtáblákon is helye van a magyar nyelvű szövegnek, és élnek is a lakosok azzal a lehetőséggel, hogy anyanyelvükön is feltüntessék azt, amit hirdetni kívánnak.

2011 októberében fényképezőgéppel a kezemben jártam Dunaszerdahely utcáit, s csak azokat a táblákat, feliratokat (kirakat, poszter, reklám) dokumentáltam, amelyeken magyar és szlovák felirat egyaránt volt. Összesen 168 adatot sikerült összegyűjtenem. Ezeket az adatokat szeretném fordítási szempontból vizsgálni.

Khanty-Mansiysk
nahrachyova.masha@mail.ru

The artistic method of rural prose in works of Khanty prose-writers

The rural prose is an artistic method which has developed in the literature in 20th century. This method in works of writers was investigated by A. Solzhenitsyn, A. Bolshakova, T. Lopukhin-Rodzjanko, Ju. Pavlov, S. Krzhizhanovsky etc.

In Khanty literature this artistic method was reflected in creativity of G. Lazarev, R. Rugin, E. Ajpin, T. Moldanova. This direction in Khanty literature till now is not studied, though such researchers as E. Rogover, S. Nesterova and N. Tsimbalistenko analyze it within the limits of separate writings of Khanty prose-writers.

Artistic traditions of rural prose were reflected brightly in R. Rugin's creativity. There is the typology of heroes in Khanty literature within the limits of artistic method which is quite keeping within existing concepts of rural prose. It includes the concept of the natural person for which confluence with the surrounding nature is peculiar (Piljap in the story «*On a trace*» by R. Rugin), the concept of the righteous person for which moral and spiritual values are peculiar (Arsin in R. Rugin's story «*Forty norths*»), the concept of the outcast person who has come off the native environment (Dima in E. Ajpin's story «*The swan song*»).

In given artistic method the idea of matriarchy is realized, almost in all products female images are shown against weak man's characters (Anna and her grandmother in T. Moldanova's story «*In a nest lonely*»).

We observe the transition of heroes from one type of the concept to other type, for example from the natural person to marginal and on the contrary (Dima and Marina in E. Ajpin's story «*The swan song*»).

We can see the special type of the hero in products of G. Lazarev, the image of the blunderer which isn't present at any-

body from listed above, which we see in stories «*Riding an elk*», «*Ravens of the watchman*», «*The Sleepyhead Hunter*».

It is possible to observe the aspiration of heroes to defend the right to life in a native place, the aspiration to protect world around from destructions in Khanty literature. Environmental problems are demonstrated in the stories «*On the spawning river*», «*The Rumble of far chisel*» by R. Rugin, «*The Swan song*» by E. Ajpin, «*The Contact of Civilization*» by T. Moldanova.

Александр Некрасов

Сыктивкарса канму университет

Сыктивкар

nekrasovs@gmail.com

Комяслөн сёрнитігөн өти кывйысь мөд кывйё вуджөм

Унджык комиыс бура төдөны кык кыв – коми да роч. Тайё сетё налы позянлун бөрийөмөн вөдитчыны кывъяснас, вежны сёрнитіганыс кывсё. Сёрнитігөн өти кывйысь мөд кывйё вуджөм шусьё **код вежөмөн**. Кывъясөн вөдитчөмыс йитчөма мортлөн сёрни кыв бөрийөмкөд, вомьёртлөн кывъяс төдөмкөд да сёрнитанінкөд. Комяс вуджлөны кывйысь кывйё рочөн и комиён сёрнитігөн да вермөны вежны сёрнитан кывсё төдлытөг и төдөмөн.

Сёрнитысь вежө кывсё төдөмөн: 1) выль вомьёртөс сёрниё пыртігөн; 2) некымын морткөд өтпырйө сёрнитігөн; 3) гусятор йылысь сёрнитігөн; 4) сёрни ног вежигөн, официальной сёрниысь быд лунъя сёрниё вуджигөн и мөдарё; 5) сёрнитантор вежигөн; 6) сёрни төдчөдігөн.

Сёрнитысь вежө кывсё төдлытөг: 1) кыпыда сёрнитігөн; 2) комиён шоча сёрнитігөн; 3) коми / роч кыввор омөля төдігөн.

Кывйысь кывйё вуджигөн вермөны вежны торьякыв, кыв тэчас, сёрникузя, некымын сёрникузя.

Код вежөм паныдасьлө сёрникузяяс костын (Чолөм, муса шондіой менам! Кызди олан-вылан? на карантине то-

же?). Тшөкыда сёрнитысьыс сёмын чолёмасьё комиён (*Бур асыв! Как у вас погода?*) либё помалё сёрнисё комиён (*У тебя сейчас горячая пора, желаю, чтоб все получилось! Став бурсё!*). Роч сёрни тшөкыда помалёны быд бурсё либё став бурсё сиёмён.

Код вежом овлө тшөтш и сёрникузя пытшкын. Татшөмторсё кыв туялёмын шуоны код сорлалёмён. Вежанторйыс вермас паныдасьны сёрникузялөн быд юкёнын: заводитчигас (*С приездом Тянёс!*), шöрас (*Локтанныд в пиццерияу аски?*) и помас (*Тайö неуважение к языку предков*). Овлө, мый сёрникузяс кывйыс вежсьё некымынысь (*Поэтому ме по картинке и горза, мый "ГООООООООООЛ"*). Коми сёрниö тшөкыда вермёны пыртны роч зумыд тэчасьяс (*И мый "в поте лица" вöчанныд?*), модальнöй кывъяс да кывторъяс (*кыдзи, впрочем, и став мукöдыс тиöтши*). Ёнджыкасё сёрникузяын кыв вежомыс артмö тöдлытöг.

Юлия Никитина

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

Ижевск

JulNik.89@mail.ru

Этническая идентификация удмуртской молодежи

Этническая идентичность – сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений.

Важность исследования этнической идентичности удмуртской молодежи вызвана рядом существенных обстоятельств.

Осознание своей национальной принадлежности позволяет личности почувствовать себя интегрированной в гражданское общество и вместе с тем ощущать свою неповтори-

мую этническую индивидуальность. Особенно важно данное понимание молодым поколением – носителем этнической и гражданской культуры, обеспечивающим ее сохранение и воспроизводство.

Чаще всего, на пути самореализации и самоопределения молодых людей период «после школы» является переломным, в виду эмоционального, психологического изменения, давления и влияния различных обстоятельств.

Важную роль в формировании положительной адаптации, социализации, идентификации удмуртской молодежи играет деятельность Удмуртской молодежной общественной организации «Шунды». По официальным данным на 1 января 2012 г. численность членов в «Шунды» составляет 1836 человек. Численность членов «Шунды» по г. Ижевску – 287 человек.

Количество удмуртской молодежи, опрошенной в рамках исследования, составило 100 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Результаты опроса показали следующее: 72 % респондентов идентифицируют себя в первую очередь по этнической принадлежности – **я удмурт(ка)**, 14 % – по биологической принадлежности – **я человек**, 12 % – по социальной принадлежности – **я студент(ка)**, и лишь 2 % – по гражданско-национальной принадлежности – **я гражданин РФ**.

В целом, удмуртской молодежи присуща высокая степень положительной этнической идентичности. Многим из них свойственно ярко выраженное этническое самосознание, компонентами которого являются стремление к сохранению культуры, традиций, языка.

Надежда Николаева

Удмуртский государственный университет

Ижевск

nikna2009@mail.ru

Использование удмуртского фольклора в молодежной программе «Мон егит»

В последние годы одной из наиболее весомых проблем является исчезновение малочисленных народов, их культуры и языков. А ведь любая нация является украшением более масштабной мировой культуры. Среди них и представители удмуртского этноса.

Фольклор удмуртского народа, будь то сказки, легенды, загадки или предания, очень богато и насыщено. Через устное народное творчество удмурты пытались показать и рассказать о своих взглядах на окружающий мир, отношении к различным событиям.

В молодежной программе «Мон егит» часто используются элементы удмуртского фольклора. Целью программы является привлечение молодежной аудитории, знакомство в увлекательной и ненавязчивой форме с необычными историческими объектами, явлениями, обычаями и традициями удмуртского народа, пропаганда удмуртского языка, национального самосознания.

Жанр программы – познавательно-развлекательный. Задача ведущих – изучить и показать телезрителю эти необычные, исторически значимые места и явления, воспитать чувство нравственности и любви к своему народу, языку, культуре. Сквозь призму собственного восприятия они раскрывают основную суть и необычность исследуемых объектов. Национальная кухня, традиции, спорт, обычаи, искусство, эстрада – везде есть свои тайны и секреты. Именно эта таинственность и неизведанность привлекает внимание зрителя.

Программа «Мон егит» рассказывает молодежи об обычаях и традициях предков, обогащая их внутренний мир, и не дает забыть то, что было накоплено годами. Использование удмуртского фольклора делает программу более насыщенной и интересной.

Галина Низовцева

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

galina_nizovtceva@mail.ru

Сёян-юан – коми культуралён тӧдчана юкӧн

Комияслӧн аслыспӧлӧс сёян-юан дасьтӧм – важ традиция. Сійӧс туялӧн позьӧ пыдӧджыка тӧдмавны коми йӧзлысь важся оласногсӧ, материальной культураныслысь аслыспӧлӧслунсӧ.

Комияс олӧны паськыд мутас вылын, Россиялӧн рывыв-войвылын. Коми этнографической котырӧяс костын эм уна ӧткодьлун. Эмӧсь и торъялӧмӧяс, кодӧяс тыдовтчӧны кывйын, оласногын, тшӧтш и сёян-юанын.

Сёян-юан бӧрйигӧн тӧдчанабсь:

1. Йӧзлӧн оланін (войвыв – лунвыв);
2. Йӧзлӧн удж (кӧр видзӧм, кыйсьӧм, вӧралӧм, скӧт видзӧм, видз-му вӧдитӧм);
3. Экономика аслыспӧлӧслун (сӧвмӧм экономика – сӧвмытӧм экономика);
4. Традиция да оласног;
5. Пусян-пӧжасян аслыспӧлӧслун (пусьӧм, пӧжасьӧм, пражитӧм, косьтӧм, солалӧм);
6. Орчча йӧзлысь сёян да сёян дасьтан ног босьтӧм;
7. Эскӧм (кослунъя – уллюнъя сёян);
8. Социальной аслыспӧлӧслун (сёян нӧбан-дасьтан поэянлун).

Важысянь комияс дасьтылісны сёянсӧ град выв пук-тасьясысь, быдмӧгъясысь, яйысь, чериысь, йӧлысь. Сёян-юанлӧн окталунын ыджыд пай белоклӧн, жирлӧн да углеводлӧн. Комияслӧн кызвын сёяныс уна белока да углевода. Углеводаяс пиас вевтыртӧ быдмӧг сёян.

Комияслӧн сёян сикасыс да сикас лыдыс абу быд лун ӧткодь да ӧтмында. Уна пӧлӧс сёян дасьтывлісны водзті и дасьтӧны ӧні тшӧтш праздникяс кежлӧ, торйӧн нин кӧлысь

кежлӧ. Сӕянсӧ бӧрйылісны оласног серти. Позьб торйӧдны татшӧм сӕян сикасьяс:

1. Быдлуныя сӕян-юан: *выльӧв, ырӧш, зарава, юква, азя шыд, шома шыд, рок, юм;*

2. Кыйсиг-вӧралагдырся сӕян-юан: *сюра рок, сола чери, кӧр йӧв;*

3. Обряддырся сӕян-юан: *пельнянь, саламат, куття, чомӧр.*

Комияслӧн сӕян-юан традиция сӧвмис уна во чӧж. И ӧні на сійӧ водзӧ сӧвмӧ да вочасӧн вежсьӧ. Ассьыныс сӕянсӧ комияс озырмӧдӧны мукӧд войтырлӧн сӕянъясӧн. Но такӧд тшӧтш найӧ окотапырысь нурьясьӧны ас сӕянӧн, торйӧн нин сикт-грездьясын.

Anastasiya Nogteva

Staatliche Universität Syktywkar

Syktywkar

anastasiyanogteva@mail.ru

Gattungswörter (Appelative) in den Ortsnamen des Dorfs Niwschera des Kortkerosskij Rayons der Republik der Komi

Die Ortsnamen der ganzen Gebiete der Republik der Komi sind immer noch unerforscht. Gattungswörter der Ortsnamen des Dorfs Niwschera sind auch noch nicht vollständig erforscht. Einzelne Ortsnamen des Dorfrats von Niwschera können aus semantischer Sicht klassifiziert werden. Man kann zwischen hydrographische, orographische und oykonymische Gattungswörter unterscheiden.

Aus den hydrographischen Gattungswörtern kann man Lexeme mit folgenden Bedeutungen auswählen:

1. mit der Bedeutung „Fluss-Bach- Quelle-Durchfluss“: Асыка ёль, Налькъя ёль; Вис шор, Лун вож шор; Вежа ю, Рас ю.
2. „See- Vertiefung“: Вадты, Ньывкавад; Одты, Лымты.
3. „Verzweigung-Nebenfluss“: Сыв вож, Пӧрӧмось вож.
4. „Sumpf, sumpfige Gegend“: Куш нюр.

5. „Flussniederung – Krümmung“: Кыддза *видз*, Мича Арай *видз*; Сывъюдор.
6. „Fluss- oder Seebucht – Mündung“: *Полой*.
7. „Stromschnelle, Sandbank“: Ньывкось.
8. „Furt“: Мельнича *өзын*.

Aus den oykonymischen Gattungswörter kann man Lexeme auswählen:

1. die auf Waldgebiete hinweisen: Рас ю; Лесник яг, Борган яг, Лумпа яг.
2. die auf die Lage der Objekten auf dem Gelände hinweisen: Купеч керка дор, Дяк керка дор.
3. die verschiedene Beschäftigungen der Bewohner widerspiegeln:
 - a) Namen der Ackerländer: Вавил му; b) Art der Bewirtschaftung: Сотчөм ёль; c) Flächen für den Weidegang: Торъя йөр.

Aus den orographischen Gattungswörter kann man Lexeme auswählen, die sowohl positive Geländeformen (Пёт нёрыс; Кирё слуда яг; Пётчой; Ыба ёль) als auch negative Geländeformen (Косьта лапта) widerspiegeln.

Die Forschung hat ergeben, dass den Mikrotoponymen des Dorfs Niwschera der Republik der Komi reale Eigenschaften der zu benennenden Felder, Wiesen, Wälder, Bäche und Flüsse zugrunde liegen. Sie weisen auf ihre Lage, Form, ihren Zustand, sowie auf den Zusammenhang mit den Namen der einzelnen Personen hin.

Simonas Noreikis

Adam Mickiewiczzi Ülikool

Poznań

s.noreikis@gmail.com

Liivi keele rääkijate hulgast

Minu esitlus käsitleb seda, kui palju on tänapäeval liivi keele rääkijaid ning kas seda keelt võib pidada elavaks keeleks.

Tänapäeval on liivi keele rääkijaid vähe ja seda keelt on peetud ohustatud keeleks. Ohustatud keelt kõnelejad jagatakse järgmiselt: soravalt rääkijad (tehakse vahet noortel ja vanadel), need, kes valdavad keelt osaliselt ja viimased oskajad. Veel eristatakse neid, kes veel keelt mäletavad; neid, kes keelt teatud määral oskavad, aga ei ole nõus seda tunnistama, ja neid, kes on selle keele õppimise teel omandanud ehk nn uued oskajad.

Kuivõrd liivi keelt pole kunagi kasutatud ametliku keele-
na, siis pidid kõik liivlased oskama mingit teist keelt, kõige sage-
damini oli selleks teiseks keeleks läti keel.

Eelmise sajandi jooksul vähenes liivlaste hulk dramaatiliselt. Täna on Lätis 250 liivlast, aga kahjuks oskavad väga vähesed neist oma esivanemate keelt. Teisalt on palju inimesi, kes pole liivi päritolu, kuid on tundnud huvi liivi keele vastu.

Viimane vana soravalt liivi keelt kõnelenud inimene Erna Vanaga suri Lätis 2010. aastal. Teadaolev ainus elusolev soravalt liivi keele rääkija Grizelda Kristiņa elab Kanadas, ta on sündinud 19. märtsil 1910. Täna on liivi keelel arvukalt uuskasutajaid, kellest enamik on õppinud liivi keelt ülikoolis, kas Riias, Tartus või Helsingis. Mõned neist on õppinud keelt iseseisvalt. Aastatel 2004–2009 on liivi keele kõnelejate hulk kasvanud.

Tänapäeval on olemas suur valik liivikeelseid tekste ning neid luuakse eri teemadel ka juurde. Tekstid sisaldavad ka liivi keele kirjeldusi, mille põhjal tulevased põlvkonnad võivad seda keelt õppida.

Liivi keelt võib ikka veel pidada elavaks keeleks, sest sellel on üks (sic!) kasutaja, kes räägib keelt emakeelena. Kui mõned uusoskajad küünivad soravate rääkijate tasemeni, siis võib pidada liivi keelt taas elustatuks, vähemalt seni, kuni nad seda keelt kasutavad.

Niko Partanen

University of Helsinki
Helsinki

**Language shift in Komi:
the dynamics and interaction between rural and urban areas**

Komi Zyrian is spoken primarily in the Komi Republic in Russia. Population censuses conducted since the 1920s show that the number of Komis has not increased in a way that corresponds with the natural population growth. The reason is the assimilation of Uralic people into the Russian population. This has already led to a complete language shift in many regions.

Throughout the Komi Republic there are villages where Komi is still learned by children. However, children in the regional centres generally speak more Russian. Often geographic isolation has prevented the non-Komi population from increasing, but even in the most remote settlements the whole population, including the elderly, is now bilingual. The movement of young people to the cities is leading to many of these very settlements becoming endangered. This is apparently an old process, and thus the cities have a Komi-speaking population in all age groups with extensive Komi-speaking networks in both urban and rural areas.

My research in shows that in Syktyvkar the natural intergenerational language transmission has been severely interrupted. Komis who are born or have moved there have not been able to transmit full competence in Komi to their children. On the other hand, Komis living in the cities have access to political and institutional resources and have been able to influence their situation at the administrative level. A good example is the passing of a law which made Komi an obligatory subject in all schools in the Republic. However, the language is not learned by children in urban areas, and meanwhile rural populations continue to dwindle. It is common for urban children to spend holidays in the villages, which provides them with access to a Komi-speaking environment. At the same time these children widen Russian's sphere of use in the rural areas.

Elena Perevoshikova¹⁾, A. Shajslamova
Udmurtian valtionyliopisto
Izhevsk
perevoshikova1993@mail.ru¹⁾

Udmurttien arkikulttuuri

Eri maissa ja kulttuureissa vallitsevat omanlaisensa käyttäytymissäännöt. Haluaisin kertoa Permin alueella asuvien udmurttien tavoista käydä vieraisilla.

Vieras on hyvin tärkeä henkilö udmurttien perheissä. Hänen vastaanottoonsa valmistaudutaan etukäteen: siivotaan huoneet, laitetaan parhaat ruoat ja juomat. Permin alueella vieraiden vastaanottoa varten paistetaan usein ohukkaita erikoisreseptillä.

Kylään mennessä mukana tuodaan tavallisesti jokin pieni lahja, tuliainen (*кузьбим*). Hyvin usein lahjan antaja vähättelee tuomistaan ja lahjan saaja sanoo, että mitään ei olisi tarvinnut tuoda. Kylästä lähtiessä vieraskin saa mukaansa jonkin tuliaisen (*салам*) kotiin vietäväksi. Tavallisesti tuliaisenä on emännän laittamaa ruokaa.

Ruokaa ottaessaan udmurtit usein kursailevat ja odottavat, että vieras ottaisi ruokaa ensimmäisenä. Tämä tapa juontuu varmaankin vanhoista kansallisperinteistä. Nuoren ihmisen istumista ruokailemaan ennen vanhempaa sukupolvea pidettiin epäkohteliaana.

Pöydän ääressä keskustellaan eri aiheista, mutta tyyppisiin keskustelunaiheisiin kuuluvat vuodenaikoihin liittyvät aiheet. Keskustelun tempo on melko rauhallinen ja puheenvuorojen välillä voi olla taukoja. Hyvin usein keskustelemisen asemesta udmurtit istuvat laulaen udmurttilaisia ja venäläisiä lauluja. Ansaitsee tulla mainituksi, että Permin alueella asuvilla udmurteilla on aina nykypäiviin asti säilynyt vierailukulttuuriin liittyviä lauluja (vieraiden vastaanottolaulut, pöydän ääressä esitettävät laulut ja vieraiden saattolaulut).

Syödessä ja pöydästä noustaessa on määrä kiitellä (*may, муж чesкым*) emäntää ja isäntää. Tarjoaja usein vähättelee ja

selittää, että tänään ruoka on epäonnistunut ja kannattaa tulla uudestaan maistelemaan sitä.

Jos vieras on tullut pitemmäksi ajaksi kuin päiväksi, hänet viedään mielellään saunaan (муhчо).

Ekaterina Petrova

Udmurt State University

Izhevsk

ekaterinpetrova@gmail.com

Woman Udmurt autobiographical prose of the 1990-s

In the 1980-s – 1990-s the drastic changes occurred in Udmurt literature. These events caused the replacement of the previous conceptions and searching for the new ways of “I”- concept expression in literature.

The 1990-s became a milestone for Udmurt literature when the new principles had been worked out during the post-soviet period. Consequently, in the end of the 1980-s a new wave of Udmurt women-writers was actively involved in the literary process. Within mentioned period women were mastering in the prose genre; moreover, the autobiographical narratives and memoirs were written. Principally, the narratives by Galina Romanova, Serafima Pushina-Blaginina, Avgusta Konukhova, Alla Kuznetsova, Tatyana Vladykina etc.

As the Udmurt literary scholar T. Zaitseva mentions, the presence of the memoirs and autobiographies explains changes in genre dominance in contemporary Udmurt literature; thus, the genre of panoramic novel was replaced by narratives with one protagonist. Additionally, this process is connected with formation of the new writer’s identity.

The narratives “*My high-high mountain*” by G. Romanova and “*The sinful woman’s confession*” by S. Pushina-Blaginina are penetrated with such concepts as affectation, fragmentariness. “*The unhappy happiness*” by A. Konukhova is organized chronologically.

The principle of “sincerity” is dominative in the autobiographical narratives; accordingly, failures and disgraceful moments are also depicted.

The protagonists in the narratives by G. Romanova and A. Konukhova suit for female gender group. However, the female character of “The unhappy happiness” is less emotional in her self-expression. The female protagonist of the narrative by S. Pushina-Blaginina proves the unity of feminine and masculine traits.

The woman Udmurt autobiographical prose of the 1990-s represents various means of gender identity expression, which are to some extent different from the ways of the previous generation’s self-representation.

Софья Попова

Сыктывкарский государственный университет
Сыктывкар

Этнотуризм как один из компонентов сохранения традиционной культуры в Республике Коми

В современной финно-угорской жизни свое отражение нашло такое явление как этнотуризм. В наиболее активной фазе развития находится и этнотуризм в Республике Коми.

Этнотуризм, как правило, – это туризм в сельской, даже деревенской местности. В него входят следующие составляющие: знакомство с народными обычаями, ремеслами, земледелием. Очень актуальна данная идея для регионов, где вопрос обеспечения себя и своей семьи заработком стоит особенно остро.

Этнотуризм в Республике Коми – это как произведение «Война и мир»: о нем многие слышали, но мало кто знает. Это не просто туризм, это связь культуры и обычаев земли Коми.

В докладе будет говориться об этнотуризме как об одном из составляющих компонентов сохранения традиционной культуры.

Огромный вклад в развитие этнотуризма в Республике Коми внесло создание финно-угорского этнопарка «Ыб». Этнопарк пользуется большой популярностью, там проводятся многочисленные мероприятия, связанные с традиционными праздниками не только коми, но и других народов. Со временем предполагается строительство всех финно-угорских подворьев.

Одно из чудес России – столбы выветривания на горе Мань-Пупу-нёр – дает возможность туристам окунуться в атмосферу предков, созерцать красоту местности, знакомиться с легендами, преданиями, традиционными ремеслами, охотой.

Также данную концепцию можно увидеть в национальном парке «Югыд ва», на гулянии «Усть-Цилемская горка», в музее им. И. А. Куратова.

Radó Annabella

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Budapest

ancsiii@gmail.com

A Kalevala kulturális hatásai

A finn népi eposz nem csak Finnországban, hanem világszerte, de különösen Európában vált ismertté. Már a 19. században megjelent svéd, orosz, magyar és angol nyelvű fordítása is, a 20. században pedig még több nyelven került nyomtatásba.

Talán az is hozzásegített az eposz különböző művészeti ágakba való bekerüléséhez, hogy gyűjtője, Lönnrot többször átdolgozta, kiegészítette, jellemezte tehát a befejezetlenség, a formálhatóság. A magyar fordítók is újra és újra nekiláttak a munkának, 5 teljes és sok részleges fordítást adva az olvasóközönség kezébe.

Míg a 19. századi Finnországban a Kalevala a nemzeti öntudat és nemzeti nyelv fejlődésében játszott fontos szerepet, addig külföldön az egzotikum iránt mutatott izgalommal fogadták, a mesés északi mitológia nyűgözte le az olvasókat. Hazai és külhoni terepen is megihlette a legkülönbözőbb művészeti ágak alkotóit, a képzőművészeket éppúgy, mint a zeneszerzőket. Legnagyobb hatása természetesen az irodalomban érhető tetten, olyan finn költők életművében, mint Eino Leino, magyar oldalon pedig olyan alkotók tartották figyelemre méltónak, mint Arany János vagy Kosztolányi Dezső.

Előadásomban igyekszem bemutatni a Kalevala hatásának kiterjedtségét és jellegét a finn és a magyar kultúrára koncentrálva.

Nikolay Rakin

Tartu Ülikool

Tartu

rakin@ut.ee

“Kalevala” in Estonia

The appearance of “*Kalevala*” in Estonia in 1839 aroused a great interest. In 1840–41 intense work on insight into the epos was held in the Estonian scientific society. In 1840 an extract from rune I translated by N. Mühlberg was published in the Estonian and German.

In 1882–90 M. J. Eisen published the translation of exposition of the epos and extracts from it (the longest is “Battle for Light”, runes 47–49). In 1891 the 1st part of the epos translated by him was out, the 2nd – in 1898. This translation being satisfactory for that time caused criticism because of a more striking vocabulary compared with that of the original and an unlikely use of metre.

In 1921 the cycle about Kullervo (runes 31–36) translated by V. Ridala was out. In it archaisms and obsolete grammar forms

were used in order to make it closer to the original and recreate its metre.

In 1922 in the article “Kalevala in the Estonian Language” A. Annist made a summary of the existing translations. He was not satisfied with any of them, however he believed that a future translation should be based on the one of Ridala but without overuse of archaisms and old forms. In 1930 “The Finnish Anthology” by Annist was published. It contained the main part of “Kalevala” as well as other translations. In 1935 in the article “Kalevala and Estonia” he wrote that the Estonian is the only language in the world that could give a translation of equal value with the original. Though, it takes many years of hard work to find a balance between overly Finnish and Estonian styles. The complete translation by Annist was out in 1939. Critics evaluated it as the most accurate and beautiful and the publication itself as the most wonderful Estonian book. In 1935 Annist’s article “Kalevala as work of art” appeared. It was a draft of the monograph of the same name published in 1944 in the Finnish and in 1969 in the Estonian. The given work is considered the most valuable contribution of Estonian scientists to studies of Finnish epos.

“Kalevala” is a piece of literature work to which Estonian periodicals paid greatest attention. This material is varied in genres, functions and literature value, grouped primarily around different events and dedicated to different problems connected with translations, editions, theatrical performances or screening of the epos.

Reveland Anett
Eötvös Loránd University
Budapest
reveland.anett@gmail.com

Mit tudunk Finnországról?

A szakdolgozatom címe *A 18-19 éves magyar diákok tudása és hozzáállása a magyar nyelv finnugor rokonságával kapcsolatban* volt, melyben kérdőíves módszerrel vizsgáltam meg az említett csoport véleményét a kérdésről. A kérdőívet összesen 75 szakközépiskolás és gimnazista töltötte ki Vácott, Székesfehérváron és Budapesten. A felmérésben szerepeltek olyan általános kérdések Finnországgal kapcsolatban, amiket nem használtam fel a szakdolgozatomhoz, viszont mégis érdekes és tanulságos válaszokat kaptam. Ezen eredmények felhasználásával szeretnék az előadásomban képet adni arról, mit is tudunk mi, magyarok a finnekről.

A kérdőívben nyolc általános kérdésben mértem fel, mit tudnak a diákok Finnországról:

- A. Mi Finnország fővárosa?
- B. Milyen más finn városokat ismersz?
- C. Mi a finn nemzeti eposz címe?
- D. Ki gyűjtötte?
- E. Milyen finn sportolókat ismersz?
- F. Milyen finn énekeseket/énekesnőket vagy együtteseket ismersz?
- G. Milyen tipikus finn ételeket ismersz?
- H. Milyen tipikus finn termékeket ismersz?

A már elvégzett kutatás mellé az IFUSCo-ra készült előadásomat kiegészítem egy másik felméréssel is, melyben életkortól és végzettségtől függetlenül vizsgálom a magyar emberek tudását Finnországról. A kérdőíven nem változtattam a 2010-es felmérés óta, csak bővítettem egy kérdéssel:

- I. Mi jut eszedbe Finnországról?

A második felmérés interneten zajlott. Együttesen több száz válaszadótól gyűjtöttem be adatokat, amik segítségével képet adhatok róla, mit tudnak és mit gondolnak a magyarok távoli nyelvrokonaikról.

Алексей Рисков

Филиал Удмуртского государственного университета

Кудымкар

riskov59@mail.ru

Коми-пермяцкий праздник *турун вежан лун*

В с. Большая Коча Коми-Пермяцкого округа *турун вежан лун*, считавшийся днем окончания лета (к этому времени отцветали травы и появлялись семена), отмечался 20 июля.

С первыми лучами солнца нарядно одетые мужчины и женщины отправлялись в лес: женщины – впереди, мужчины – сзади. По дороге не разговаривали, иначе *Вёрдядь* (хозяин леса) мог лишить языка.

Женщины у опушки леса останавливались, три раза поворачивались вокруг себя против солнца и оставляли на своем месте дары *Вёрдядю*. Затем они шли в лес, а мужчины оставались на опушке охранять их.

Услышав в лесу голоса пяти разных птиц, женщины должны были окликать друг друга. Нежелателен был голос кукушки, предвещавший девушкам нескорый выход замуж, а женщинам – раннее вдовство.

Выйдя из леса, каждая женщина дарила березе цветную ленту, приговаривая:

Кыдз виньдiс да паськалiс

Ыб шбрас кбкыс,

Мед сiдз и паськалbны

Ме бердiсь шогbттэз.

Аминь (3 раза)

Затем женщины собирали пять видов трав с корнями и семенами, приговаривая:

Встану я, благословясь,

Пойду я, перекрестясь,

Из ворот в ворота,

Из овина к овину,

В темный лес,

К Гадю и Мадю.

В этом лесу растет трава-

Корена вина.

Эту траву, корену вину положу

Гадю и Мадю,

Они очистят меня от всяких грехов.

Текст записан нами на русском языке. В нем явно ощущается влияние христианства. В то же время упоминаются языческие существа Гадь и Мадь, к которым обращаются с целью очищения. После этого все с протяжными песнями возвращались домой, где мужчины пили *ырбш* и *сур*.

Завершался праздник вечером. По предварительной договоренности женщины собирались в 4-5 домах, с собой приносили травы, сорванные утром. В доме пели, плясали. Затем все вставали в ряд перед хозяйкой, у которой был туесок с суром. Женщины по очереди опускали цветы в сур, чтобы смочить семена, целовали цветы и хозяйку. Все, что совершалось в доме, имело созидательную силу. Завершив церемонию, все шли на реку и разводили костер. Женщины обжигали корни трав со словами:

Голубые ветра, лазоревые небеса,

Унесите и смойте

Мои грехи и болезни.

Сжигайте мои бранные слова.

Аминь (3 раза)

Затем семена трав высевали возле речки, стебли бросали в воду и начинались игры.

Jelena Rjabina

Tartu Ülikool

Tartu

italmas2004@yahoo.de

Veel kord udmurdi vestluskäitumisest

Ettekandes räägin udmurdi vestluskäitumisest, lähtudes tugeva ja nõrga kontekstiga kommunikatsiooni teooriast. Lisaks sellele võrdlen eestlaste, soomlaste ja udmurtide vestluskäitumise erinevusi.

E. T. Hall (1976) väidab, et osades kultuurides mängib kontekst sõnumi interpreteerimisel suuremat rolli, neid kultuure nimetab ta tugeva kontekstiga kultuurideks (ing *high-context cultures*). Teistes kultuurides tuginetakse suhtlemisel kontekstile vähem ja hinnatakse selget verbaalset sõnumit, neid kultuure nimetab ta nõrga kontekstiga kultuurideks (ing *low-context cultures*). Tugeva- ja nõrga kontekstiga kommunikatsiooniga on otseselt seotud individualism ja kollektivism: kõik nõrga kontekstiga kultuurid on individualistlikud ja kõik tugeva kontekstiga kultuurid on kollektivistlikud.

Eesti, soome ja udmurdi kultuuride paiknemist tugeva-nõrga konteksti kontiinumis võrdlemiseks on analüüsinud eesti, soome ja udmurdi kümne raadiodialoogi katkendit: kõnevoorude ja pauside pikkusi, kõnevoorude ülevõtmisstrateegiat. Eesti ja soome raadiodialooge on analüüsinud H. Pajupuu (1995), udmurdi raadiodialooge on analüüsinud J. Rjabina (2007).

Samuti jagan ettekandes udmurdi keele näidete põhjal uusi mõtteid, kuidas tugeva ja nõrga kontekstiline kommunikatsioon keeles väljendub.

Елена Рябина П.

Удмурт кун университет

Ижкар

Владимир Романовлэн ож лирикаез

Владимир Романов – одигез тунсыко удмурт поэт. Со «та улонэ кылбураны вордскемын вал, дыр. Капчи но трос гождьяськылйз, ритмез но рифмаез жеч шӧдылйз, ас кужымзэ пӧртэм жанрӧсын но кылбуран формаосын эскериз» – гождӧз со сярись тодосчи В. Г. Пантелеева.

Владимир Романов Быдӟым Атыкай оже ӧз пырыськы ке но, со сярись трос гождьяз: войнае кошкиз но отысь ӧз берытскы атаез. В. Романов уно кылбурӧссэ солы сйзиз («Атай пуктэ ке пельпумыз вылэ», «Атай», «Вожъяськон», «Бертон» но мукет). Одйг кылбураз Ф. Васильев гождоз, котькуд аядми улоназ писпу мерттыны, корка жӱтыны но нылпи вордыны кулэ. Соин спорьяськыса кадъ, Романов аслэсьтыз одйгзэ тужгес тодмо – «Атай» – кылбурзэ гождоз. Со быдэсак юанӧслэсь кылдэ, валэктон кудӧсызлы лыдӟись берпуметӧй чурӧсысь гинэ шедьтэ:

– Атаед – ожын быриз со,
Вань тэльӧс жужан понна,
Вань юртӧс сылон понна,
Вань пиос будон понна.
(Атай: Ваёбыж кар: 11)

Татын автор возматэ атаезлэсь согем сюрессэ. Драматизация амалэз кутыса, Романов возматаны тырше, макем бадӟым куректон вайиз семьязылы Быдӟым Атыкай ож. Кылбурчилэн атаез корка ӧз жӱты, писпу ӧз мертты, пизэ ӧз будэтэ – ӧз вутты. Но сое зэмос аядми шуыны луэ, угось со вордскем шаерзэ утиз.

В. Романов ож сярись ноку ӧз вунэтылы. Нырысетӧй «Мынам тулысэ» кылбур бичетысьтыз тодйськом, мар сярись малпаське егит солдат, кыӧе улон шоры учконӧсыз. Та бичетлэн валтӧсь темаез – вордскем шаерез утӧн.

Романов быгатӧз поэзизэ трослы узырмытӧсь пӧртэм образӧсыз интыяз кутыны.

Кызы-о сотэк?..

Пичи дыды

Оскыса асьме шоры учке...

Музьем шар вадьсы

тӧды дыдык

Пиосмурт пельпум вылысь жутске.

(Пиосмурт пельпум: Покчи гужем)

Кылбурчилэн творчествояз ож тема бадӟым инты басьтӥз. Война вакытэ вордскем но будэм, нош собере атай-тэк кылем пияш ӧз вунэты сое. «Озьыен, война авторен артэ вамыштӥз берпуметӥ шокчытозяз», – гожтӥз Р. Яшина В. В. Романов сярысь.

Литература:

Пантелеева В. Г. 2008. Владимир Романов. – Арекеева С. Т., В. Г. Пантелеева, Л. П. Фёдорова, А. Г. Шкляев (сост.) *Удмурт литература: 10–11-тӥ классъёслы учебник*. Ижевск: Удмуртия, 309.

Яшина Р. И. (сост.) 2004. *В. Романов. Жизнь и творчество: Пособие для учителей и учащихся*. Ижевск: Удмуртия, 8.

Светлана Ручкина

Удмуртский государственный университет

Ижевск

swetaru88@mail.ru

Этнические стереотипы удмуртов

Для исследования было проведено тестирование в групповой форме методом «множественных идентификаций», использовался специально составленный семантический дифференциал. Методика основана на оценивании различных поступков и форм поведения, свойственных разным людям. В исследовании приняли участие 32 студента-удмурта.

Из анализа семантического пространства этнического стереотипа данной выборки становится ясно, что *удмурт* в их сознании, как правило, житель деревни, имеет низкую социальную оценку общества, отличается от других национальностей. Также он консервативен, чтобы сохранить свои ценности, культуру, язык. Из всех предложенных типажей-национальностей типу *удмурт* приписывается самая ко-

роткая социальная дистанция. Возможно, здесь сработал стереотип удмурта как жителя деревни, где поведение общества соответствует короткой социальной дистанции. Типаж *удмурт* социально изолирован, находится далеко от основного облака точек, «идеалов». Данный стереотип вызван социально-экономическими факторами: удмурты – малая народность, вошла в состав российского государства, где господствовала бóльшая по численности нация русских.

Сложился следующий гетеростереотип: удмурты рассматривались как низшая, неполноценная, нуждающаяся в опеке и руководстве малая нация. Этот стереотип привился самому народу и стал автостереотипом. Значительное количество исследований по этнопсихологии, истории, культурологии показало, что одним из главных факторов возникновения такой тенденции являются различия в социальном статусе групп.

Однако, исследование также показало, что молодое поколение не устраивают автостереотипы старого поколения, молодежь рассматривает себя как «иных», «новых» удмуртов. В итоге, возникают новые автостереотипы группы. Этим можно объяснить далекое расположение друг от друга типажей *я* и *удмурт*. В целом можно отметить положительную тенденцию в развитии образа *я*.

Все остальные типажии-национальности находятся, как правило, отдельно от типажии *удмурт*, образуя отдельное облако. Кроме того, по ряду признаков можно сказать, что респонденты причисляют себя к какой-либо национальности, прежде всего, на основе веры.

Эльвира Рыжова

Марийский государственный университет

Йошкар-Ола

elvira.ryzhova.91@mail.ru

Художественный мир романа М. Павлова «Судьба»

В марийскую литературу М. П. Павлов пришел в 90-е гг. XX в. Он автор множества рассказов, трех повестей и романа «*Пурьмаш*» («Судьба»). В 2011 г. писателю была присуждена Литературная премия Программы родственных народов за сборник произведений «*Силуэт решетки*».

М. Павлова как писателя в основном волнуют вопросы, связанные с социальным устройством нашего общества. Именно поэтому он в своих произведениях акцентирует внимание читателя на жизни рядовых людей, тщательно исследует их судьбы, в каждом герое находит что-то особенное. Каждый характер индивидуален, но есть объединяющие их черты – это любовь к ближнему и родной земле, доброта и духовное здоровье, жизнь в постоянном труде.

В романе «Судьба» отражены события 1930–1980-х гг. Фабульная основа произведения семейно-бытовая – жизненная история рода Токпаевых. Однако в поле зрения автора оказываются и социально-политические условия 1930-х гг., оказывающие влияние на судьбы героев (семья Ядриковых). Таким образом, семейно-бытовой роман постепенно приобретает черты социально-бытового романа. Исследуя родословную Токпаевых, писатель обозначает нравственные императивы героев и самого времени. Он актуализирует в своем произведении такие социальные и философские проблемы, как судьба детей «врагов народа», человеческое поведение и психология отношений в лагерях и тюрьмах 1930-х гг., семейно-родственные ценности, любовь и счастье.

Стилевой доминантой романа становится динамическое повествование. Именно через событийное действие и сопровождающие его речевые ситуации автор раскрывает характеры и судьбы своих героев. Все случаи внутренней характеристики героев жестко подчинены динамизму событий.

В результате всего этого создаются одновременно «жизнеописание» семьи и объективная картина социальной действительности, духовно-нравственного «здоровья» общества.

Геннадий Салмиянов
Тартуский университет
Тарту
gennady@ut.ee

Варианты понимания профессионализма марийскими журналистами

Демократические преобразования конца XX и начала XXI вв. привели к значительным изменениям в развитии национальной журналистики. Профессионализм журналистов непосредственно связан с такими важными этнокультурными вопросами, как соблюдение культурных традиций, сохранение и развитие марийского языка, национальной идентичности.

В данной работе рассматриваются изменения в профессиональной ориентации марийских журналистов, в частности, возможные изменения их профессиональных суждений, изменение восприятия своей роли в обществе.

Исследование основано на двух опросах, проведенных в Республике Марий Эл в 2001 и 2009 гг. В обоих случаях были опрошены все журналисты марийскоязычных СМИ.

Анализ опросов показал некоторые интересные изменения, произошедшие в определении марийскими журналистами своей профессиональной роли в рассматриваемый период. Например, если в 2001 г. 95 % марийских журналистов определяли свою роль в качестве «выразителей интересов народа», то в 2009 г. 97 % опрошенных видят свою задачу в информировании людей, в оказании помощи в сложных жизненных ситуациях и в повседневной жизни.

В совокупности социальных ролей, наибольшее предпочтение как в 2001, так и в 2009 г. отдано информационно-коммуникативной роли журналистики. Оценка ролевых характеристик отображает истинное положение дел в информационной среде республики: значительная часть респондентов считают недостаточно важной роль СМИ в осуществлении контроля над властью в Марий Эл от имени общества.

В течение последних 10-15 лет формируется новое поколение марийских журналистов, имеющих высшее профессиональное образование, лучше подготовленных для работы в конкурентной среде.

Среднестатистический марийский журналист конца 2009 г. женат или замужем, имеет высшее образование, работает в правительственных СМИ.

Сравнительный анализ результатов данных опросов сопоставлен с результатами аналогичных исследований, проведенных в Эстонии в 1995 и 2009 гг.

Alexandr Saltykov
Mari State University
Yoshkar-Ola
aesciy@mail.ru

Art sources finno-ugric people of the Volga region

Products of primitive art reflect the developed aesthetic feeling, creative imagination, deep understanding of world around and installed by our ancestors. At the ancient population of edge in 1 thousand D.C. existed Custom Burials of people accompanied by their personal things. The world beyond the grave for primitive people was continuation of a real life. Among many thousand metal subjects from burial grounds special interest is represented by works of art. In them the spiritual culture of the ancient population most brightly reveals. Traditional line of finno-ugric art It is necessary to consider images of a waterfowl, elks or deer, bears of snakes and fishes It is allocated some groups of subjects of art. Interesting group make animal images: two bronze kochedycs in the form of heads of horses, the image of heads of horses on a handle of a dagger from The Akozinsky Burial ground, the figure of an elk. As a whole images of a horse in finno-ugric art of the people of the Volga region in 1 thousand d.c. to are most numerous. To a horse and an elk the Finno-Ugric people attributed prophetic qualities, it was the good and happiness symbol possessing magic property to preserve against misfortunes. A horse

and an elk in representation finno-ugric people from the most ancient times were identified with the sun or the carrier of solar force. Following group animal figures images of a waterfowl, basically make ducks. The honouring of a natatorial bird having bright cosmogonic value, is prominent feature of Finno-Ugric representations.

Small, but rather interesting group animal images is made by figures of snakes. The motive of a snake basically meets on the subjects of the certain form most corresponding to features given of animal an image and convenient for its embodiment, for example on bracelets, pins etc.

Interesting group of products of ancient art make images. Eleven of them in the form of flat bronze figures are found on the Senior The Ahmylovsky Burial ground. Archeologists them name idols, as they were magic subjects. On idols clothes elements are well visible. As a whole figures transfer european a face type. In works of art of the Volga Finns many parties of a real life and spiritual culture were most brightly reflected.

The difficult cosmogonic representations which have received the further development with transition to new method of agriculture and the stall maintenance of cattle, have found reflexion in numerous sun signs, symbols-signs various patterns on metal subjects.

Patrick Schachtebeck

Turun yliopisto

Turku

patscha@utu.fi

**Yukaghir language – An Uralic language
in Northeast Siberia?**

The area where Yukaghir is spoken is very small and is located in Siberia, in the northeastern part of the Russian Sakha Republic (Yakutia), along the river Kolyma. Yukaghir splits into two dialects, the northern and the southern dialect which differ significantly from each other. Although the area, where Yukaghir was spoken in the past is relatively large and extending from the Yenisei River almost until the Bering Strait, nowadays, the number of speakers is probably only less than a couple of hundred, so the language is highly at high risk of becoming extinct in the near future.

The Yukaghir language has been considered an isolated language, but it possesses a number of interesting features which give the reason to consider a possible genetic relation to the Uralic language family. Examples are, amongst others, its agglutinating structure, the pronouns, which almost all are clearly similar to Uralic languages pronouns (e. g. *mit* 'we', *tit* 'you (pl.)'), several case endings (genitive *-n*, ablative *-t*) and similarities in the vocabulary. There are more than 100 words found in Yukaghir which resemble Uralic vocabulary (e. g. *emej* 'mother').

Obviously, this alone does not prove the hypothesis of a genetic relation between Yukaghir and the Uralic languages. Especially, the evidentiary value of the lexical similarities cannot be assessed too high, because those similarities could also be based on language contact. On the other hand, it is not sure that all indications for a genetic relation have already been discovered, as the Yukaghir language is not researched thoroughly.

The purpose of my presentation is to show on which similarities the Ural-Yukaghir hypothesis is based on and which factors make it difficult to verify.

Tatjana Schyotkina

Udmurtian valtionyliopisto

Izhevsk

tanya.tatjanasch@yandex.ru

Udmurttien suullisen viestintäetietekin välineet

Udmurttien suullisen viestintäetietien välineet ovat tärkeä osa etnisen ryhmän kulttuuria, kulttuurikäyttäytymistä ja ihmisten välistä vuorovaikutusta. Käsiteeseen kuuluu puheyksiköt kohteliaassa vuorovaikutuksessa eri tilanteissa. On olemassa monia lajeja: puhuttelu, tervehdykset, pyytäminen, neuvominen, kohteliaisuudet, onnitteleminen, toivotukset, anteeksi pyytäminen, hyvästely jne.

Udmurttien suullisen viestintäetietien välineet ei ole toislaiseksi kuulunut lingvistien tutkimukseen kiinteänä osana. Tältä osin olemme analysoineet temaattisia ryhmiä "Tervehdykset" ja „Hyvästely” Udmurttian Mozgha alueen Malaya Volozhikya kylän puhekulttuurissa.

Kenttätutkimuksen tulokset osoittavat se, mitä ryhmästä "Tervehdykset" valitaan, riippuu:

a) kontekstista (esimerkiksi, kun tavataan kadulla odottomasti voidaan tervehtiä käyttäen uutisluontoisia kysymyksiä: *Кызыы улӱськоды?* 'Miten elätte?', *Кытчы мынӱськоды?* 'Mihin menette?' jne.).

b) vuorovaikutuksen paikasta (esimerkiksi, kun tullaan kylään tutun luo udmurtit voivat kysyä: *Мар-о вылез?* 'Mitä uutta?' tai *Кыӱе-мар улӱськоды?* 'Miten elätte?' jne)

c) vuorovaikutuksen osallistujien iästä ja sosialisesta asemasta (esimerkiksi, ystävät tervehtivät toisiaan seuraavasti: *Чырткем!* 'Hei!', *Умой-а!* 'Terve!' jne.)

d) ja virallisissa tapauksissa ajasta (*Бур ӱкнаен!* 'Hyvää huomenta!', *Бур ӱжитэн!* 'Hyvää ilta!' jne.).

Valintaperusteet ryhmässä "Hyvästely" ovat niukkaampi. Tässä tapauksessa kielellisten kliseiden valinta riippuu joko kontekstista (esimerkiksi kun ollaan kylässä voidaan käyttää seuraavaa kaavaa: *Туж умой уялтӱды!* 'Erittain hyvät kesitykset!', *Тӱ дорын туж кельшиз!* 'Teillä oli millyttävää!'), tai osallistujien iästä ja yhteiskunnallisesta asemasta (esimerkiksi, nykyisin nuoret käyttävät usein lyhyet *Ӗеч! Пока!* 'Moi moi!' jne.).

Yhteenvetona, udmurtin kielessä suullisen viestintäetietien välineet esittävät tärkeää roolia ihmisten välisessä vuorovaikutuksessa.

Rimma Sel'kova

Public Administration and Management Academy
of Komi Republic

Syktyvkar

YaRimka@yandex.ru

**‘Polish mark’ in the history of Sysolsky district,
Komi Republic**

The research is devoted to the history of Polish deportation to the Komi Republic in 1940–1944. The impulse to the research was given by the acquaintance with A. V. Men'shenina who shared an interesting story of her correspondence with the former political prisoner, Polander Vatslav Zakshevski. From June 1941 to 1943, he lived in the village of Votcha, Sysolsky district and worked at the tar-making plant. The deported Polish man told about the twists of his life to the reporter V. Coppi of the Planet Echo magazine in 1998.

The article addresses the stages of Polanders' expulsion to the North, characterizes categories of the deported, periods and locations of their displacement. By its scope, it was the largest one after ‘the kulaks’ deportation’ of the early 1930's and a tragedy for the Polish people. Several thousands of former Polish political prisoners lived in Sysolsky district for four years and left their mark in its history and memory of the locals.

The research pays most attention to the destiny of Zakshevski. Based on his memories, all events of his life and other Polanders' lives are restored, starting from the summer 1939. Besides, the research concerns the correspondence between Zakshevski and young women from Mezhador (A. V. Men'shenina and V. N. Bubnova), which started 45 years later. Then the correspondence dropped for twenty years. We learned about further life of Zakshevski thanks to the correspondence resumed in 2009.

Through the research of the 'Polish mark', a lot of information was collected about the tragic events in the life of Polish people. Polish deportation was a separate page in the history of political repressions which underwent in the 1930–1940's. The main character of the research, Zakshevski, was a former Polish political prisoner who was brought by a twist of fate to Votcha, Sysolsky district, endured all hardships of deportation, lost his father in the remote Komi backs, but did not bend rage against our country and people. With grateful appreciation, Vatslav recalled the Komi women who helped him endure the hardships. His destiny echoed the features characteristic of many Poles and their families.

Елена Семенчина

Сыктывкарса канму университет

Вьльгорт

SemenchinaLe@yandex.ru

Роч челядьлөн коми кыв велөдөм вылө видзөдлас

Өні Коми Республикаса быд велөдчанінын быть колө велөдны коми кыв. Унджык школаас сійөс велөдөны «каналан кыв» программа серти. Тайө программасө лөсьөдөма ёнджыкасө роч челядьлы вылө. Велөдөны комисө 1-9 классын, велөдөмыс шымыртө грамматика, лексика да синтаксис юкөн. Но өдвакө кодкө челядь письыс школа помалөм бөрын вермө тыр-бура сёрнитны комиён.

Вьльгорт сиктса 2 номера школаын ми нуөдїм социологическөй юасьөм. И өні позьө лыддьөдлыны татшөм результатяс. 60 %-ыс чайтөны, мый коми кыв велөдны колө, 10 %-ыс эз вермыны вочавидзны, а 30 %-ыс шуисны, мый комисө велөдны оз ков.

Сөмын 20 %-ыс вермисны шуны, мый коми кывйыс налы ковмас водзө олөманьыс, пөль-пөчкөд сёрнитігөн, телевидениеын уджалігөн, 7 %-ыс эз вермыны нинөм

вочавидзны, а 73 %-ыс пасйисны, мый комиыс налы водзöсö оз ковмы.

Нöшта юасигöн югдiс, мый унджык челядыслöн пöль-пöчныс да мам-батьныс комиöсь, но асьныс челядыс шуöны асьнысö рочöн.

Колö тшöтш пасйыштны, мый 73 %-ыслы окота велöдны коми оласног, мойдъяс, культура да петкöдлыны асьнысö быд пöлöс конкурсьяс вылын. Унаöн на пийсь тöдöны коми сыланкывъяс.

Валентина Семенова

Тарту университет

Тарту

valentin@ut.ee

Янлык лүм сынан марий космоним да астроним

Пашаштына кок сандалыкысе объектын лүм-влакым ончена: космонимым *Коркашүдыр* (КШ) да астронимым *Шордошүдыр* (ШШ). Түнямбалсе астрономий ушемн (ТАУ) темлымыж почеш Коркашүдырым *Ursa Major* (UMa), Шордошүдырым α *Ursa Minor* (α UMi) термин-влак дене ончыктат.

КШ (*Корка шүдыр* (Ўпымарий 1926: 195), *Карка шһдһр* (Иванов, Тужаров 1971: 74), *Алдыр шбідбӀр* (Саваткова 1981: 8)) космоним тюрк йылме гыч пурышо мут, тагастарыза чув. *корка*, *кӱргӱ* ‘чаша, ковш’, др.-тюрк. *кӱчка* ‘деревянное блюдо’ (Федотов 1990: 197), чув. алтӱр ‘ковш’ (РЧС 1961: 30).

Руш йылмыште КШ *Большая Медведица* лүм дене кумдан палыме. Кызытсе жаплан руш йылмын влиянийжылан кӱра самырык-влакын мутланымшыте чӱчкыдын *Кугу Маскашүдыр* манмым колаш лиеш. Возымо источникым шотыш налын, космоним КШ ончыч шордо янлык лүмым нумалын. *Шордо шбідбӀр* (Троицкий 1894: 83), *ШардбӀ шбідбӀр* (Шорин 1920: 152). Шымлызе-влак коклаште

шордо мутын этимологийже шотышто иктӧр шонымаш уке. *Шордо* зоонимын лиймыжым *šorwa* ‘шур’ (‘рог’) финно-угор мут дене кылдат. (Лушникова 2004: 58; Кузнецова 2010: 114). Тыгак «шордо» значениян мут финно-угор йылме-влак деч торашке лектеш, шуко моло йылмыштат вашлиялтеш (Чернецов 1937: 351).

Тугеже марий йылмыште УМа созвездийым ончычын *Шордошӱдыр* манын лӱмденыт. Тиде шонымашна кавасе кӱтӱ нерген марий мифыштат сулалтеш. «С появлением на небе девы, шедшей по воду, Лось стал именоваться Ковшом». ШШ да КШ коклаште Юмын имне ‘Небесный (божий) конь’ космоним верланен. «Небесный лось становится небесным конем – Юмын имне» (Петрухин 2003: 267–268).

УМі шӱдырым марий калык чӱчкыдын *Шордошӱдыр* астроним дене лӱмда. Туге гынат, мутлан, эрвелмарий-влак тиде астронимым янлык сын дене огыт кылде. Тагастарыза: *Мланде рӱдӱ шӱдыр* ‘Звезда центра Земли’ (МДЭ 1975: 31), *Кӱртньӱ шӱдыр* ‘Железная звезда’ (Кармазин 1925: 103).

Шордо зоонимын муттӱным (индо)иран йылме гыч кӱсынлымӱ. Тиде тӱрлӱ калыкын тӱням икгай умылымашым ончыкта (Лушникова 2004: 60).

Marina Seraskhova
Yugra State University
Khanty-Mansiysk
Seraskhova25@yandex.ru

**Zoomorphic code of culture
in the phraseology of the Khanty language
on the Obdorsk dialect material**

In the language system names of animals form a particular semantic field - names of animals. Names of animals can function as independent lexical items, they can also be bundled with various adhesions phraseology, idioms, proverbs, where they can function as metaphors designating a person or denoting things: *amp iti ul'ti* 'live like a dog' – to swear, to quarrel with all, etc. In most cases, the expressions of names of animals have lost their motivation and relate to idioms: *lukna śi latla* 'Capercaillie wants to sit down' – want to sleep, sleep etc.

Zoomorphism can occur as single tokens – *worŋa* 'Raven', *amp* 'dog', *oŋsār* 'fox', *sowār* 'hare', and as a component zoo idioms units, such as: *lepāk welti manəs* 'fox went to catch' – to die (of man), *ŋotāŋ / tor sapl* 'swan / Crane neck' – a long spring, etc. Often used similes and metaphors based on the similarity between animal and man. Comparisons can be divided into logical (not logical) and the figurative, which, in turn, include a comparison of phrases, with the formal elements of *iti* 'as', *ŋorpi* 'like', for example: *ulti pa leŋ antasna luwelal amp iti noŋ suxtalal* 'from due to the laziness of life itself as a dog hanging' – deprive yourself of death; *oŋsār ŋorpi tumajaŋ* 'sly like a fox' – a bouncer.

As the capital of keywords can be used nouns – the names of animals: *woj* 'a beast, an animal', *amp* 'dog', *kati* 'cat', *low* 'horse', *worŋa* 'crow' etc.

Originally Khanty zoomorphic idioms connected with the traditions, customs and beliefs of the Khanty people, as well as reality, legends, historical facts, for example, *tilās ampāl ŋuw kulna eslmāl* 'Month dog on a long rope let', so say the imminent warming, a month on a long leash keeps his dog. When the polar star is a far cry from the moon (month), this means that soon will become warmer.

Thus, the animalism is always the same sense-background on which are formed linguistic and religious stereotypes.

Надежда Сидоркина
Тартуский университет
Тарту
nadezdasid@mail.ru

**Синонимика падежных форм
и послеложных конструкций
с пространственно-местным значением
в марийском и эстонском языках**

Распространенность послеложных конструкций в финно-угорских языках связана с общей тенденцией к аналитизму. Причем в марийском и эстонском языках параллельно существуют и синтетические, и аналитические формы выражения пространственных отношений. Речь идет о синонимичности той или иной падежной формы и послеложной конструкции. Синонимия падежей может передаваться формулой: *падеж – падеж* или *падеж – N + послелог* (где N – имя существительное).

В эстонском языке в значении внешнеместных падежей (адессива, аллатива и аблатива) используются аналитические конструкции *N + peale* ‘на’, *N + peal* ‘на’, *N + pealt* ‘с’. Например: *Pane laua peale* (*≈lauale*) ‘Положи на стол’; *Lamp asub laua peal* (*≈laual*) ‘Лампа (находится) на столе’; *Mehed tulid järve pealt* (*≈järvelt*) ‘Мужчины пришли с озера’.

Конструкции *N + sees* ‘в’, *N + sisse* ‘в(о)’, *N + seest* ‘из’ конкретизируют то же значение, которое передается формами внутренне-местных падежей (иллатива, инессива, элатива). Например: *Klaasi sees* (*≈klaasis*) *on vett* ‘В стакане – вода’. *Neem ulatub kaugele mere sisse* (*≈merre*) ‘Мыс уходит далеко в море’. *Valas marjad ämbri seest potti* (*≈ämbriest potti*) ‘Пересыпал ягоды из ведра в кастрюлю’.

Как известно, в системе падежей марийского языка нет четкого разграничения на внутренне- и внешне-местные падежи, что компенсируется развитой системой послелогов. Особенно велика роль пространственных послелогов. Во многих случаях пространственные послелогои аналогичны

формам местных падежей (инессива, иллатива и латива). Форме инессива синонимичны конструкции *N + гыч* 'из', *N + коклаште* 'среди', *N + дене* 'на'. Ср.: *таве гыч вўдым лукташ* 'доставать воду из колодца' и *мый тавыште вўдым ит нал* 'ты не бери воду из колодца'. Синонимичные отношения проявляются между формой иллатива и аналитическими конструкциями *N + дек* 'к', *N + марте* 'до'.

Тем не менее, они не являются абсолютными синонимами. Необходимо говорить не о взаимозаменяющей, а о взаимодополняющей роли этих конструкций в языке. Употребляясь наряду с падежными суффиксами, послелого расширяют и обогащают круг значений падежной формы разнообразными смысловыми оттенками.

Ирина Смирнова

Санкт-Петербург кугыжаныш

технологий да дизайн университет

Санкт-Петербург

OrinaSmimova.07@gmail.com, Orina.07@mail.ru

XIX курым мучаш XX курым тўналтыште Юлтўр-Вятке кундемыште илыше марий ўдырамашын вургемже да тудын крайжо

XIX курым мучаш XX курым тўналтышсе марий тувыр марий калык культурышто классический лийын да шкешотан канон почеш ургалтын. Лач ты пагытыште марий ўдырамашын эстетика сынже почылтын да пентгыдемын.

Шочмыж годсек марий калык кок этнографий группылан шелалтеш (субэтнос): курык да олык марий. Тыгодым Юлтўр-Вятке кундемлаште Козьмодемьянско-Ветлужский, Кокшайско-Приволжский, Санчурско-Яранский и Уржумско-Вятский район-влакым палемдат. Кажне районын шке чурийже, сандене вургемышт ойыртемалтеш. Нунын илыме верыштым ончен, вич тўрлў комплекслан шелыт.

1. Уржум-Шернур комплекс
2. Санчурск-яранск комплекс
3. Йошкар-Ола комплекс
4. Звенигово-морко комплекс
5. Курыкмарий комплекс

Кажне комплекс вургемыштым шке семьинышт шулат (кroitлат), тувырым, мыжерым, вуй леведышым тўрлõ семын тўрлат да сõрастарат.

Марий калык тувыр ожнысек келге духовный шонымашан лийын, тўрлемже гоч калыкын философийжым да психологийжым умылен кертына.

Юлтўр-Вятке кундемыште илыше марий калыкын, йўлам арален, канон почеш ургымо костюмжо моткоч шергакашан, тўрлõ комплекслан пайлалтыт гынат, стильжым, калыкын тўн образшым арален кодат.

Марина Соколова

Марийский государственный университет

Йошкар-Ола

marinuk.sokolova@yandex.ru

Семантика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в марийском языке

Цель доклада – выявить структурно-семантические характеристики марийских фразеологизмов с названиями домашних животных в составе.

Самыми распространенными в составе коммуникативных фразеологизмов являются такие названия домашних животных, как *имне* ‘лошадь’ (19 %), *пий* ‘собака’ (18,5 %), *сõсна* ‘свинья’ (6,3 %), *пырыс* ‘кошка’ (4,5 %), *ушкар* ‘корова’ (3 %) и *шорык* ‘овца’ (2,3 %). Среди анималистических фразеологизмов со структурой словосочетания распространены зоонимы *пий* ‘собака’ (15,8 %), *пырыс* ‘кошка’ (11,8 %), *шорык* ‘овца’ (9 %), *презе* ‘теленоч’ (7,9 %) и *ушкар* ‘корова’ (6,6 %).

Коммуникативные фразеологизмы имеют как прямое, так и переносное значения, которые реализуются в контексте. В отличие от коммуникативных фразеологизмов, фразеологические словосочетания обладают переносным значением (*шорык коваштан пире* ‘волк в овечьей шкуре’).

Словесные пары *овца* и *волк* (*пире ден шорык тан огытыл* ‘волк овце не товарищ’), *овца* и *свинья* (*шорык ден сӧсна огыт келше* ‘овца и свинья не дружат’), *собака* и *кошка* (*пий ден пырысла илаш* ‘жить, как кошка с собакой’), *кошка* и *мышь* (*калялан котиаат – зверь* ‘для мыши и кошка – зверь’), *свинья* и *корова* (*ушкар кӱтӱшкӧ пуренат гын, сӧсна койышым ит ончыкто* ‘если ты в стаде коров, не показывай характер свиньи’) демонстрируют прямые антонимические отношения в составе фразеологизмов. Антонимия прослеживается и между отдельными названиями видов животного (*ош пий кочшыжо, шем пийлан йолаже* ‘белая собака съела, а обвиняют черную’).

Некоторые из зоонимов могут быть рассмотрены как синонимы других названий животных: *теленок* – *мышь* (*ночко презе (коля) гай* ‘как мокрый теленок (мышь)’), *корова* – *теленок* (*ышкар нылалмы – презе нулалме* ‘вихор на лбу’).

Разной коннотацией обладает большинство фразеологизмов с зоонимами, используемыми для выделения негативных качеств человека (*свинья, собака, бык, овца, теленок, кошка* и *коза*). Положительным эмоциональным оттенком обладают фразеологизмы с лексемами *лошадь* и *корова*.

В своем прямом значении данные лексемы в составе фразеологизмов используются для описания общеизвестных фактов с целью наставления, а переносное значение приобретает ими при характеристике человека.

Анастасия Соломенникова
Институт языкознания РАН
Москва
anastasia.solomennikova@gmail.com

**Аналитические формы прошедшего времени
в речи носителей удмуртского языка
(опыт полевого исследования)**

В докладе будет представлена попытка анализа употребления аналитических форм прошедшего времени с частицами *вал* и *вылэм* в устной речи носителей удмуртского языка. Доклад основан на материале полевого исследования, проведенного автором летом 2011 г. в Малопургинском районе Удмуртской Республики.

Б. А. Серебренников в книге «*Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп*» (1960) выделяет в удмуртском языке 7 аналитических форм прошедшего времени: I плюсквамперфект (*со шуэм вал* 'он говорил раньше'), II плюсквамперфект (*со шуиз вал* 'он говорил'), прошедшее длительное (*со шуэ вал* 'он говорил') и прошедшее многократное (*со шуоз вал* 'он говорил неоднократно'). Аналитические формы с частицей *вылэм* (абсентив) содержат дополнительный оттенок неочевидности.

Одной из особенностей аналитических форм прошедшего времени в удмуртской речи является, во-первых, их взаимозаменяемость в связи со сходной семантикой, а, во-вторых, возможность употребления простых форм вместо сложных. На это указывается, в частности, в «*Грамматике современного удмуртского языка*» (1962), в работах Б. А. Серебренникова, Б. Ш. Загуляевой и ряда других ученых. Данная особенность подтверждается также материалами настоящего исследования.

Таким образом, аналитические формы прошедшего времени в современном удмуртском языке находятся в достаточно неустойчивом состоянии: сходство семантики (выражение действия в прошлом) способствует тому, что использование всех аналитических форм становится нецелесообразным. Более того, многие из них заменяются синтетическими формами.

Юлия Спешилова

Университет им. Лоранда Этвёша

Будапешт

dirtisyula@gmail.com

Удмуртская языковая мозаика

В этом году исполняется 10 лет удмуртско-венгерскому сотрудничеству. В 2002 г. студенты факультета удмуртской филологии Удмуртского университета впервые посетили венгерские образовательные учреждения. За эти 10 лет уже десятки удмуртских студентов побывали в Венгрии.

На данный момент в Венгрии находятся 8 «выходцев» с факультета удмуртской филологии. Поскольку они все знают друг друга, образуется коллектив. Как и в любом коллективе, у них возникает свой специфический язык, тем более, когда контактируют два языка.

В случае с удмуртами в Венгрии нельзя сказать, что возникает новый язык. Назвать это двуязычием тоже сложно. Здесь имеет место смешение языковых кодов. Такое смешение чаще происходит на лексическом и семантическом уровне, например: *Ма кари́д толон?* – *А, бу́ли вал общага́ын, оты́н ко́ня ке вал* ‘Что делала вчера? – Да в общаге были было, была немного там’, где *бу́ли (buli)* – ‘вечеринка’. В лексиконе местных удмуртов похожих слов содержится десятки: *менза* ‘столовая’, *тартозкодаши* ‘вид на жительство’, *тит-каришаг* ‘секретариат’, *булизни́* ‘развлекаться’ и т. д.

Основная масса «вставочных» слов – существительные, реже встречаются прилагательные и глаголы. По результатам небольшого он-лайн исследования можно выделить определенные группы слов и выражений, которые всегда используются на венгерском языке. В эту группу входят названия дисциплин в образовательных учреждениях (*Мадяр те́ртэ́нэлэм вал, сы́че жади!* ‘Была пара венгерской истории, очень устала!’) и слова из лексикона иммиграционной службы (*Тартозкодаши́елэн срокез быре ни* ‘У меня заканчивается срок действия вида на жительство’).

Стоит отметить, что в речи венгерских удмуртов происходит смешение даже трех языков: к удмуртско-русскому двуязычию прибавляется родственный венгерский язык. С точки зрения освоения языка, венгерский язык может отождествляться с русским. У большинства удмуртов русский язык является вторичным, поэтому основу речи представляет удмуртский. Ср.: *Давай, мон но тонэ фотографировать каро и Чаль, булизнй карыны ветлом*. Функционирование языков происходит одинаково.

Людмила Шабдарова

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
Йошкар-Ола
petjal@rambler.ru

Фольклоризм повести В. Ф. Сапаева «Эрге»

На формирование марийской литературы сильное влияние оказала эстетика фольклора. Многие произведения марийских прозаиков отмечены фольклоризмом и этнографизмом, отражают национальный образ мышления и специфику национального характера.

Одним из таких прозаиков является В. Ф. Сапаев, педагог и ученый, вошедший в марийскую литературу как автор уникальных детских рассказов, лирических повестей и романа «*В грозу*». На фольклорно-этнографических традициях построена его повесть «*Эрге*» (Сын).

В повести нашел отражение фольклорно-эпический материал, представляющий картину событий XVI века. Произведение посвящено жизни марийских селений (*илем*) этого периода и охватывает многие стороны человеческой жизни: борьбу добра и зла, любовные отношения между героями, проявления жестокости, героизма, веры, правды. Писатель сосредоточивает внимание на богатстве и своеобразии национальной жизни, создает оригинальную образную систему.

Влияние фольклора в повести просматривается в делении героев на положительных и отрицательных способами, присущими фольклорной эстетике.

Автору характерно умелое использование художественно-этнических мотивов и деталей. В них этнографические составляющие несут существенную содержательную функцию, раскрывающую обычаи и традиции марийского народа, уходящие в глубь веков: гостеприимство, уважение и почитание старших, взаимопомощь. Исследование этнографических деталей и мотивов помогает воссоздать национальные характеры, передать облик изображаемого времени.

Использование писателем пословиц и поговорок иллюстрирует вековую мудрость и особый менталитет народа.

Фольклорно-этнографическое начало стало сюжетно-композиционным фактором повести В. Ф. Сапаева «Эрге», что позволяет донести до читателя мысль о важности этических и эстетических представлений народа, сохраненных во времени.

Наталья Шайнурова

Бирская государственная социально-педагогическая академия

Бирск

Erion260691@mail.ru

**Отражение национального характера марийцев
в пословицах**

Пословицы и поговорки являются непосредственным выражением культуры народа, средоточием народной мудрости, дошедшей до наших дней из глубины веков.

В своем докладе мы рассмотрим определенные черты национального характера и нравственных представлений марийцев, а именно, их отражение в пословичных высказываниях и фразеологических единицах. Основная цель работы – выявить связь между отдельными чертами характера марийцев и их пословицами и поговорками.

Отличительными чертами марийского народа являются трудолюбие, дисциплинированность и законопослушность. Трудолюбие – основа благополучия марийцев. Данное утверждение доказывают пословицы, например: *Паша айдемым илаш тунькта* ‘Труд учит человека жить’ и т. д.

В пословицах выражается любовь к матери, например: *Аважым колыштдымо туткарыш логалеш* ‘Кто мать не слушает, тот попадет в беду’ и т. д.

У марийцев имеются некоторые предрассудки по отношению к богатству. И скорее бедняк является высоконравственным образцом – его поступками управляют его чувства, разум не затуманен богатством: *Поян койышыж дене, нужна кумылжо дене* ‘Богатый идет на поводу у своих привычек, а бедный – у своих чувств’ и т. д.

Настойчивость и терпеливость синонимичны понятиям «любовь к качеству» и «усердие»: *Вичкыжын шудырым кужун вучаш кӱлеш* ‘Умеющий человек делает что-то медленно, но качественно’ и т. д.

Каждый народ высоко ценит гостеприимство. Марийцы тоже не остались в стороне: *Пайремым уна сӱрастара* ‘Любой праздник украшают гости’ и т. д.

Глубокое изучение пословиц и поговорок позволяет значительно расширить объем знаний об образе жизни и культуре марийцев, лучше понять их образ мыслей и поступков.

Марина Шарыпова

Удмурт кун университет

Ижкар

marina-sharypova@yandex.ru

Удмурт кылын чорыгъёсты ниман амальёс

Удмурт кылын чорыг нимъёс тырмыт эскеремын өвёл на. Туннэ нуналлы А. А. Ельцовлэн гинэ статьяез вань «Удмурт чорыг нимъёс» [1993 «Вордскем кыл»]. Нош удмурт лексикаез эскерон VIII даурысен кутскемын ини. Ас вакытазы чорыг нимъёсыз пусйыса кельтйзы Г. Ф. Миллер (4 кыл), И. Э. Фишер (2 кыл), М. Могилин (5 кыл), В. Пуцек-Григорович (9 кыл). Туала удмурт кылысь ми 181 литературно-диалектной чорыг нимъёс но 8 чорыган арбери ним шедьтймы. Ужмылэн целез – чорыгъёсты ниман амальёсты эскерон но радъян.

Удмурт кылысь чорыг нимъёсты ниман амальёсты лыдэ басьтыса люкыны луэ 2 туркымлы: этимологи ласянь сайкыт луись нимъёс, кудаз пыро на трос пичи подгруппаос но этимологи ласянь сайкыт луисьтэм.

I. Этимологи ласянь сайкыт луись чорыг нимъёс сётйсько:

1) чорыгъёслэсь кытын улэмзэс чакласа (16 ним): *шаберди* – Шаберды шурын улйсь чорыг; *извыл* – изо пыдэсо шурын улйсь чорыг, *камчабак* – Камын улйсь чабак;

2) мугор люкет аспортэмлыкъёссыя:

а) кыче ке пййшурен яке арбериен кельышлы луэмезья (23 ним): *бекчечорыг* – бекчелы укшась чорыг;

б) адямилэн осконэныз герраськем (13 ним): *илляюш* – Ильялэн юшез, *эксей чорыг* – эксэй кадь чорыг, *вукузё* – (диал.) вукузё кадь чорыг, *восьчорыг* – курбон сётон чорыг, Можга ёросысь удмуртъёс кыче ке чорыгез курбон сёто вылэм;

в) мугор люкет аспортэмлыкъёссыя (22 ним): *куатьтуш*, *сюроти*, *гонэсьым*;

3) чорыгъёслэн асьсэсыз воземзэс чакласа (6 ним): *визьтэмчорыг* (диал.), *лекасъкись* – (диал.) лексьыны быгатйсь чорыг;

4) чорыгъёслэн буэльёссыя (20 ним): *горд бурд* (диал.), *шумйыр* (диал.);

5) чорыг быдзалая (3 ним): *векчи чорыг* – пичи чорыг, *векчи нальым* – пичи нальым;

6) бускель калыкъёслэн нимъёссыя (2 ним): *порэмести* (диал.), *бигерчукурна* – (диал.) ‘пескарь обыкновенный’.

II. Этимологи ласянь сайкыт луйсьтэм чорыг нимъёс пöлы пыро вань кылемъёсыз чорыг нимъёс. Оглом 113 чорыг ним (*дарга* – лит. юш, *карака*, *акта*, *зейым*, *чабак*).

Светлана Шелепанова

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

S-2505@mail.ru

Нёбдінса Витторлысь «Арся мойдкыв» роч кыв вылö вуджöдöм

Нёбдінса Виттор (Виктор Савин) – коми сöветскöй литература подув пуктысьяс пиысь öти. Проза, драма да публицистика кындзи сійö гижліс уна лиричesköй кывбур, поэма да сылан-кыв, көні шöр теманас лоисны том пöра да радейтчöм. Татшöм гижöдъяс дорö и лöсялö «Арся мойдкыв» кывбур. Роч кыв вылö сійöс вуджöдіс Г. Пагирев – «Осенняя сказка».

Поэтлön лирикаыс тырöма гажа шыясöн да югыд рöмьясöн. Татшöмторсö петкöдлыны Нёбдінса Витторлы отсаліс фольклор. Гижöдъяс матынöсь йöзкостса творчестволы тема, тэчасног, образъяс да серпасаланног боксяныс. «Арся мойдкыв» кывбурын, кыз и фольклор гижöдын, вевтыртö сюжет. Сійö артмöма кыз пу да Эжва ю костын вензьöмысь. Кывбур помас налön сёрниö пырöдчö

пöрысь мужичöй (сы гөгöр Нёбдинса Виттор лöсьöдöма торья микросюжет).

Эжвасö да кызсö кывбурас пыртöма абу сöмын чужан му образ восьтöм могысь. Найö отсалöны петкöдлыны пöрысь мортлысь олöм помасигөн чужöм шог мöвпяссö. И роч вариантас Эжва да кыз образлөн тöдчанлуныс кольöма вежсьытöг. Пöрысь мортöс пыдди пуктöм неуна вошынтöма, но микросюжетыс кольöма.

Кывбурын тыдовтчöны и кад да ин образьяс, кодьяс öткодялöны олöмсö уна сикас ногөн. Ар – олöм пом, тулыс – олöм заводитчöм. Тшöтш и томлун да пöрысьлун поэтыс орччöдö рöмьяс пыр. Вуджöдöмас тайö öткодялöмыс тöдчö ёсьджыка, арся да тувсов рöмьяссö стöчмöдöма. Нёбдинса Виттор кö тулыссö да арсö петкöдлöма томлун да пöрысьлун öткодялöм могысь, то вуджöдчысьлөн тыдовтчöны нöшта на и тöв да гожöм. Та вöсна вуджöдöмас арлөн да тулыслөн метафоричностьыс вошö.

«Арся мойдкыв» кывбурын рифма абутöмлуныс матыстö сийöс йöзкостса гижöдлань. Гижысь кужöмөн водитчö пытшкöс рифмаөн. Вуджöдöмсö Г. Пагирев рифмуйтöма оригинал мозыс жö, но пытшкöс рифмаыс артмöма аслыспöлöс. Тайö отсалис вуджöдчысьыслы петкöдлыны оригиналыслысь шöр сёлöмкылöмсö – том пöра кольöм йылысь гажтöмтчöм да шогалöм.

Ксения Шкиперова

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск

ksenia-today@mail.ru

**Роль повествователя в романе Александры Салмелы
«27, или Смерть создает художника»
(«27 Eli kuolema tekee taiteilijan»)**

В исследовательской работе рассматривается роль повествователя в литературном произведении на примере романа современной финской писательницы А. Салмелы «27, или Смерть создает художника».

Несмотря на то, что этот роман является для автора дебютным, он полон своеобразия, авторского новаторства и мастерства. В 2010 г. А. Салмела была удостоена премии «Хельсингин Саномат» (Helsingin Sanomat) за лучший дебют, также она была номинирована на литературную премию «Финляндия» (Finlandia-palkinto). Основной темой произведения является поиск себя.

Особое внимание в работе обращается на форму и структуру произведения. В романе чередуются главы, написанные от лица четырех разных субъектов речи. Отмечается необычность повествователей. Старый семейный автомобиль (Opel Astra) и мягкая игрушка-поросенок (Herra Possu) представляют мир неодушевленных предметов. Кассандра (Kassandra) – кошка. Главной героиней романа является Энджи (Angie), начинающая писательница. Каждый наделен индивидуальной манерой речи и собственным видением окружающего мира. Повествование от лица автомобиля сухо, официально, сопровождается терминами. Речь кошки метафорична, близка к высокому стилю, наполнена остроумной иронией. Повествованию от лица игрушки-поросенка присуща детскость, примитивность лексики, наивность. В работе раскрывается, какие коннотации связаны с каждым из повествователей, анализируется то, как изменяется стиль повествования в зависимости от субъекта речи.

В исследовании сделана попытка объяснить, почему автор вводит нескольких повествователей. Предполагается, что, раскрывая события с разных точек зрения, то есть от лица нескольких субъектов речи, автор стремится создать в романе наиболее полную и объективную картину происходящего.

Anastasiia Shumilova
Udmurt State University
Izhevsk
shum-na@yandex.ru

The specificity of oneiric elements in the works by R. G. Valishin

The dream is not only a mental process which has been attracting the attention of many psychologists for many years. The dream also is a literary method which has been used by different authors for many centuries and in cultures. In literary works we use the term *oneiric element* or *oneirotope* for describing the dream.

Oneiric elements, which are widely used by Udmurt writers, are not studied properly by philologists. We can just come across the cases when researchers mention them casually while speaking about more general ideas. We think that oneiric elements demand more deeply study because they have their own functions and artistic value in works of literature written by Udmurt writers.

In this research we have tried to inquire into the creativity of R. Valishin, the Udmurt writer, in whose works oneiric elements often appear. We studied oneiric elements from the point of view of their functions, structure and artistic value.

It is no coincidence that all the main characters of Valishin's novel "*The Hill of Winds*" see dreams. It helps the author to depict the contradictory inner life of his characters. It means that R. Valishin knows about the psychological origin of dreams and by using them tries to show not only conscious thoughts of characters but also the unconscious. In his works dreams are often retrospective: they depict the past life of characters and then they have the opportunity to realize their mistakes and correct them in their real life. Valishin's oneiric elements express the mood, morale and world-view of his characters. Also R. Valishin uses them as an ethic assessment of his characters' actions. Even the generation gap is shown with the help of oneiric elements. When building the structure of oneirotope the author resorts to the use of visual, olfactory and sound images.

R. Valishin's heroes are notable by peculiar completeness of their characters and therefore he is considered to be the main «psychologist» in Udmurt literature. And we should not ignore the importance of using oneiric elements in his works.

Alexander Zamyatin

European University at Saint-Petersburg

Saint-Petersburg

zamyatinski@gmail.com

**Language choice and language behavior
of the Udmurt young people**

The Udmurt Republic is a contact region. From a sociolinguistic perspective there are at least two languages in interaction, Udmurt and Russian, and two population groups: monolinguals, speaking only Russian, and bilinguals, speaking Udmurt and Russian. So it is quite interesting to examine what are individual communication patterns at the interpersonal level in terms of language choice, why individuals choose different languages in various social situations.

Researchers have noticed that nowadays Udmurt is mostly the language spoken in rural areas. The level of linguistic vitality there is much higher than in urban areas. There is a tendency that young people from the countryside move to cities and start speaking the majority population language, i. e. Russian, there.

The report is devoted to consideration of the main language behavior strategies among the Udmurt youth both in rural and urban areas. It points out the most important preferences for language choice in certain speech situations, exploring why the communication language of Udmurts having command of the Udmurt language varies under the certain circumstances (switch to Russian).

The report is based on the field-work materials, particularly, on the interviews with the Udmurt young people.

Konstantin Zamyatin
University of Helsinki
Helsinki
konstantin.zamyatin@helsinki.fi

**Russia's Minority Language Education and Standards
of the European Language Charter:
Teaching of Titular Languages in Finno-Ugric Republics**

The purpose of the paper is to evaluate the readiness of Russia to take upon itself further international obligations in part of the promotion of minority language education. Many Russian and European experts agreed that Russian legislation provides the level of the protection of languages which is comparable with the minimum international standards formulated *inter alia* in the European Charter for Regional or Minority Languages (Charter). Occasionally Russian experts even argued that in Russia the languages are better protected than in Europe. Whereby Russia's minority language education is presented as an example of a field, where Russia arguably provides a higher level of the protection. Does Russia indeed provide a high level of the protection for minority languages in education? In order to evaluate the level of their protection in the light of the Charter, the paper explores the teaching of titular languages in the Finno-Ugric Republics. Indeed, the study demonstrates that titular languages in the Finno-Ugric Republics are protected quite well at the formal level of legislation. However, in line with the tendency pointed out already by the Advisory Committee for the Framework Convention (Second Opinion on the Russian Federation, 2007), the results of the study demonstrate that the implementation falls far behind the legislative provisions. In fact, the situation of the minority languages in education has further deteriorated since the beginning of the education reform in 2007. The study does not address the issue of Russia's willingness to ratify the Charter, but its findings might enhance understanding of Russia's reluctance to its ratification.

Sziráki Zsófia

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Budapest

sziraki.zsofia@gmail.com

Betegségekkel kapcsolatos hiedelmek az udmurt folklórban

Előadásom és a szakdolgozatom témája is az udmurt folklór egy olyan területe, ami a kutandó témák között csekély népszerűségnek örvend. A fellelhető anyagok közül főleg Munkácsi Bernát *Votják népköltészeti hagyományok* (1887) című gyűjteményét használom, de az elemzésbe bevonom a különböző udmurt dialektológiai és fonológiai vizsgálatokhoz készített korpuszokat is, valamint saját felmérésem eredményét is ismertetem.

Az összeállított anyagot az európai folklorisztikában ma használatos műfaj-meghatározások alapján rendszerezem, elemzem, magyarázatokkal látom el. Kísérletet teszek arra, hogy a vizsgált szövegekben megtalálható motívumok eredetét, elterjedtségét, esetleges változatait meghatározzam.

A betegség, a halál a modern korban, napjainkban egyre inkább tabutémának minősül – a társadalom által elfogadott létállapotok közé nem fér be. Hipotézisem az, hogy a tabunak köszönhetően a népi tudás egyre inkább kopik, korunk fiataljainak tudása ezen a területen gyérebb, mint a 19. század emberé. Vizsgálatom erre az alapfeltevésre is keresi a választ.

Anzhelika Taligina

Yugra State Univesity

Khanty-Mansiysk

Ataligina@bk.ru

**Some features of the mage content of the concept *rain*
in Khanty (based on the Shuryshkarsky dialect)**

Natural phenomena play an important role in the linguistic picture of the world of the Khanty.

The Khanty language uses verbs *jert̃i* (from the noun *jert̃i* 'rain', *jit̃i* 'to start', *χuwa tut̃i* 'to strengthen', *śośit̃i* 'to pour', *volit̃i* 'to finish') to refer to *rain*. At acoustical perception this phenomenon is indicated by the verbs *χota śaśt̃i* 'to knock', *śiǰəŋa jert̃t̃i* 'to make noise' or *wolaŋa at śaśt̃i* 'to fall silently', with the visual – *aj jert semən pitt̃i* 'to drizzle'.

Rain is not an isolated phenomenon of nature; it exists according to the laws of nature along side other phenomena. So, there are signs of rain - *paλŋət* 'the clouds', they say *pit̃i paλŋət etlət – jerta jil* 'when the clouds appear – it will rain'. When it is raining the sun is often hidden behind the clouds, for example: *χatəl paλŋət λepna χaŋeməs*.

Rain is associated with autumn, the time of cold, incessant rains, *χuw jert* when people say: *jertəl pa χuwa tusli* 'the rain has passed by'. Autumn rain is presented as bad weather. Spring and summer rains are not perceived as a negative, for example: *luŋən jert soχant̃i jurijŋ χul jama χolpa χojəl* 'in the summer, when the rain ends, the fish begin to get in the net better'.

There is a certain kind of rain at certain hours of the day. It is believed that rain is more likely in the evening and at night, and ends before morning, for example: *jetn jerta jis – aləŋ saχət volijəl*. To indicate a phase of long rain, they say: *jertəl pa χuwa tusli* 'the rain was blown again'. A man observes the changes in nature, so if the clouds are looming, they say: *jertəl pa χuwa tusli* 'when the clouds rise, it will rain', if there is no rain, despite expectations, they say: *paλəŋlal noχ ellələt – jerta jil* 'the rain has passed'.

The concept of *rain* combines the natural, geographical, personal, religious, and other specific features of language picture of the world of the Khanty.

Елена Тимирьянова

Бирская государственная социально-педагогическая академия

Бирск
lenochka404@mail.ru

Тема детства в повести «Золотая крошка» Никандра Лекайна

Свою литературную деятельность Никандр Лекайн начал в 1927 г. с создания очерков о жизни марийской деревни. Первыми художественными произведениями писателя стали рассказы «Настий» (1929) и «Пакет» (1930). Немало произведений Лекайн написал для детей: повесть «Золотая крошка», рассказы «Чудесные бабочки», «В малиннике» и др. Самым значимым из них является повесть «Золотая крошка» (1951). Это произведение является источником духовно-нравственного становления характера героев Н. Лекайна.

В отличие от таких русских писателей, как С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой, А. Н. Толстой или А. М. Горький, Лекайн показал путь развития ребенка не с самого рождения, а примерно с десятилетнего возраста. Главные герои повести «Золотая крошка» Шемер Микуш, Сафин Нургалий, Васлий Сакар, Има Мухарадзе, Мая Малинова, Клара Сидорова – дети разных народов: мари, русские, татары, грузины. Отличительная черта их характера – дружба. Они вместе учатся, помогают в коллективном хозяйстве. Автор не делает своих детей идеальными героями. Они равны между собой как характерами, хотя все они разные личности, так и поступками, которые Лекайн изобразил в этом произведении.

В марийской литературе Никандр Лекайн является первым писателем, который обратился к теме детства периода Великой Отечественной войны, показал тонкую психологию не только одного ребенка, а нескольких детей в целом. Здесь мы можем проследить традиции русской классической литературы. Хотя автор изображает своих героев не в мирное время, дети все равно находят время для игр и забав, учатся в школе, работают на колхозном поле, на ферме. Писатель мастерски показал то, как дети, что-нибудь вытворив, сами же

помогают друг другу исправлять ошибки, найти выход из ситуации.

Таким образом, Никандр Лекайн через труд, игру, учебу показал мир детства, трудовое и нравственное воспитание. Это новая тема в марийской литературе. Главными средствами изображения детского мира являются природа, уголки родного края писателя, живое общение с прототипами своих героев.

Olga Troškina

Tartu Ülikool

Tartu

orlojokrosh@mail.ru

Hirmulood udmurdi laste rahvapärimuses

Hirmulood on väga levinud praeguses udmurdi lastefolklooris. Laps tajub hirmu kohe sündimise järel. Ta kardab pimedust, kaotusi minekut, erinevate hirmulugude kangelasi. Hirmulugusid jutustavad lapsed vanuses 5-14 eluaastat. Nooremad lapsed usuvad kurje vaime ja erinevaid hirmujutte, mida vanematel on raske uskuda. 14-aastastele teeb see ainult nalja. Mõned usuvad muistendeid, mida udmurdi keeles nimetakse *išanj*os.

Udmurdi hirmulood on:

- jutud, mis on seotud elutute esemete või nähtustega.
- jutud, mis on seotud mütoloogiliste olenditega.

Esimese rühma lugudes esinevad asjad või nähtused, mis on seotud laste elukeskkonnaga: kindad, laigud, peegel jne. Laps leiab alati oma juttudele kangelasi. Mõned hirmulood on vene keelest tulnud. Näiteks on laste seas väga levinud jutud peeglist. „*Kui vaatad peeglist, siis peegel võib su endasse neelata ja sealt välja pääseda sa enam ei oska. Elas kord üks tüdruk. Ta vaatas peeglist ja peegel neelas ta endasse. Kui vaatad peeglist öösel, siis näed seal üht surnut inimest*”.

On levinud ka jutud punastest, kollastest ja mustadest laikudest. Punane värv on seotud verega, mida laps kardab. Must

värv on seotud laste kartustega. Jutte laikudest kasutatakse samuti naljana. „Elas üks väike poiss. Tema kodumaja laes oli kollane laik. Poisi ema nägi seda ja suri, järgmisel päeval surid samuti isa ja õde. Aga väike poiss läks vaatama, mis see on, ja nägi, et kassipoeg pissib“.

Teine rühma lood on seotud mütoloogiliste olenditega. Need on rehetont, saunatont ja metsavaim. Need on muistendid, mida inimesed tõesti usuvad. On palju jutte, mis on seotud veega või veetondiga. Öeldakse, et ei tohi käia saunas pärast keskööd, sest veetondile see ei meeldi. „Üks poiss läks sauna pärast keskööd. Ta pesi ennast ja tahtis välja minna, aga ust enam ei leidnud. Siis ta ütles „Осто Иһмаре!“ – Issand Jumal! Ja kohe avanes tema ees uks“. Usutakse, et kui öeldakse „Осто Иһмаре“, siis see kurivaim läheb ära. Lapsed kipuvad seda peaaegu alati uskuma.

Hirmujutud on enim levinud žanr udmurdi lastefolklooris. Neid jutustatakse nii koolieelikute kui ka kooliealiste hulgas. Mõned neist on jutud, mida laps kuulis lastelaagris ja vanemate inimeste käest. Mõnda neist räägivad lapsed edasi, aga ise ei usu, jutte, mis on sarnased muistenditega, lapsed aga usuvad.

Сергей Чудов

Сыктывкарса канму университет

Сыктывкар

ChudovX@mail.ru

Комилӧн (зыряналӧн) керка лэптӧм да сыкӧд йитчӧм миф

Комияслөн мифологическөй видзөдласыс мирлөн куим юкөна тэчас вылө ясыда төдчө керка лэптан ритуальясын – стрөитчан висьын, матич пуктөмын да өклупенялөмын.

Керка сруб пельөсө улысса кер улас көзяиныс пуктыліс медводдза керыштигөн торьялөм чаг, көрт сьөм, лэбач борд, вурун ёкмыль, зі поз да пызьтор. Тайө аслыспөлөс стрөитчан висьыс сетліс тыр-бур олөм улисянь. Висьлөн юкөнъясыс пасйөны куим муюгид: культура атрибутъяс (сьөм, гөн, пызь) пасйөны йөзлысь муюгидсө, вөр-ва атрибутъяс (лэбач борд, зі поз) – сакральнөй муюгид да му ув. Стрөитчан висьын төдчө керкалөн кык аспект: енэжкөд (вылыс югид) да му увкөд (улыс югид) йитчөмыс.

Подув кер визьсө пуктигөн керкалөн көзяиныс вайліс вөрьыс вужнас тшөтш томиник (пельысь, кызд, коз) пу да пуктыліс сйөс сруб пытшкас ен ув пельөсө. Сйө символизитуйтліс муюгид пу, пасйыліс керка шөрин да видзліс лекторйысь.

Джодж да йирк пуктылісны кык вылө юктөм лыда кер вылө. Лыда кодыс төдчөдліс йөз муюгидлысь суйөрсө. Керкалөн вылыс юкөныс пасйыліс сакральнөй муюгид, та вылө индылісны лэбач да вөв мыгөръяс шөр кер вылас да керка вевт дорышас. Йөзлөн муюгидлы лөсявліс керкалөн олан юкөныс. Матичыс пасйыліс муюгид пу. Матич кер позьясө пуктывлісны вурун да сьөм – тайө сетліс бур олөм вылісянь. Му ув югидлы лөсявліс гөбөч. Фольклор серти, сэтчө гуавлөмаөсь кулөмаясөс.

Арта-лада ылдөс туйын керка сувтөдсьө паныд ортсыыслы. Өдзөс да өшинь вөліны мукөд муюгидкөд йитчанінөн. Өшинь наличникъяслөн вөлі кызд мичмөдан, сідз и дорьян функция.

Светлана Чушкина

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы

Уфа

Cvetaaaa09@rambler.ru

Формирование читательской культуры марийской этнической группы в Республике Башкортостан

Увеличение интереса к чтению, формирование читательской культуры населения является общенациональной задачей нашей страны и мирового сообщества в целом.

Становление культурного человека представляет собой процесс активного, целенаправленного развития и саморазвития в постижении, воспроизводстве и приумножении культурных ценностей. Его деятельность, прежде всего, характеризуется умением «обращаться» с культурой и в культуре; способность к воспроизводству и умножению культуры, а также к самовоспроизводству в ней (Бенин В. Л. Культура. Образование. Толерантность. Уфа: Издательство БГПУ, 2011. С. 85.

Культурное наследие каждого народа, входящего в мировое культурное пространство, выражает самобытность нации и передается из поколения в поколение. Особую важность приобретает развитие у молодого поколения гуманистического, творческого потенциала. Один из путей достижения этой цели – воспитание на основе складывающихся веками национальных традиций.

В библиотеках Мишкинского района республики Башкортостан созданы все условия для сохранения, развития, распространения национальной культуры марийской этнической группы. Это книжный фонд, архивные данные из периодических изданий, электронная краеведческая база данных. Проводится большое число мероприятий: читательские конференции, конкурсы чтецов, презентации книг, конкурсы, беседы и обзоры.

Главным в работе библиотек остаются традиционные направления: развитие и повышения интереса к книге, к чтению, пропаганда произведений писателей-земляков; воспитание любви к Родине, ее историческому прошлому – патриотическому воспитанию. Библиотеки ведут большую работу

по изучению интересов и информационных потребностей каждого читателя путем индивидуальной беседы, анализа читательского формуляра, читательских справок.

Формирование читательской культуры является неотъемлемой частью деятельности любой библиотеки. Благодаря этой этому формируется национальное самосознание, осознается культурная принадлежность, развивается полноценная культурная личность.

Александр Учеваткин

Мордовиянь государственнь М. Е. Евсевьевень лемсэ

педагогикань институт

Саранск

santerzia@rambler.ru

Эрзянь кельсэ аволь теезь ды теезь междометиятне

Неень шкань кельсодамонь наукасонть междометиясь ловови теке а полавтневица валтнэнь класс, конатнень вельде кортамосо ёвтавить ломаненть ёжомарямонзо, мелявксонзо ды кармавтомань мелензэ.

Составонь коряс эрзянь кельсэ междометиятне эрсить аволь теезекс ды теезекс.

Аволь теезь междометиятнень вельде ёвтави ломанень потмонь ежомарямось, дивамось, серьгедемась, пижакадомась. Истямокс лововить: *вай, вый, эрь, эка, я, и-и, эх* ды лиятне.

Аволь теезекс лововить ламоксть ёвтазь междометиятнеяк: *эге-ге-гей, вай-вай-вай* ды с. т.

Теезекс лововить сеть междометиятне, конатне теезь лия кортамо пелькстнэстэ. Эрзянь кельсэ те канаскадозь формасто аштиця междометиятне. Те куронтень совить междометиятне, конатне теевсть знаменательной валсто:

1) *существеннойстэ: авакай, тетякай, корьмакай, осподи* ды седе тов;

2) *прилагательнойстэ ды существительнойстэ: шумбра валске, шумбра эрямо, паро чокшне, паро валске, паро удома, вере паз ды лият;*

3) *глаголсто: ужо, кадык, саты, вант, пандя, оймак, теян ды лият;*

4) *наречиясто: таго.*

Тей совавтовить истяжо а явовиця валзюлмавкстнэяк (фразеологизматне) – составонь ды структурань коряс кеме, лексикань коряс а явовиця, вейсэнъ валзюлмавкст ды вал-рисьметь, конатне топавтыть ськамочинь лексемань функция. Сынъ ёмавтыть эсест икелень смустест ды кармить междометиякс. Истя теевить **те вана виде, те паро-нь** кондят междометиятне.

Весе евтазенть арсезь, эрзянь кельсэ междометияне эрсить аволь теезекс ды теезекс. Аволь теезь междометияне чарькодевить ансяк валрисьмень, интонациянтъ ды мимикантъ вельде. Сынъ евтыть ломанень потмоежо ды эсест формаст коряс пек молить звукоподражаниянтненъ енов. Теезь междометиятне эсест эйсэ кандыть седе ламо информация, секс, мекс сынъ теевсть знаменательной валсто.

Дарья Учватова¹⁾, Надежда Кабаева²⁾

Н. П. Огаревонь лемса Мордовскяй государственнай
национальной исследовательскяй университет
Саранск ош

uchvatova.darya@yandex.ru¹⁾, nadkab@rambler.ru²⁾

Мокшень кяльса

корхтаматнень ёткас вайгяльксонь полафнематне

Мокшень кялень корхтаматне эсь ётковаст лама мезьса аердыхть. Ня аердоматне токсессазь вайгяльксеньге. Тяфта гласнай и согласнай вайгяльксне эрь кодама корхтаматнень эса эсь ётковаст тиихть полафнемат (чередованият).

Полафнематне васьфневихть кода валть ушетксса, станя кучкаса и песа.

Гласнайхнен ёткас мушендовихть тяфтама полафнемат: 1) *ä-e*, *e-i*. Тя полафнематне тиевсть марстонь мокшэрзянь ингольце рядонь гласнайхнень тьянъялгодомаснон вельде.

1) *e* фонемась *ä*-ть вастс мушендови лямбешиньстямширдень, кельме-шиньмадомширдень и кой-кона кучка диалектонь корхтаматнень эса: ванк, м. лит. *käd'* – л.-ш., к.-ш. *ked'*, м. лит. *käl'* – л.-ш., к.-ш. *kel'*.

2) марстонь мошэрзянь *e* фонемать вастс лямбешиньстямширдень, кельме-шиньмадомширдень и кой-кона кучка диалектонь корхтаматнень эса моли *i*: м. лит. *ked'* – л.-ш., к.-ш. *kid'*, м. лит. *s'ed'* – л.-ш., к.-ш. *s'id'*.

Мокшень корхтаматнень ёткас васьфневихть полафнемат согласнай вайгялькснень мархтовок кода вальюронь, станя и аффиксонь морфематнень эса. Васьфневихть тяфтама полафнемат: *c'-s'*, *z-j*, *s-j*.

c'-s' полафнемась мушендови валть ушетксса: кучка к. *c'ora* – л.-ш. *s'ora*, кучка к. *c'il'f* – л.-ш. *s'il'f*.

z-j, *z'-j*, *s-j*, *s'-j* полафнематне мушендовихть эста, мьзярда вальюрсь аделава фрикативнай (*s*, *z*) согласнай лангс, а мельганза поладови суффикссь ушедови *s*-ста. Аффиксонь морфемать инголе вальюронь мекольце согласнайсь ётай *j*-кс. Тя мушендови мокшень кялень кучка диалектонь рыбкинаны-мамолаеваны корхтаматнень эса, кепотьксонди: *vaz'* – *vajssa*, *vajsstā*; *tarvas* – *tarvajssa*.

Мокшень корхтаматнень эса васьфневихть ляпе/калгода полафнематне: к.-ш. *kydn*, *kudndi* – кучка к., л.-ш. *kudən'*, *kudən'd'i*, к.-ш., л.-ш. *š'ev* (*š'äv*), *š'už'er'* (*š'už'är'*) – кучка к.. *šäv*, *šüžär'*.

Мокшень кяльса мушендовихть *J*– š' (š) полафнематне. Тя полафнематне васьфневихть ся корхтаматнень эса, коса аш *J* фонемась: м. *kuj* – кучка к., к.-ш. *kuJt'* – л.-ш. *kuš't'*, м. *saj* – кучка к., к.-ш. *sajt'* – л.-ш. *saš't'*.

Мокшень кяльса вайгялькснень ётка васьфневихть и лия полафнематка.

Oliver Vare

Tartu Ülikool

Tartu

oliverva@ut.ee

The Conjunctive Construction in Curonian Livonian

The conjunctive construction in this presentation involves the type of sentence that expresses purpose, intention or outcome towards an action. In Curonian Livonian this construction occurs with the use of the jussive mood, where the particle *laz* combines with the jussive *k-/g*-ending, in case of negative speech the jussive form of the negative verb *algə* is used instead of *laz*.

- (1) *un siz ta tÅ'b, laz sa täm'mEn*
 and then he wants, PRCL you to him
sie umār ānda-g/.../
 this apple give-JUSS/.../
 'And then he wants you to give this apple to him'

Similar construction is found in Latvian where the conjunctive sentence type is expressed with the particle *lai* combined with the verb form in the conditional mood.

- (2) *Viņš sacī-ja, lai es tulīt*
 He say-IMPERF.3SG PRCL I immediately
nākt-u.
 come-COND
 'He said that I should come immediately'

In Estonian these type of sentences are usually expressed with the use of the verb in the conditional mood or the *da*-infinitive form (Rüütmaa 2010: 243).

- (3) *Sa palusid, et loe-ksi-n raamatut.*
You asked that read-COND-1SG book
'You asked me to read a book'

However the jussive mood can also be peripherically used in this construction, particularly abundantly in the subdialect of Kihnu (Kehayov et al 2011).

The conjunctive construction that uses conditional mood can be explained by the influence of German *Konjunktiv*. But same can be said about the similar development of the jussive mood as can be seen in Curonian Livonian and in texts of Old Written Estonian where the jussive was often preferred. (Kehayov et al 2011: 89) The Latvian type seems to be a combination of the two types.

References:

Kehayov, P., L. Lindström, E. Niit 2011. Imperative in Interrogatives in Estonian (Kihnu), Latvian and Livonian. – *Linguistica Uralica* 47(2), 81–93.

Rüütmaa, T. 2010. Imperatiiv ja konditsionaal ungari ja võrdlevalt eesti kõrvallauses. – *Lähivõrdlusi = Lähivertailuja* 20, 240–263.

Яна Васильченкова

Коми республиканская академия
государственной службы и управления
Сыктывкар
Jane13-17-666@yandex.ru

Из истории с. Пожег Усть-Куломского района

Республики Коми

На сегодняшний день весьма актуальной проблемой является опустошение сел и деревень. Причиной этому служит отток молодежи из сельской местности. Такое положение вещей создает условия для вымирания деревни.

В Коми крае после проведенного Стефаном Пермским крещения и введения православия культура в каждом селе начиналась со строительства церкви. Церковь появилась и в с. Пожег.

В XIX в. среди жителей села ходила легенда о том, как было выбрано место для строительства первой деревянной церкви. Позже на месте деревянной церкви построили кирпичную – церковь Святой Троицы. В 1862 г. при церкви была основана церковно-приходская школа. Это документально подтверждается архивными данными: *«В Помоздинской волости в погосте Пожегодском открыто училище в 1861 году на основании указа государя-императора от ноября 03 числа 1842 г.»*.

Вторая половина века явилась трудным периодом в становлении образовательных учреждений в с. Пожег.

В начале XX в. в селе функционировала церковно-приходская школа, подчинявшаяся Синоду. Курс обучения в ней длился 3-4 года.

Знания об истории государства, а также история малой родины, традиции и вера передаются от поколения к поколению. Зная и не забывая их, человечество развивается дальше, правильно принимает решения и не допускает ошибки, совершенные когда-то предками.

Литература:

Воскобойникова Н. П., М. А. Мацук (сост.) 1985. *Документы по истории Коми народа. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII века*. Сыктывкар.
Дневник В. Н. Латкина «Во время путешествия на Печору в 1840-1843 г.г.». – Санкт-Петербург, 1953.

Жеребцов Л. Н. 1982. *Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (с начала X по XX вв.)*. Москва.

Очерки по истории Коми АССР: ч. 1. Москва, 1955.

Артём Вежеев

Удмурт кун университет

Ижкар

www.Dogma-09@mail.ru

Удмурт сатиралэн этнической спецификаез

Гётелэн верамезъя, адымиослэсь сямзэс тужгес но умой вала-ны луэ кинэ, мае но кызыы серекъямзы бордысь. Удмурт сатираын но национальной сямез шӧдыны быгатом веросчимаскарчи бордысь но, сереме уськытэм персонаж вылысь но, положительной герой бордысь но.

Сатиралэн бадӟым кужымез серекъян бордын. Серекъяса адымиос чӱшкало азьлань мыныны люкетӥсьёсты, шараяло соослэсь кырсь малпанӥссэс но ужӥссэс, возматом ляб интыоссэс, улонын кулэтэм луэмзэс. Сатираын бадӟыматӥсь пияла пыртӥ сямен адӟиське соослэн йӧнтэм тусбуйзы но выросӥсьсы.

Усто комизм кылдытыны быгато: Л. Емельянов «*Акырӟан сюлэм*», В. Садовников «*Сюан*», И. Гаврилов «*Кезыт ошмес*» но мукетӥс. Та произведениосысь персонажӥс матын луо гурт маскарчиослы, котьмае вормись калык геройӥслы – Алдар Иванлы, Лӧпшо Педуньлы, Шамарданлы, солдатлы...

Та ужпумез эскерон но радъян бордын трос ужаз А. Н. Уваров.

Йожеф Виг

Университет им. Лоранда Этвёша

Будапешт

История изучения финно-угорской археологии в Венгрии

Изучение финно-угорской археологии в Венгрии можно разделить на три этапа. Венгерские ученые в основном занимались изучением древней истории финно-угров, однако во время зарождения данной науки приоритетное место занимало исследование культуры венгров периода обретения родины, а также ее восточные параллели. Здесь в первую очередь можно отметить графа Енё Зичи, который организовал три экспедиции в Российскую Империю. Другой исследователь этого времени – Иштван Зичи – не занимался выяснением конкретного местонахождения финно-угорской прародины.

Перемены в данной области начались после Второй мировой войны. Первым ученым, кто попытался локализовать древнюю прародину венгров комплексными методами, был Дюла Ласло. Кроме изучения советской научной литературы и выводов языкознания, он также обратился к полленологии. Петер Хайду в одной из своих работ показал, что Д. Ласло перепутал полленологические карты.

Чтобы археология стала признанной частью науки о финно-угорской древней истории, нужно было ждать работ Иштвана Фодора. Он был тем ученым, кто сравнил лингвистическую теорию П. Хайду с археологической концепцией В. Н. Чернецова, локализуя древнюю прародину главным образом на территории Западной Сибири.

Аналогичные выводы были также сделаны этнографом Петером Верешем. Как и И. Фодор, он также опирался на данные советской археологии, т. е. у них была одна и та же база источников. П. Вереш на основе прежних карт передвинул территорию древней прародины южнее.

Новая концепция исследования повлияла на работы Яноша Маккаи, однако его теория была оставлена вне внимания. Я. Маккаи обратил внимание ученых на новые археологические данные и не раз обращался к необходимости обновления прежних точек зрения.

Таким образом, в свете новых археологических данных назрела необходимость обновления венгерских исследований, однако этот процесс еще не начался.

Radosław Wójtowicz

Adam Mickiewicz University

Poznań

rwojtowi@amu.edu.pl

Speaker's attitude and case variation in Finnish

In Kettunen (1944) it is claimed that when the predicative of a Finnish copular clause *Tupakointi on kielletty* 'Smoking is forbidden' appears in the Nominative case, a ban is being expressed, and when in the Partitive, a state of affairs. However, examples from Finnish in public use show this is not necessarily the case.

The past passive participle as in the above mentioned example is used adjectivally. Scholars have so far considered different factors behind the case variation in Finnish adjectival predicatives. However, not only no examples of predicative use of past passive participles have been considered, but also little attention has been paid to abstract notions and nomina actionis as subjects of such clauses. Huumo (2007) points out that the choice of case may depend on the type of state of affairs referred to by nomina actionis and deverbal nouns. In the same article, Huumo claims it is the speaker's attitude that can make a partitive predicative possible in contexts where only a nominative predicative would be used.

In this paper I will present the results of my ongoing research on the role of speaker's attitude in the choice of case for two predicatively used Finnish past passive participles: *kielletty* 'forbidden' and *sallittu* 'allowed'. In the first stage of the empirical part of the research, native speakers of Finnish are asked to complete an Internet survey. They are to finish copular sentences the subject of which are nomina actionis of different types, and also to provide information about their social background and

attitudes towards different things being forbidden or allowed. In order to determine how speakers really use these participles, I conduct interviews via skype with volunteers who have agreed to participate in the second stage. In this way I hope to find out to what extent sociolinguistic factors play a role in the choice of case for Finnish adjectival predicatives.

References:

- Huumo, T. 2007. Kvantiteetti ja aika II: nominaalinen aspekti ja suomen predikatiivin sijanvaihtelu. – *Virittäjä* 111, 3–23.
- Kettunen, L. 1944. Tupakointi kielletty vai kiellettyä?. – *Virittäjä* 17, 11–12.

Tartu Ülikooli
Paul Ariste soome-ugri
põlisrahvaste keskuse üllitised
on sari, milles ilmub eri
keeltes õppevahendeid,
uurimusi, üldharivaid jm.
teoseid uurali rahvaste keelte
ja kultuuride alalt.

ISSN 1406-7706

Konverentsi toetavad

Tartu Ülikool

Tartu Ülikooli Paul Ariste soome-ugri põlisrahvaste keskus

Tartu Ülikooli Üliõpilasesindus

Tähtvere Vallavalitsus

Edicy.com

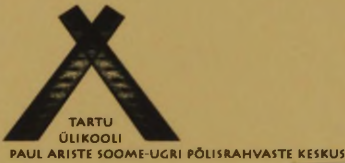
RPM Grupp

Ganttico OÜ

Kultuurkapital

Eestimaa Rahvaste Ühendus

Hõimurahvaste Programm

edicy

Ganttico

RPM

GRUPP

ISBN 978-9985-4-0698-4

